

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 4 (113) / 2021

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, Е. А. Булат, А. Н. Гордей, Е. А. Гапанович,
Е. Г. Задворная, Т. В. Поплавская,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Беликова Е. А.</i> Жанровая специфика функционирования отрицательных конструкций в научном дискурсе	7
<i>Задворная Е. Г.</i> Коммуникативная резистентность в межличностном общении	14
<i>Сытько А. В.</i> Иллокутивные характеристики деонтического высказывания	22
<i>Тригубова Д. Л.</i> Характеристики компонента 'персонажи' в смысловой структуре киноаннотаций	32

Романское и германское языкознание

<i>Гойло А. А.</i> Левая дислокация в национальных разновидностях английского языка: синтаксические функции и структурные свойства смещаемых составляющих	40
<i>Крот Л. Г.</i> Лингвистические и экстралингвистические факторы демотивации	49
<i>Фольман Р.</i> Standard Language and Dialect in Austria.....	56

Исследования славянских языков

<i>Романаускас Е. В.</i> Речевые трансформации паремии <i>Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе</i> в современном русскоязычном дискурсе.....	69
--	----

Исследования восточных языков

<i>Ван Сяонань, Конев Е. Ф.</i> Основные предпосылки возникновения англоязычной периодики Китая	77
---	----

Проблемы прикладной лингвистики

<i>Голяк Ю. Д., Совпель И. В.</i> Автоматическое дополнение русскоязычных пользовательских запросов на основе подсказок типа «глагольная группа», «грамматическая основа предложения» и «лексикон»	84
--	----

Литературоведение

<i>Кохан Т. С.</i> Рэцэпцыя традыцый антычнасці ў творчай спадчыне Яна Чачота.....	94
<i>Мотрэнка Т. А.</i> Верлібры-інсайты Максіма Танка ў апошніх кнігах паэта: фармальна-зместавыя аспекты.....	100
<i>Наумович В. А.</i> Верлібры Максіма Танка ў кантэксце сусветнай паэтычнай традыцыі.....	106
<i>Трацяк З. I.</i> ‘Continuous War’ Motif in Belarusian Prose about World War I: Some Trends of Development	115
<i>Яо Юань.</i> Неосушествимая «американская мечта» (на материале романа Чарльза Ю «Внутри Чайнатауна»)	121

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Belikova E.</i> Genre Peculiarities of Negative Constructions Functioning in Scientific Discourse	7
<i>Zadvornaya A.</i> Communicative Resistance in Interpersonal Communication	14
<i>Sytko A.</i> Illocutive Features of Deontic Utterance	22
<i>Tryhubava D.</i> Features of the ‘characters’ Component within the Semantic Structure of Film Annotations	32

Romance and Germanic Linguistics

<i>Goylo A.</i> Left Dislocation in National Varieties of English: Syntactic Functions and Structural Peculiarities of Dislocated Constituents	40
<i>Krot L.</i> Linguistic and Extralinguistic Factors of Demotivation	49
<i>Vollmann R.</i> Standard Language and Dialect in Austria	56

Slavonic Languages

<i>Romanauskas E.</i> Speech Transformations of the Paroemia <i>If the Mountain Won't Come to Muhammad, Then Muhammad Must Go to the Mountain</i> in Russian-Language Discourse	69
--	----

Studies of Oriental Languages

<i>Wang Xiaonan, Konev E.</i> Basic Preconditions for the Origin of the English-Language Periodicals of China	77
--	----

Applied Linguistics

<i>Haliak J., Sovpel I.</i> Autocompletion of Russian Language User Queries Based on Suggestions of the “Verb Phrase”, “Sentence Subject and Predicate” and “Lexicon” Types	84
---	----

Studies in Literary

<i>Kokhan T.</i> The Reception of the Antique Traditions in the Creative Heritage of Ian Chachot.....	94
<i>Motrenka T.</i> Vers Libres-Insights by Maxim Tank in the Poet’s Last Books: Formal and Content Aspects.....	100
<i>Naumovich V.</i> Maxim Tank’s Vers Libre in the Context of the World Poetic Tradition	106
<i>Tratsiak Z.</i> ‘Continuous War’ Motif in Belarusian Prose about World War I: Some Trends of Development	115
<i>Yao Yuan.</i> The Unrealizable “American Dream” (on Charles Yu’s Novel <i>Interior Chinatown</i>)	121

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'42

Беликова Екатерина Александровна
аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Ekaterina Belikova
Postgraduate Student of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
ekaterina.belav@gmail.com

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

GENRE PECULIARITIES OF NEGATIVE CONSTRUCTIONS FUNCTIONING IN SCIENTIFIC DISCOURSE

В статье анализируются жанровые особенности функционирования отрицательных конструкций в научном дискурсе. Выделены три группы семантико-прагматических функций, которые реализуют отрицательные конструкции в монологических и диалогических жанрах научного дискурса. Первая группа включает функции, которые совпадают по употребительности в монологе и в диалоге, но отличаются дополнительными характеристиками, такими как средства языковой реализации, степень категоричности, наличие эмоциональной окрашенности. Вторая группа объединяет функции, которые являются более типичными для одних жанров и менее типичными для других. Третью группу составляют функции, которые отрицательные конструкции реализуют только в диалогических жанрах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: научный дискурс; отрицательные конструкции; монологические жанры; диалогические жанры; семантико-прагматические функции.

The article deals with the genre peculiarities of the negative constructions, functioning in the scientific discourse. The analysis reveals three groups of semantic and pragmatic functions of the negative constructions in the scientific discourse. The first group includes functions realized in both monologic and dialogical genres. However, these functions differ in their linguistic means of realization, emotional colouring and degree of intensity. The second group reveals the functions which are more specific to one of the genres and less specific to the other ones. The third group embraces functions realized only in the genre of scientific discussion.

К e y w o r d s: scientific discourse; negative constructions; monologic genres; dialogical genres; semantic and pragmatic functions.

Антропоцентризм и функционализм современной научной лингвистической парадигмы определили особое внимание исследователей к выявлению функциональных и прагматических характеристик языковых единиц и конструкций в единстве с их структурными и семантическими особенностями. Это правомерно и в отношении такой значимой языковой категории, как

категория отрицания. Несмотря на длительную историю изучения, дискурсивная и жанровая специфика функционирования данной категории изучена недостаточно, что в полной мере относится и к научному дискурсу. Эти соображения обусловили постановку такой цели исследования, как выявление семантико-прагматических функций отрицательных конструкций, представленных в некоторых монологических и диалогических жанрах русскоязычного научного дискурса.

В лингвистике отсутствует единая общепринятая типология научных жанров. Существующие классификации строятся на различных основаниях, таких как степень обобщения научных сведений, коммуникативно-прагматическая функция, композиционно-смысловая организация структуры, степень проявления лингвостилистических характеристик научного стиля [1; 2; 3]. Некоторые исследователи, придерживаясь идеи полевой организации жанровой структуры научной коммуникации, выделяют центральные/ядерные монологические жанры, с одной стороны, и центральные/ядерные диалогические жанры, с другой стороны [2; 4]. При этом в качестве центральных монологических жанров рассматриваются научные статьи и монографии, а в качестве центральных диалогических жанров – научные дискуссии. В связи с этим в нашем исследовании анализ отрицательных конструкций осуществляется в рамках вышеназванных ядерных жанров, поскольку они наиболее ярко демонстрируют различия между монологом и диалогом.

Материалом для настоящей работы послужили 1000 отрицательных конструкций, отобранных методом сплошной выборки из научных статей и монографий по лингвистике, географии, математике, и 1000 конструкций из стенограмм научных дискуссий. Исследование проведено на материале так называемой свободной дискуссии, а именно дискуссии в виде обсуждения научного доклада на конференции или публичной лекции [5, с. 214].

Как показал анализ, можно выделить три группы семантико-прагматических функций, реализуемых отрицательными конструкциями. Первая группа включает функции, представленные как в научном монологе, так и в диалоге. Рассмотрим эти функции подробнее.

1. Выражение несогласия, возражение

Данная функция относится к числу наиболее востребованных в научном монологе, ср. типичные примеры ее реализации в статье и монографии: *М. П. Котюрова пишет: «Учитывая градуальный характер оценочности, применительно к оценке научного знания можно говорить о трех видах: нулевой, или квалификативной, позитивной и негативной...». Мы считаем, что оценочную деятельность в научном дискурсе можно рассмотреть более широко... В связи с этим важно подчеркнуть, что как сама оценка, так и содержание операции оценивания **не могут определяться** в научном творчестве аксиологической шкалой «хорошо – нейтрально – плохо»¹* (Н. В. Данилевская. Научный текст как динамика оценочных действий);

¹ Здесь и далее отрицательные конструкции выделяются жирным шрифтом. Языковые маркеры, позволяющие идентифицировать ту или иную функцию, подчеркиваются.

Думается, для такого утверждения нет достаточных оснований (В. Н. Игнатович. Парадокс Гиббса с точки зрения математики).

Языковым маркером данной функции является отрицательная бытийная или предикатная конструкция, а важное условие ее применения – представление в предшествующем контексте некоторой точки зрения, по отношению к которой выражается несогласие; как правило, эта точка зрения формулируется при помощи конструкций с прямой или косвенной речью.

Выражение несогласия является одной из наиболее типичных функций и в научной дискуссии. При совпадении показателей употребительности данной функции характер ее реализации несколько отличается от ее применения в диалоге. Так, режим диалога, естественно, не предполагает вербализации оспариваемой точки зрения при помощи конструкций с прямой и косвенной речью. Кроме того, для диалога характерно использование эксплицитного маркера несогласия (*не согласен*), практически не употребляемого в научном монологе:

Поскольку, я извиняюсь, я категорически не согласен с Ириной Ясиной, – два момента. Антиотбор вызывает не только эффект основателя, но и очень мощные системные эффекты, особенно у человека (Люди и медицина будущего);

Начну с конца – по поводу того, что определенные элементы, скажем так, традиций в сообществах приматов часто противоречат их врожденным стереотипам. Тут я не совсем согласна, мне кажется, что это опять же каждый раз нужно экспериментально проверять, противоречит или не противоречит врожденным стереотипам (Есть ли у животных культура? Гипотеза распределенного социального обучения).

Наконец, устному полемическому научному общению свойственна довольно высокая степень интенсификации и очевидная эмоционально-экспрессивная окрашенность, что приводит к возможному использованию эмфатических частиц (*да, как*), повторов синтаксических конструкций, риторических вопросов:

Научные статьи, где всё время «я вижу», «я подумал». Да меня не интересует, что он думал! Есть стандарты, требования журналов к написанию (Проблемы профессиональной подготовки клинических психологов);

Сигналы теряют специфичность, они начинают реже употребляться, у шимпанзе они вообще не специфические. – Как это они не специфические?! Тот же Фирсов воспитывал шимпанзе, это был совершенно замечательный эксперимент! (Есть ли у животных культура? Гипотеза распределенного социального обучения).

2. Негативная оценка какого-либо аспекта обсуждаемого вопроса

Данная функция как в монологических, так и в диалогических жанрах реализуется с помощью таких средств, как показатель отрицания в сочетании с лексемой, передающей отрицательное оценочное значение. При этом в соответствии с нормами научной коммуникации категоричность негативной оценки принято смягчать, что отражается в широком применении деинтенсификаторов негативной оценки. Ср. соответствующие контексты в моно-

графии: *Однако механизмы решения этих проблем не очень убедительны, так как не учитывается особенность химического загрязнения и его влияния на биоту, а также эволюционные экологические кризисы самой биоты* (В. А. Шальнев. Проблемы взаимодействия общества и природы) и в дискуссии: *То, о чем говорила Елена Яковлевна, мне кажется не очень важным. Грамотность не подразумевает отсутствия вариативности* (Словари XXI века); *Надо сказать, что вопрос был задан, как выражаются математики, не очень корректно или даже просто некорректно, потому что, как перевести без контекста?* (Язык перевода).

Важно подчеркнуть, что в полемическом научном диалоге возможно более категоричное и безапелляционное выражение отрицательной оценки:

Мне не нравится формулировка темы дискуссии. Я не считаю, что грамотная речь должна быть модной. Мода проходяща. – А я терпеть не могу, когда текст написан с ошибками (Словари XXI века).

Вторая группа представлена двумя подгруппами функций. В первую из них входят функции, которые более характерны для монологических жанров и менее типичны для диалогических жанров.

1. Функция **уточнения, комментирования сказанного** с целью погашения возможной неверной инференции адресата

В монологических жанрах научной коммуникации на долю конструкций, эксплицирующих данную функцию, приходится 62 %, а в научном диалоге – 38 %. Показательным примером реализации данной функции в монологических жанрах является следующий контекст, в котором автор в эксплицитной форме фиксирует функциональную предназначенность соответствующей отрицательной конструкции:

Чтобы у некоторых читателей не сложилось ложное впечатление, будто вывод о том, что парадоксальный скачок энтропии обусловлен поведением члена Lx в формуле для энтропии смеси... (В. Н. Игнатович. Парадокс Гиббса с точки зрения математики).

Данная функция, как правило, представлена двумя вариантами: ретроспективным и проспективным. В первом случае комментарий анализируемого типа следует непосредственно за высказыванием, понимание которого может, с точки зрения автора, быть неоднозначно интерпретировано реципиентом:

В отличие от персуазивного дискурса обычный разговор затевается не ради того, чтобы убедить (хотя это не означает, что мы не убеждаем или не стараемся убедить партнера) (О. С. Иссерс. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи). Начальный фрагмент данного высказывания может, с точки зрения говорящего, побудить слушающего вывести импликацию, что в межличностном бытовом общении отсутствует функция общения. Именно поэтому автор в скобках ретроспективным образом погашает возможное неверное умозаключение, отрицая его справедливость.

В реализации данной функции активно задействованы языковые маркеры причины и следствия (*поэтому*), противительные союзы (*но, однако*), уступительный союз (*хотя*).

В случае проспективно направленного уточнения автор предваряет возможные неверные умозаключения и сразу предлагает свой комментарий:

*Перечень индикаторов речевых тактик **не претендует** на исчерпывающую полноту, однако он все-таки показывает, что опознание коммуникативной задачи происходит на основе всех уровней – поверхностных и когнитивных структур, а также с учетом прагматических особенностей высказываний* (О. С. Иссерс. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи).

Как уже было отмечено выше, в диалогических жанрах научного дискурса отрицательные конструкции, реализующие данную функцию, являются менее частотными:

Тот факт, что вода является основным компонентом, основным ферментативным субстратом в организме, основным донором в химических реакциях, катализатором во многих случаях, никто никогда не дебатировал. Это факт, это известно биохимии очень много десятков лет. Однако это не означает, что у воды есть какие-то магические свойства помимо того, что у нее странное иногда термодинамическое поведение, и мы без нее помираем (Люди и медицина будущего). Это связано, на наш взгляд, с тем, что научный диалог представляет собой каноническую коммуникативную ситуацию непосредственного общения, где можно оперативно отреагировать и предвосхитить неверные умозаключения адресата.

2. Функция указания на условия достижения определенной цели

На долю отрицательных конструкций, участвующих в реализации данной функции в монологических жанрах, приходится 75 %, в то время как аналогичный показатель для диалога составляет всего 25 %. Иначе говоря, употребительность отрицательных конструкций в монологе в три раза выше, чем в диалоге:

***Не уяснив** сути предмета, **не поняв** принципа его формирования, **невозможно оценить** его положительные и отрицательные стороны для практической жизни, как **нельзя оценить** и того, что он «безразличен» к обеим сторонам* (Н. В. Данилевская. Научный текст как динамика оценочных действий);

Если воздух имеет давление, близкое к нормальному атмосферному давлению, т.е. если не рассматриваются взрывы, происходящие на больших высотах, где воздух менее плотен, то можно считать, что плотность воздуха примерно в 1200–1500 раз меньше плотности обычных взрывчатых веществ (А. Н. Лопанов. Критические процессы);

Если нас быстро не снабдят этим штаммом, то Институт гриппа сам его сделает (Жизнь с вирусами);

Здесь интересное поле для исследования. Что касается конкретно нашей гипотезы, пока не нашлись генетики нам в помощь, а мы очень надеемся, что генетики найдутся (Есть ли у животных культура? Гипотеза распределенного социального обучения).

Индикаторами данной функции являются деепричастия с частицей *не*, отрицательные модальные показатели (*невозможно, нельзя*), союзы *если не, пока не*.

Вторая подгруппа включает функцию **предположения**, которая является гораздо более релевантной для диалогических жанров научной коммуникации (90 %). Это можно объяснить тем, что в условиях актуальной коммуникации, протекающей в режиме реплицирования, говорящий при непосредственном обращении к собеседнику стремится избежать прямой критики и снизить негативную оценку, что и обуславливает употребление отрицательных конструкций в сочетании с частицей *ли* в вопросительном высказывании:

Будьте добры, скажите, не свидетельствует ли Ваша оценка трансформации грамматики, как правила установочного дискурса и как некоего инструментария, редукция грамматики, которую мы наблюдаем, что оптимистический взгляд развития общества в сторону ноосферы несколько сомнителен? (Задачи и перспективы наук о человеке);

Они же наноразмеров – не помогут ли радикальным образом решить эту проблему нанотехнологии? – Нанокиллеры для вирусов. – Именно нанокиллеры (Жизнь с вирусами).

В монологических жанрах данная функция представлена спорадически и является средством внутренней диалогизации научного сообщения (10 %):

Возникает, однако, существенный вопрос: возможно ли фактически такое сближение, не противоречит ли оно законам физики? (В. Н. Игнатович. Парадокс Гиббса с точки зрения математики).

Третью группу репрезентируют функции, которые отрицательные конструкции реализуют исключительно в жанре научной дискуссии.

1. Предложение

Данная функция специфична для иницирующих реплик в научном диалоге. В реализации данной функции участвует отрицательная конструкция, включающая частицу *не* с глаголом, выражающим желание, волеизъявление (*хотеть, желать*) в форме сослагательного наклонения:

А поскольку Вы гигант в этой сфере, то не хотели бы Вы за это взяться, чтобы навести порядок? Потому что генетика очень многое отвергла, опровергла и показала другие пути. Это один вопрос. – Это действительно интересный вопрос. Постараюсь очень коротко сказать об этом... (Задачи и перспективы наук о человеке).

2. Выражение непонимания

Важным языковым средством манифестации данной функции является частица *не* в сочетании с эпистемическим глаголом (*понимать, вникать*):

Я не до конца понял вашу базовую идентичность. То есть всё-таки вы себя роднее чувствуете где? В физике, в математике, там, где это всё на грани с биологией? Я не понимаю одной вещи: ты всё время говоришь о полимерной цепи, которая замкнута в кольцо, но она не имеет концов, потом ты привёл потрясающий пример с ДНК, которая уложена так, как надо в складчатую глобулу, но у неё-то концы не замкнуты (О топологии веревок, неевклидовой геометрии и фрактальной укладке ДНК в хромосомах).

3. Функция **уклонения от ответа на вопрос** представлена следующими прагматическими разновидностями:

а) **ссылка на невозможность ответить на вопрос, ввиду отсутствия необходимых сведений или знаний**, которыми располагает говорящий. Маркерами данной функции являются отрицательные конструкции с ментальным глаголом (*знать, помнить, разбираться*):

Я не биолог. Я не могу вам на этот вопрос ответить. Возможно, да. Я просто действительно не знаю... Мне однажды в Интернете попало сообщение, к сожалению, не помню, не могу дать ссылку (Задачи и перспективы наук о человеке);

Данные есть. Грибные клетки фагами не лизируются никогда ни за что, но у грибов есть свои вирусы грибов, но это эукариотические вирусы, в которых я не разбираюсь (Лечение бактериофагами);

б) **ссылка на недостаток времени для обсуждения:**

Это интересный научный вопрос, просто нет времени подробно о нем говорить (Задачи и перспективы наук о человеке);

в) **переадресация вопроса** (показателями данной функции являются конструкции с противопоставительным отрицанием):

Этот вопрос должен быть задан не мне, а Александру Григорьевичу Козинцеву и Марине Львовне Бутовской, которые специально этим занимались. Они занимались с маленькими детьми и с обезьянами (Язык и сознание: что делает нас людьми?).

Итак, такие свойства устного научного общения, как относительная спонтанность и импровизационность, высокая информативность и интеррогативность, режим реплицирования, полемическая направленность, выраженная политематичность обуславливают более широкий набор функций, реализуемых отрицательными конструкциями в диалогических жанрах научного дискурса. Как показывает анализ, даже в рамках одного типа дискурса наблюдаются существенные различия в специфике функционирования отрицательных конструкций в монологических и диалогических жанрах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аликаев, Р. С. Язык науки в парадигме современной лингвистики / Р. С. Аликаев. – Нальчик : Эль-Фа, 1999. – 318 с.
2. Троянская, Е. С. Полевая структура научного стиля и его жанровые разновидности / Е. С. Троянская // Общие и частные проблемы функциональных стилей : сб. ст. / АН СССР, каф. иностр. яз. ; отв. ред. М. Я. Цвиллинг. – М., 1986. – С. 16–28.
3. Чернявская, В. Е. Интерпретация научного текста : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : КомКнига, 2005. – 128 с.
4. Чалова, О. Н. Структурная и лингвопрагматическая организация устной научной дискуссии (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. Н. Чалова ; МГЛУ. – Минск, 2013. – 125 л.
5. Задворная, Е. Г. Виды научной дискуссии и их прагматические характеристики / Е. Г. Задворная // Стиль : междунар. журнал. – 2008. – № 8. – С. 213–224.

Поступила в редакцию 29.06.2021

Задворная Елена Геннадиевна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Alena Zadvornaya

Habilitated Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
egz0201@gmail.com

КОММУНИКАТИВНАЯ РЕЗИСТЕНТНОСТЬ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ

COMMUNICATIVE RESISTANCE IN INTERPERSONAL COMMUNICATION

Статья посвящена феномену коммуникативной резистентности, понимаемому как умение или склонность адресата противостоять коммуникативному воздействию, оказываемому на него адресантом. Выделяются и анализируются три группы причин резистентного коммуникативного поведения в межличностной коммуникации, связанные со спецификой информации, с характеристиками адресанта и с особенностями адресата.

Ключевые слова: *коммуникативная резистентность; коммуникативное поведение; межличностное общение; говорящий; слушающий; информация.*

The article is devoted to the phenomenon of communicative resistance understood as the addressee's ability or tendency to resist the communicative impact made on him/her by the addresser. The author singles out and analyzes three groups of reasons for resistant communicative behavior in interpersonal communication, which are connected with the nature of information, the addresser's characteristics and the addressee's peculiarities.

Key words: *communicative resistance; communicative behavior; interpersonal communication; the speaker; the listener; information.*

Одним из приоритетных направлений исследований в современной лингвопрагматике является анализ ситуаций неэффективного, дисгармоничного, некооперативного, деструктивного речевого воздействия и взаимодействия, причем круг традиционно изучавшихся объектов (коммуникативные сбои, осечки, неудачи, провалы) активно расширяется в последние десятилетия за счет таких феноменов, как псевдо- и квазикоммуникация, вербальная агрессия, коммуникативный саботаж, коммуникативные провокации, лингводемагогия, манипулирование и др. Этот тренд вполне понятен и закономерен. Во-первых, он отражает естественное развитие исследовательских интересов от изучения относительно простых коммуникативных ситуаций к анализу прагматически усложненных контекстов (понятно, что коммуникация, протекающая беспрепятственно и «по правилам», в аналитическом отноше-

нии прозрачнее, чем та, в которой либо не соблюдаются предпосылки успешности / эффективности коммуникации, либо нарушаются какие-либо коммуникативно-этические нормы). Во-вторых, без глубокого и тщательного анализа названных явлений невозможно полноценное изучение определенных коммуникативных сфер (ср., например, роль манипулирования в рекламной коммуникации). В-третьих, анализ подобных феноменов способствует разработке практических рекомендаций по оптимизации коммуникативных процессов и весьма полезен для создания и совершенствования компьютерных диалоговых систем.

При изучении практически любых видов «проблемной» коммуникации в центре внимания, как правило, оказывается тот вклад, который в порождение коммуникативных затруднений и осложнений вносит говорящий, выступающий в роли стороны, вольно или невольно провоцирующей коммуникативные конфликты или коммуникативные неудачи, использующий демагогические или манипулятивные приемы и т.д. Безусловно, в поле зрения лингвистов периодически оказываются и реактивные речевые действия: во-первых, некоторые из названных явлений могут носить как иницирующий, так и ответно-оборонительный характер; во-вторых, речь идет о сложных, комплексных коммуникативных феноменах, сущность которых выявляется не только и не столько в воздействии, сколько во взаимодействии, что требует анализа речевого вклада обоих коммуникантов. Тем не менее общая картина распределения исследовательских усилий свидетельствует о том, что главным действующим лицом коммуникативных сюжетов обсуждаемого типа остается говорящий, а приоритетным объектом анализа – иницирующие речевые действия. Как представляется, одним из любопытных феноменов, изучение которого могло бы быть весьма эффективным в плане некоторой коррекции этой асимметрии, является феномен коммуникативной резистентности.

Термин *резистентность* был заимствован гуманитаристикой из естественных наук, где он обозначает «невосприимчивость организма (популяции, биоценоза) к воздействию различных факторов (например, к ядам, загрязнителям, паразитам, болезням)» [1]. В психологии, как отмечается в «Современной психологической энциклопедии», этот термин «иногда используется в широком смысле (например, сопротивление внешнему воздействию или нежелание выполнять приказы)» [2]. Весьма эвристически ценной представляется трактовка понятия резистентности в философско-социологической аранжировке, представленной в работах Д. Г. Михайличенко, где под резистентностью понимается «целенаправленный процесс противодействия субъекта тем или иным социальным действиям или процессам» [3], или «целенаправленный процесс защиты, нейтрализации, сопротивления, противодействия тем или иным социальным действиям или процессам» [4].

Экстраполируя последнее понимание в сферу анализа речевого поведения, резистентность можно интерпретировать как склонность / умение / способность / потребность адресата противостоять определенным типам коммуникативного воздействия, оказываемого на него адресантом.

Анализируемый феномен может изучаться в самых разных ракурсах и аспектах, что обусловлено его гетерогенностью и вариативностью.

Так, сопротивление коммуникативному воздействию может осуществляться и в предельно мягкой, и в максимально жесткой форме, ср.:

(1) *Тетка вглядывалась и медленно трясла головой.*

– *Как хочешь, та chère, а я бы на твоём месте взяла pensee или палевые <ленты>.*

– *Нет, та tante, я лучше вот эти возьму,* – *говорила Ольга мягко и брала, что ей хотелось* (И. А. Гончаров. Обломов) – мягкий, тактичный отказ от совета.

(2) *Когда он был мальчиком, он из боязни, что отец разубедит его в споре, закрывал уши ладонями, кричал: «Не хочу слушать, не хочу, не хочу...»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба¹) – эмоционально окрашенный и усиленный характерным жестовым сопровождением радикальный отказ от коммуникативного взаимодействия.

Резистентность по отношению к оказываемому воздействию может носить явный (см. контексты 1, 2) и скрытый характер, ср.:

(3) *Бабка почему-то рассердилась и хлестнула его лестовкой, но потом сказала, чтобы он про всякую дурость не думал, – бог везде, только его никто не видит.*

Сашук подумал, что это какая-то липа, но промолчал, чтобы бабка снова не огрела лестовкой (Н. Дубов. Мальчик у моря; НКРЯ).

Резистентность может быть осознаваемой либо не осознаваемой самим субъектом, локальной или обобщенной, устойчивой (постоянной) или временной и т. д. (подробнее см. вариант классификации разновидностей резистентности, предложенный в работе [5]).

В настоящей статье представляется целесообразным остановиться на таком важном аспекте феномена коммуникативной резистентности, как причины резистентного коммуникативного поведения. Учитывая, что эти причины могут существенно различаться в зависимости от типа дискурса, в рамках которого осуществляется коммуникативное взаимодействие, ограничимся анализом иллюстрирующих разговорную межличностную коммуникацию диалогических фрагментов, отобранных преимущественно из русскоязычных художественных текстов (основным источником материала послужил Национальный корпус русского языка).

¹ Здесь и далее примеры из Национального корпуса русского языка сопровождаются аббревиатурой НКРЯ.

На наш взгляд, причины резистентного поведения, реализуемого в данной коммуникативной сфере, могут быть объединены в три большие группы: 1) мотивированные спецификой информации, 2) обусловленные особенностями говорящего / адресанта и 3) связанные с характеристиками слушающего / адресата.

1. Характер информации

Риск реализации резистентного коммуникативного поведения возрастает в следующих случаях.

✓ Адресат воспринимает информацию как банальную / скучную / избыточную / надоевшую, ср.:

(4) Обед прошел вполне благополучно, но когда ушли в кабинет пить кофе, началось объяснение. Зинаида Федоровна заговорила о чем-то быстро, вполголоса, она говорила по-французски, и речь ее журчала, как ручей, потом послышался громкий вздох Орлова и его голос.

– Боже мой! – сказал он по-французски. – Неужели у вас нет новостей посвежее, чем эта вечная песня о злодейке горничной?

– Но, милый, она меня обокрала и наговорила мне дерзостей.

– Но отчего она меня не обкрадывает и не говорит мне дерзостей? Отчего я никогда не замечаю ни горничных, ни дворников, ни лакеев? Милая моя, вы просто капризничаете и не хотите иметь характера (А. П. Чехов. Рассказ неизвестного человека).

Подчеркнем, что речь идет не об объективных свойствах информации и не о ее оценке говорящим (в частности, в приведенном выше фрагменте героиня пытается обсудить то, что ее действительно оскорбляет и мучает), а о ее субъективной интерпретации слушающим. Даже если информация объективно является для адресата весьма полезной и важной, но он считает ее избыточной и ненужной, то отторжение такой информации является весьма вероятным.

✓ Адресат интерпретирует информацию как нерелевантную / бесполезную:

(5) ...Просто некоторые его черты, прежде спрятанные, латентные, так сказать, могут со временем проявиться. А те, кого это удивляет, просто плохо были с этим человеком знакомы.

Крюков сунул в рот папиросу.

– Что вы съезжаете на какую-то ерунду? При чем тут квартиры? Не в этом дело (А. Белозеров. Чайка; НКРЯ).

Данный параметр оценки может совмещаться с предыдущим (легко представить ситуацию, когда информация одновременно воспринимается и как скучная, и как бесполезная), но может носить и автономный характер. Характерным признаком интерпретации информации как имеющей содержательную ценность, но при этом ненужной / нерелевантной является использование высказываний типа *Все это, конечно, очень интересно, но...*

(6) *Государственное значение... Полная самостоятельность... Внимание, уделяемое Академией наук...*

– *Да, все это очень интересно, – вздохнул Андрей. – Очень. Но мне хочется решить другую задачу* (Д. Гранин. Искатели; НКРЯ).

Ср. также любопытный вариант «полурезистентности», когда полного отторжения сообщения не происходит, но в то же время адресат фиксирует ограниченность своего восприятия информации (в данном случае художественной), которая интерпретируется им как ценная, но лично для него мало-релевантная:

(7) – *Знаешь, Крис, – вырвалось у него, – когда я в твои годы читал великих писателей, по-настоящему великих, изображенные ими страдания души иногда ужасали меня, иногда вызывали недоумение, иногда забавляли. Но я не чувствовал своей близости к ним. Мучается Гамлет. Интересно, но какое отношение это имеет ко мне? Ведь это было давно и с другими, сейчас не те времена, да и я не Гамлет* (Д. Биленкин. Космический бог; НКРЯ).

✓ Полученная информация противоречит системе знаний, убеждений, взглядов, воззрений реципиента.

Известно, что сообщение информации, не соответствующей картине мира адресата, его сложившимся представлениям об определенном фрагменте реальности, может наталкиваться на коммуникативные блоки, преодоление которых зачастую оказывается весьма непростой и нетривиальной задачей:

(8) – *Повторяю, Володя мой самый близкий друг. Со мной он не станет темнить.*

– *А если выяснится, что ты был слеп и твой друг не стоит доброго слова, что тогда?*

– *Такого просто не может быть, Маша. Это так же абсолютно, как вращение Земли вокруг Солнца. Иначе просто не может быть* (Еремей Парнов. Третий глаз Шивы; НКРЯ).

Интересно, что такой вариант резистентности может реализоваться даже в том случае, если информация обладает высокой степенью достоверности, что порождает множество парадоксальных сочетаний типа *знаю / вижу / понимаю / чувствую, но не верю, ср.:*

(9) – *... случай с Вовчиком меня беспокоит. Вдруг это у них свойство такое, у этмангасов...*

– *Никак не могу поверить, – сказал растерянно Коминт. – Вот слышу, понимаю, а поверить все равно не могу* (А. Лазарчук, М. Успенский. Посмотри в глаза чудовищ; НКРЯ);

(10) *... Ан. заметалась и затомилась, говорила много и сразу ласковых слов, как обычно не делает. И затем спросила: «Думаешь ты, я верная тебе?» Отвечал, что думаю – неверная, но не верю чувством своим этому* (Н. Н. Пунин. Дневник. 1923 год; НКРЯ).

✓ Адресат воспринимает информацию и – шире – речевые действия собеседника как травматичные / неприятные / обидные.

Этот вариант резистентности особенно важен для межличностного общения, которое отличается особой эмоциональной насыщенностью и значимостью эмоционального фона речевого взаимодействия, см. контекст 2, где мальчик кричит, затыкает уши и отказывается слушать отца именно потому, что переживает интенсивные негативные эмоции (ребенку очень обидно и неприятно проигрывать в споре, что неизбежно в силу несопоставимости аргументационных ресурсов, которыми располагают собеседники).

Данный случай также может комбинироваться с предыдущим вариантом, т. е. информация может интерпретироваться одновременно и как противоречащая представлениям / убеждениям / знаниям адресата, и при этом как обидная / неприятная / оскорбительная. По нашим наблюдениям, это один из тех случаев, которые провоцируют максимально резкое проявление резистентности в форме полного и категоричного отказа от дальнейшей коммуникации:

(11) <Степан просит Ташу объяснить странные обстоятельства преступления. Она глубоко оскорблена тем, что он может даже предположить ее причастность к случившемуся>.

– *Должно быть объяснение...*

– *Уходи отсюда, – тяжело дыша, велела Таша. – Убирайся вон! И не смей ко мне подходить и разговаривать со мной! Никогда! <...>*

– *Таша, – сказал он, – так нельзя. Давай нормально поговорим.*

– *Я не хочу с тобой говорить, ни нормально, никак! И не подходи ко мне больше никогда* (Т. Устинова. Ждите неожиданного).

2. Характеристики говорящего

Риски тех или иных проявлений резистентности относительно невысоки, если говорящий отличается такими качествами (по крайней мере, в глазах адресата), как харизматичность / привлекательность, авторитетность / экспертность, беспристрастность / объективность, искренность / честность и т. п., и, соответственно, резко повышаются, если говорящий такими качествами, по мнению адресата, не обладает. Ср. два выразительно контрастирующих контекста, в первом из которых слушающий готов верить говорящему, даже не вполне понимая содержание сообщения, а во втором – отказывается верить практически очевидному факту просто в силу сомнительной (с точки зрения воспринимающей стороны) коммуникативной репутации говорящего:

(12) *Тетя Наташа за полчаса научила Вету играть «Цыганочку» с вариациями.*

– *Не бойся, делай, что хочешь, только не бойся, бери харизмой, – сказала тетя Наташа.*

Вета не знала, что такое харизма. Но тете Наташе, как всегда, поверила слепо и безоглядно (Маша Трауб. Ласточ...кА; НКРЯ);

(13) – *Лаврецкий Федор Иванович приехал.*

– *Федя!* – воскликнула Марфа Тимофеевна. – *Да ты, полно, не сочини-ешь ли, отец мой?*

– *Никак нет-с, я их самолично видел.*

– *Ну, это еще не доказательство* (И. С. Тургенев. Дворянское гнездо).

3. Характеристики адресата

По отношению к данной группе причин целесообразно различать постоянные и ситуативные характеристики реципиента / слушающего.

Так, человек в целом может отличаться психологическими особенностями, глобально влияющими на моделирование его взаимоотношений с людьми и на специфику восприятия и оценки получаемой информации. Это такие свойства, как лабильность vs. ригидность психики, сформированность vs. несформированность базового уровня доверия (в смысле Э. Эриксона), характер базовой установки – «к людям», «от людей», «против людей» (по К. Хорни) и подобные, обуславливающие порой полярные варианты мировоззрения и поведения личности, ср.:

(14) *Федор был удивительно добр, мягок и ласков. Он был словно влюблен во всех людей, знакомых и незнакомых, радовался им, слушался их и верил безоглядно* (Б. Васильев. Были и небыли; НКРЯ) – тотальное доверие, сводящее вероятность резистентного отношения к коммуникативному воздействию практически к нулю.

(15) *Маша поднесла тарелку с рыбой к носу.*

– *Ты что нюхаешь?* – удивилась Романова. – *Не доверяешь?*

– *Просто так, – не ответила Маша.*

Она не доверяла никому и ничему. На всякий случай (В. Токарева. Сентиментальное путешествие) – тотальное недоверие, обуславливающее максимально высокую степень резистентности коммуникативного (и, как в приведенном контексте, не только коммуникативного) поведения.

Что же касается ситуативных факторов, провоцирующих резистентное отношение к попыткам коммуникативного воздействия, то они весьма многочисленны и многообразны; отметим одну из основных и наиболее типичных для анализируемого типа общения (т. е. для обыденной межличностной коммуникации), а именно текущее психологическое состояние адресата и сопряженный с ним общий эмоциональный фон общения. Весьма симптоматичным представляется следующий контекст, где адресат испытывает отторжение по отношению к рассуждениям говорящего просто в силу того, что чувствует к собеседнику чисто ситуативную, сиюминутную неприязнь – при том, что излагаемые собеседником взгляды слушающий полностью разделяет:

(16) *И он <Николай> начал рассказывать свои столкновения с новыми учреждениями. Константин Левин слушал его, и то отрицание смысла во всех общественных учреждениях, которое он разделял с ним и часто высказывал, было ему неприятно теперь из уст брата* (Л. Толстой. Анна Каренина).

Необходимо подчеркнуть, что в конкретной коммуникативной ситуации названные причины резистентного коммуникативного поведения (отметим, что в данной работе выделены лишь основные и наиболее типичные из таких причин) могут образовывать весьма сложные комплексы и выстраиваться в пластичные и подвижные конфигурации, что существенно усложняет анализ контекстов, в которых представлен обсуждаемый вариант речевого поведения. Тем не менее дальнейшее исследование коммуникативной резистентности представляется очень важным в силу ее способности существенно влиять на успешность и конструктивность речевого взаимодействия как в анализируемом типе общения, так и в других коммуникативных сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резистентность [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_medicine/26464/Резистентность. – Дата доступа : 25.02.2021.
2. Большая психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://psychology.academic.ru>. – Дата доступа : 25.02.2021.
3. Михайличенко, Д. Г. Особенности резистентности современного человека репрессивному воздействию технологий массовой манипуляции психикой / Д. Г. Михайличенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rezistentnosti-sovremennogo-cheloveka-repressivnomu-vozdeystviyu-tehnologiy-massovoy-manipulyatsii-psihikoy>. – Дата доступа : 23.07.2019.
4. Михайличенко, Д. Г. Феноменология резистентности человека / Д. Г. Михайличенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-rezistentnosti-cheloveka>. – Дата доступа : 24.07.2019.
5. Задворная, Е. Г. О феномене коммуникативной резистентности / Е. Г. Задворная // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология : актуальные вопросы и перспективы развития : матер. IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 марта 2020 г. / редкол. : О. Г. Прохоренко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 8–12.

Поступила в редакцию 09.08.2021

УДК 811.112.2'37

Сытько Анна Васильевна

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой фонетики и грамматики
немецкого языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anna Sytko

PhD in Philology,
Associate Professor, Head of the Department
of German Phonetics and Grammar
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
sytko.mglu@gmail.com

ИЛЛОКУТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕОНТИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

ILLOCUTIVE FEATURES OF DEONTIC UTTERANCE

В работе анализируются факторы, обуславливающие иллокутивные характеристики деонтического высказывания, при этом широкий прагматический подход сочетается с традиционным семантическим анализом. Выявлена зависимость иллокутивной структуры деонтического высказывания от его языковых и внеязыковых компонентов, определена роль каждого из компонентов в формировании прагматического значения модального высказывания. Установлено, какие семантико-структурные компоненты деонтической конструкции и в какой степени влияют на ее иллокутивную семантику. Получены прагма-семантические модели деонтических высказываний, а также раскрыт механизм формирования прагматической семантики деонтических высказываний.

К л ю ч е в ы е с л о в а: деонтика; иллокутивная структура; иллокутивные характеристики; семантические компоненты; модальный/деонтический источник; модальный/деонтический субъект; деонтический маркер; пропозициональный глагол; прагматический подход.

The paper analyzes the factors determining the illocutionary features of deontic utterances, while combining a broad pragmatic approach with the traditional semantic analysis. The dependence of the illocutionary structure of the deontic utterance on its linguistic and extra-linguistic components is revealed while identifying the role of each of the components in the formation of the pragmatic meaning of the modal utterance. It is established which semantic and structural components of the deontic construction and to what extent influence its illocutionary semantics. The paper also describes pragmatic and semantic models of deontic utterances and the mechanism of the formation of their pragmatic semantics.

Key words: deontic; illocutionary structure; illocutionary characteristics; semantic components; modal/deontic source; modal/deontic subject; deontic marker; propositional verb; pragmatic approach.

Интерес к семантике высказывания, проблемам описания этого сложного лингвистического феномена не ослабевает в современной науке. Семантика высказывания в меру диффузна и в меру дискретна. Задача научного описания языка – «найти общее, свести бесконечно разнообразный и бесконечно изменчивый мир явлений к конечному числу простых принципов и закономерностей» [1, с. 16]. При установлении семантики модального высказывания лингвист сталкивается со значительными неформальными трудностями. Речевая практика заставляет лингвистов искать ответ на вопрос о том, каков механизм образования различных деонтических смыслов

при использовании одной и той же языковой конструкции для достижения многообразных целей, возникающих в ходе социального взаимодействия людей. Следовательно, вопросы рассмотрения пропозиционального содержания высказывания в единстве с его интенцией являются *актуальными* в силу необходимости изучения общих проблем языкового моделирования и прагматической вариативности модальных высказываний.

Деонтическое суждение-высказывание можно рассматривать с точки зрения различных подходов. Логический подход ограничивается анализом высказываний с точки зрения операторов «обязательно», «разрешено», «запрещено», которые выражают то или иное свойство действия в соответствии с некой применяемой в данной ситуации нормой. Структурно-грамматическое рассмотрение позволяет проанализировать грамматическую структуру модального высказывания, в том числе сочетаемость различных деонтических маркеров и инфинитивов, темпоральные характеристики, возможности экспликации деонтического субъекта и его элиминации в контексте и т.п. Семантический подход выявляет различные частные деонтические значения, отталкиваясь от системы употреблений деонтических маркеров (см. [2; 1; 3] и др.).

Потенциальность действия, или его перспективность, а также предписываемая обязательность действия позволяет лингвистам отмечать, что деонтика соотносится с иллюкуцией, ориентированной на действие [4, S. 58], а модальные предикаты репрезентируют «определенные статичные аспекты коммуникативной ситуации, они указывают на действие/состояние, которое должно стать результатом речевого акта» [5, S. 36], они «принадлежат языку и входят в инвентарь языковых средств обозначения побуждения» [6, с. 175]. Такой подход основывается на функционально-семантическом аспекте модального маркера [7; 8; 9; 10; 11; 12], при этом подчеркивается, что «значение деонтической необходимости составляет зону пересечения функционально-семантических полей предметной и императивной модальности» [8, с. 77].

Мы останавливаемся на рассмотрении деонтического высказывания с позиции прагматического подхода, который позволяет выявить иллюкутивную структуру деонтических конструкций, что и составляет *цель* данной работы. Источниками примеров послужили контексты из корпусов исследования национальных языков – немецкого и русского.

На первый взгляд, деонтическое высказывание локализуется в зоне директивности, которая определяется многими исследователями как его ядерная иллюкутивная направленность. Однако, рассмотрение деонтического высказывания как обладающего исключительно директивной семантикой представляется упрощенным.

На формирование иллюкутивных характеристик деонтического высказывания оказывает влияние любой компонент деонтической ситуации, которая включает в себя два разных с точки зрения онтологии компонента – языковой и внеязыковой: $\{DI+ [Dm + DS+ Inf+(FK)]\}$.

Языковым компонентом деонтической ситуации выступает *модальное высказывание*, ядерным эквивалентом которого, его каркасом, является деонтическая конструкция. Она представляет собой структурно-семантическое целое, идеализированный языковой конструктор. Данная абстрактная модель включает обязательные компоненты (*деонтический маркер* (Dm), т.е. эксплицитный индикатор деонтической модальности, *деонтический субъект* (DS) и *инфинитив пропозиционального, смыслового, глагола* (Inf)). В деонтическую конструкцию может быть также включен факультативный компонент (FK). Любой структурный компонент деонтической конструкции также может модифицировать прагматическую структуру деонтического высказывания.

Внеязыковой по природе компонент, который в случае экспликации в поверхностной структуре может становиться языковым, представлен *деонтическим источником* (ДИ). Это вынуждающая сила деонтики, поскольку данная модальность представляет собой отношения, которые Г. В. Лейбниц относит к отношениям «связи (de concurs), заключающая в себе некоторую связь причины и следствия, положения и порядка и т.д.» [13, с. 141]. Деонтическое высказывание возникает в результате осознания причин необходимости. Следовательно, оно включает в себя эпистемический компонент, отражающий оценку говорящим положения дел с точки зрения необходимости изменений, т.е. деонтическое высказывание характеризуется путативностью с весьма гетерогенной семантической структурой: от мнения-предположения, мнения-оценки до убежденности и знания, понимания. Путативность может быть эксплицирована в деонтическом высказывании факультативными компонентами.

Далее рассмотрим роль каждого из указанных компонентов модальной ситуации в формировании иллокутивных характеристик деонтического высказывания.

1. Деонтический источник

Очевидно, что деонтическое высказывание связывается с требованиями к поведению участников ситуации, «предъявляемыми соответствующей системой правил» [3, с. 216] в текущей ситуации. Действительно, если к модальному источнику, то абсолютно очевидно, что такие источники, как законы, инструкции, обуславливают жесткую облигаторность выполнения действия. Это ведет к локализации прагматики деонтического высказывания в зоне директивности, а именно в области прескрипции (приказ, распоряжение, предписание, команда и т.д.): *дорогу надо переходить на зеленый* = *согласно правилам дорожного движения всем предписано переходить дорогу на зеленый свет*. Подобные деонтические источники далеко не всегда находят отражение в поверхностной структуре. Необходимость их экспликации связана с требованиями точности в определенных сферах коммуникации, таких как деловой, юридический дискурс, например:

*Работодатель **обязан осуществлять** обязательное страхование работающих от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в соответствии с законодательством* (ст. 17. Закон Республики Беларусь об охране труда 23 июня 2008 г. № 356);

По договору **Вы должны сдать проект к 5 числу.**

Однако реальные речевые ситуации намного сложнее: набор источников гораздо шире, чем система кодифицированных институциональных норм. В связи с этим ограничение прагматики деонтического высказывания лишь директивностью представляется весьма упрощенным ее рассмотрением.

В зависимости от иерархии взаимоположения говорящего и лица, чье волеизъявление по отношению к деонтическому субъекту передает говорящий, деонтическое высказывание может реализовываться как жесткую обязательность, так и менее жесткую, ср.:

*Ты **должен** сейчас же **выполнить** задание, учитель сказал;*

***Надо** сейчас **заехать** к сестре, сосед просил.*

Такие внешние источники ситуативного характера, как принятые в данной группе социальные нормы, обычаи и правила, различные обстоятельства, а именно: сложившееся положение дел и договоренности, наличие цели, маркируют не категоричную директивность, а суггестивные интенции различной степени интенсивности (предложение, совет, рекомендация, инструкция), ср.:

*Как честный человек, ты **должен** сказать это;*

*Соседи **должны** помогать друг другу;*

*Тебе сейчас **надо** **отдохнуть**, ты выглядишь уставшим;*

*Чтобы поступить в вуз, **надо** хорошо **подготовиться** к ЦТ;*

*Вам сделали замечание. **Вы должны** **воспринять** его и замолчать;*

***Надо** **учиться** **отказываться**, потом больше уважать будут.*

Индивидуально-ситуативные источники осложняют семантику деонтического высказывания. Если говорящий руководствуется своими внутренними обязательствами, побуждениями, моральным долгом, то высказывание реализует прескриптивную семантику (абилятив, см. [14, с. 327]), например: **надо принять решение, ведь я за них в ответе; надо рассказать ей, что произошло, иначе как смотреть ей в глаза.**

В случае если речь идет о таких индивидуальных источниках, как предпочтения, привычки говорящего, независимо от того, ориентированы ли они на внешнего адресата или на самого говорящего, высказывание реализует реквестивную семантику с различной степенью интенсивности (просьба, мольба, требование), поскольку содержит компонент воли говорящего: я люблю веселых, поэтому он обязан быть остроумным; утром надо выпить кофе, я по-другому не просыпаюсь.

Деонтические источники имеют вневременной характер. При этом они могут как входить в пресуппозицию коммуникантов, так и отсутствовать в наборе общих предварительных, или фоновых, знаний, ср.:

*В прошлый раз мой отец отказался от этого пути, и Гриша не хотел больше на этом настаивать, не хотел даже заговаривать об этом. Заговорила мать. – Яков! – сказала мама. – **Ты должен помочь** нашим детям. Если не можешь ты, никто не поможет. С тяжёлым сердцем сказала, знала, что ни о чём не станет просить Гришу. И отец по тому, как дрогнул её голос, понял: мать говорит искренне (А. Рыбаков. Тяжелый песок, 1975–1977) [НКРЯ];*

– А для тебя есть новое задание. Приближается День рационализатора. **Ты должен найти** современного русского умельца, потомка знаменитого Левши. Того самого, который подковал английскую блоху. И сделать на эту тему материал. – Социально значимый? (С. Довлатов. Чемодан, 1986). [НКРЯ].

Следует отметить, что одно и то же модальное суждение может быть обусловлено разными источниками, которые конкретизируются коммуникативной ситуацией, и, следовательно, высказывание может реализовывать разную прагматику. Так, например, высказывание *надо помыть посуду после еды*, будучи детерминировано социальной нормой, реализует суггестив; в случае волеизъявления иного лица (мама сказала) им оформляется прескриптив; если речь о привычке говорящего, то передается реквестив.

2. Компоненты деонтического высказывания

Специфика высказывания как особой структуры, сочетающей семантическую устойчивость и подвижность, являющейся результатом взаимодействия его составляющих, требует обращения ко всем его структурным компонентам.

2.1. Деонтический маркер

Деонтическим маркером составляет ядро модальной конструкции, выражая модальное отношение. Вариативность маркеров в русском языке (*должен, обязан, вынужден, необходимо, надо, нужно, следует, нельзя не, приходится*) обуславливает широкий диапазон выражаемых ими деонтических смыслов и, соответственно, прагматических нюансов, ср.: *Ты обязан пойти. – Тебе необходимо пойти. – Тебе надо пойти. – Ты должен пойти. – Тебе следует пойти. – Ты не можешь не пойти*. Так, лексема *обязан* всегда детерминирует категоричную директивность (прескриптив либо реквестив/требование). Предикатив *необходимо* и *надо* маркируют суггестивность (*по-моему, тебе надо доработать курсовую*) или реквестивность, отличаясь степенью категоричности и коммуникативной сферой использования. Маркер *должен* может указывать на все зоны директивности (прескриптив, суггестив или реквестив) и только контекст, в котором очевиден источник, однозначно детерминирует иллокуцию высказывания. Кроме этого, данный предикатив может маркировать также перлокутивный акт уговор/убеждение: *ты должен меня понять, ты должен пойти ради меня*. Лексема *следует* свидетельствует о том, что действие направлено на достижение положения дел, которое отвечает интересам субъекта, т.е. обозначает суггестивность. Интенсифицированный маркер *не могу/-ешь не* фиксирует как жесткую прескриптивность, так и суггестивность, ср.: *Приказ сверху, ты не можешь не пойти. – Ты видел, как она ждала, что ты придёшь, ты не можешь не пойти*.

В немецком языке возможности маркеров в иллокутивных модификациях высказывания ограничены: модальные значения необходимости выражаются чаще всего с помощью модальных глаголов *müssen, sollen*, которые употребляются в деонтических высказываниях, обусловленных разными модальными факторами и, следовательно, в высказывании реализуются разные иллокуции. Лексема *müssen* используется в случае обязательности

действий, детерминированной законом, целеполаганием, моральным долгом, социальными конвенциями. Семантика высказывания с *müssen* может охватывать все зоны директивности, уточняясь контекстом, т.е. она не отличается от высказываний с русским предикативом *должен*. Глагол *sollen* указывает на субъективно осознанную говорящим необходимость действия, основанную на его умозаключении; адресант считает реализацию содержания инфинитива правильным, благоприятным, выгодным [15], что позволяет говорить о суггестивной семантике высказываний, ср.: *Du musst das tun* (или суггестив, или прескриптив, или реквестив). – *Du sollst das tun*. Гораздо реже в качестве модальных маркеров используется форма результирующего страдательного залога (статива) *verpflichtet sein* от каузативного глагола *verpflichten* ‘обязывать’, ср.: *Du bist verpflichtet das zu tun* (описание долга, жесткая прескриптивность).

Отдельно следует остановиться на безличном предикате *придется/приходится*, предикативе *вынужден* в русском языке и их эквиваленте в немецком языке *gezwungen sein*. Данные лексемы свидетельствуют о репрезентативной иллокуции, описывая, например, круг обязанностей: *тебе придется подчиниться – du bist gezwungen zu gehorchen*.

Таким образом, прагматические возможности деонтического маркера ограничиваются модификацией иллокутивной силы деонтического высказывания. Изменять иллокутивную зону модального высказывания в состоянии только одна модальная лексема.

2.2. Деонтический субъект

В отличие от деонтического маркера деонтический субъект, т.е. потенциальный одушевленный субъект, который в состоянии выполнить указываемое в пропозиции действие, меняет зону иллокуции. Набор субъектов весьма вариативен и включает такие типы, как конкретный (*я, ты/вы/актуальный слушатель*), обобщенный (*мы, вы, те, кто*), генерализованный (*все, каждый/любой*), неопределенный (*кто-то*). Так, например, в случае со вторичным субъектом *ты/вы* высказывание представляет собой классический директив без особых иллокутивных «обременений»: *ты/вы должен(-ны) это сделать*. Генерализованный субъект обуславливает директивность различной степени интенсивности: *каждый должен помнить; каждый должен следовать законам*. Неопределенный субъект детерминирует суггестивность высказывания: *нужно уступать место старшим; следует освободиться от иллюзий*. Высказывание с модальным субъектом 3-го лица *он должен сделать* представляет собой сообщение о необходимости в отсутствии лица в коммуникативной ситуации. В высказывании с первичным субъектом говорящий сообщает о действии, требуемом от него модальным источником, т.е. это репрезентатив с директивным оттенком: *я должен сделать доклад*. Кроме этого, высказывания с *я*-субъектом, если речь идет о внутреннем долге говорящего, осложняются комиссивностью, например, *я должен ей помочь, если не я, то кто*. Обобщенный субъект *мы* в случае инклюзивности определяет призывный характер деонтического высказывания: *мы должны рассказать людям правду*.

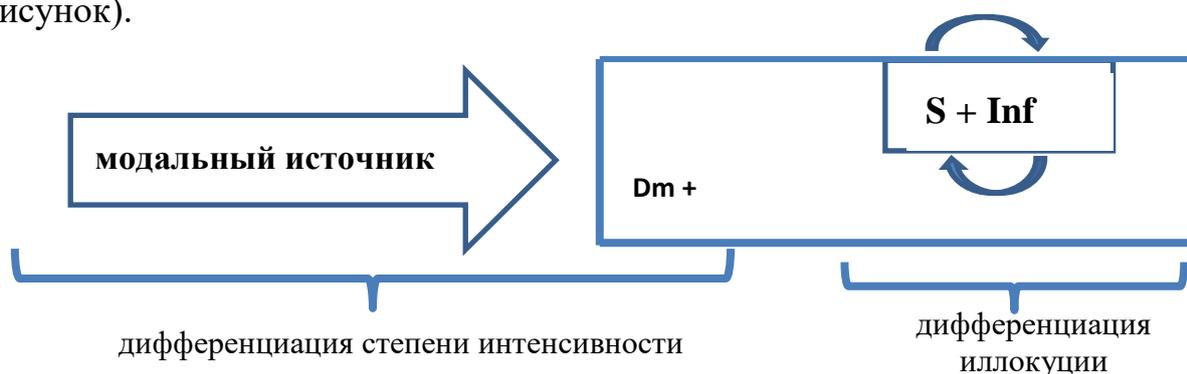
2.3. Пропозициональный глагол

Существенным структурным компонентом в детерминации иллокуции деонтического высказывания выступает семантический тип инфинитива. В деонтической конструкции используются инфинитивы глаголов любой семантики, которые можно условно объединить в следующие группы:

- поведенческие действия (*ты должен **пойти** домой, **мыть** руки, **создавать** рабочие места*);
- ментальные действия и состояния (*я должен **подумать**, **верить**, **знать***);
- эмоциональные действия и состояния (*тебе следует **гордиться**, **радоваться***);
- коммуникативные действия (*я должен **отметить**, **признать**, **сказать**, **поблагодарить***).

Так, в комбинации с одним и тем же деонтическим субъектом и маркером замена семантического типа пропозиционального глагола создает разные иллокуции деонтического высказывания. В случае коммуникативного глагола *я должен **поблагодарить*** мы получаем классический экспрессив. Конструкция с ментальным глаголом *я должен **знать*** дает возможность говорящему сформулировать либо реквестив (в случае обращения высказывания к конкретному слушающему), либо сообщение об обязательности некоего знания. В случае с другим ментальным глаголом *я должен **подумать*** высказывание реализует репрезентативную семантику, а именно сообщение о необходимости, обусловленной обстоятельствами или внутренней потребностью. Сочетание с поведенческим глаголом *я должен **помочь** маме (*мы договорились*)* речь идет о репрезентативе с определенными прагматическими оттенками.

Установление роли каждого из компонентов в формировании прагматической семантики деонтических высказываний делает возможным представление механизма формирования иллокуции деонтического высказывания (рисунок).

Зависимость иллокуции от структурно-семантических компонентов деонтического высказывания

Модальный маркер (Dm) оказывает минимальное влияние на формирование результирующей иллокуции: он может частично осуществлять внутрикатегориальную модификацию: суггестив – реквестив – прескриптив.

Результирующую иллокуцию определяет субъект деонтики (S) и семантический тип инфинитива (Inf), но не по отдельности, а во взаимодействии. В результате такого взаимодействия мы получаем *n*-е количество моделей различных по своей прагматике.

Представить вариативность получаемых прагматических значений можно на примере двух типов конкретного деонтического субъекта. В результате можно проследить, как модифицируется иллокутивная семантика деонтического высказывания и его иллокутивная структура (таблица).

Виды иллокуций в высказываниях с разными семантическими типами деонтического субъекта и пропозиционального глагола

Иллокуция	Тип субъекта	Семантический тип инфинитива	Тип субъекта	Иллокуция
прескриптив суггестив реквестив	S ₂ лица + Dm +	коммуникативный	S ₁ лица + Dm +	репрезентатив; экспрессив
прескриптив суггестив реквестив		поведенческий		репрезентатив с оттенком директивности; с оттенком комиссивности
реквестив суггестив прескриптив		ментальный		репрезентатив с оттенком прескриптивности; директив (реквестив)
реквестив суггестив		эмоциональный		репрезентатив

Так, высказывания с субъектом 2-го лица *ты/вы* дают нам прогнозируемую картину, а именно конструкция реализует прототипический директивный набор. Взаимодействие различных семантических типов инфинитива с субъектом 2-го лица локализует иллокуцию деонтических конструкций в зоне директивности различной степени интенсивности. При этом выражение жесткой/нежесткой облигаторности выполнения действия находится в тесной корреляции с уровнем ответственности говорящего, с его прагматической ориентацией на определенные социальные ценности и нормы, с его восприятием деонтических источников, которые могут осознаваться им или как сильно обязывающие, или как рекомендуемые. Реализовать в поверхностной структуре представления говорящего или общественные представления о модальном источнике, т.е. степень интенсивности речевого акта, позволяет в русском языке модальный маркер, ср.: *Тебе нужно пройти обследование, как-то ты выглядишь нездоровым. – Как призывник ты должен пройти обследование. – Ты договор свой читал? Ты обязан пройти обследование и представить медсправку.*

Принципиально иная картина наблюдается с иллокутивными характеристиками высказываний с перволичным субъектом *я*. Зона директивности здесь проблематизируется. Конструкции с коммуникативными глаголами

реализуются в иллокутивных зонах репрезентативности и экспрессивности (ср.: *я должен поблагодарить, извиниться, подчеркнуть* в случае актуальности действия являются классическими перформативами), с ментальными глаголами – сообщения и побуждения (ср.: *я должен знать* = скажи – *законы я должен знать – я должен подумать*), с эмоциональными – репрезентативности (*я должен гордиться*), с поведенческими глаголами – репрезентативности с комиссивным или директивным оттенком (*я должен идти, я обещаю/иначе не успею*).

2.4. Факультативные компоненты

Отдельного внимания в формировании прагматической специфики деонтического высказывания заслуживает роль факультативных компонентов. Речь идет о таких лексемах, как эпистемические показатели, маркеры эмоциональных и истинностных оценок, различные интенсификаторы, темпоральные маркеры, ср.: *я думаю, ты должен пойти; наверное, мы можем констатировать; к сожалению, я должен идти; ты обязательно должен подумать; он должен срочно позвонить*. Они не участвуют в модификации иллокуции, но усиливают или ослабляют интенсивность иллокутивной силы, по-разному сочетаясь с разными типами субъекта и пропозиционального глагола.

Таким образом, общностью иллокутивных характеристик деонтических высказываний выступает предсказуемая директивность, обусловленная и модифицируемая с точки зрения иллокутивной структуры нелингвистическим компонентом модальной ситуации – деонтическим источником. Ядерными с точки зрения иллокуции являются суждения с субъектом 2-го лица, реализующие директивные речевые акты разной степени интенсивности.

Рассмотрение семантики деонтического высказывания с учетом всех его компонентов, очень сложных и вариативных, демонстрирует, что его иллокутивная направленность в коммуникации гораздо шире, чем только директивность. Структурные компоненты деонтической конструкции детерминируют иллокутивную семантику в разной степени. Деонтический маркер, представляющий семантическое ядро конструкции, демонстрирует минимальную роль в модификации иллокутивных характеристик, ограничиваясь функцией изменения интенсивности иллокутивной силы в рамках одной и той же иллокутивной цели. Основным модификатором иллокутивной направленности выступает деонтический субъект. Комбинации различных модальных субъектов с определенным семантическим типом пропозиционального глагола, представленного в модальной конструкции инфинитивом, позволяет говорящему реализовывать высказывания различных прагматических типов.

Прагматический подход к анализу деонтических высказываний представляется обоснованным, так как позволяет выявить различные их свойства, которые реализуются в коммуникативном пространстве, и подняться до уровня схематизации модальных смыслов. Такой подход связан с анализом языковой формы, которая демонстрирует стабильность структурных компонентов, благодаря бесконечной вариативности которых иллокутивные характеристики деонтического высказывания становятся весьма разнообразными. Методика предпринятого исследования может быть использована для установления иллокутивной специфики иных модальных конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шатуновский, И. Б. Семантика предложения и неререферентные слова: значение, коммуникативная перспектива, прагматика / И. Б. Шатуновский ; Междунар. ун-т природы, о-ва и человека «Дубна». – М. : Языки рус. культуры : Кошелев, 1996. – 399 с.
2. Кобозева, И. М. Семантика модальных предикатов долженствования / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 169–175.
3. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки рус. культуры, 1997. – 576 с.
4. Gévaudan, P. von Sprachliche Modalität zwischen Illokution und Polyphonie / P. von Gévaudan. – Romanistisches Jahrbuch, 2011. – S. 32–66.
5. Diewald, G. Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polyfunktionalität / G. Diewald. – Tübingen : Max Niemeyer, 1999. – 464 S.
6. Корди, Е. Е. Вторичные функции высказываний с модальными глаголами / Е. Е. Корди // Типология и грамматика : сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания ; редкол.: В.С. Храковский (отв. ред.) [и др.]. – М., 1990. – С. 174–181.
7. Бондарко, А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – 175 с.
8. Беляева, Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык / Е. И. Беляева. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1992. – 168 с.
9. Немец, Г. П. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке / Г. П. Немец. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1989. – 144 с.
10. Ваулина, С. С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект) : учеб. пособие / С. С. Ваулина ; Калининград. гос. ун-т. – Калининград, 1993. – 70 с.
11. Palmer, F. R. Modality and the English modals / F. R. Palmer. – London ; N.Y. : Longmans, 1979. – P. 196.
12. Perkins, M. R. Modal expressions in English / M. R. Perkins. – Norwood, New Jersey : Ablex, 1983. – P. 200.
13. Лейбниц, Г. В. Сочинения : в 4 т. / редкол.: Б. Э. Быховский [и др.]. – 1982–1989. – Т. 2 / ред., авт. вступ. ст. и прим. И. С. Нарский. – 1983. – 686 с.
14. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, МГУ им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. – М. : МГУ, Филол. фак., 1998. – 524 с.
15. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. [Electronic resources]. – Режим доступа: <http://www.dwds.de>. – Дата доступа: 12.06.2021.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 21.05.2021.

Поступила в редакцию 24.06.2021

Тригубова Дарья Леонидовна
аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Darya Tryhubava
Postgraduate Student of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
dasha.trigubova@gmail.com

ХАРАКТЕРИСТИКИ КОМПОНЕНТА 'ПЕРСОНАЖИ' В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ КИНОАННОТАЦИЙ

FEATURES OF THE 'CHARACTERS' COMPONENT WITHIN THE SEMANTIC STRUCTURE OF FILM ANNOTATIONS

Статья посвящена исследованию компонента 'персонажи' как составной части типовой смысловой структуры киноаннотаций на английском и русском языках. Автором рассматриваются основные типы персонажей, конструируется обобщенная модель характеристики персонажа, а также выделяются наиболее значимые факторы, оказывающие влияние на количественные и качественные особенности функционирования языковых единиц, используемых для вербализации исследуемого компонента аннотации. Анализируется прогностическая сила определенных языковых единиц и их способность имплицитно содержать содержание иных компонентов киноаннотации и фильма в целом.

Ключевые слова: киноаннотация; компонент; персонажи; вербализация; языковые единицы; прогностическая сила.

The article focuses on the "characters" component as an integral part of the typical semantic structure of film annotations in English and Russian. The main types of characters are defined, and a generalized model of character description is constructed. The article also describes the most significant factors which influence the quantitative and qualitative features of the language units used to verbalise the "characters" component. Besides, it analyses the predictive power of certain language units and their ability to suggest information about the film and other components of the film annotation.

Key words: film annotation; component; characters; verbalisation; language units; predictive power.

Изучение и анализ киноаннотаций представляет значительный интерес для исследователей кинолингвистики. Ряд авторов определяет киноаннотацию как краткое изложение содержания фильма, сообщающее потенциальному зрителю широкий спектр разнообразной информации о кинофильмах (данные о создателях, персонажах, сюжете и т.д.) и помогающее ему ориентироваться в их потоке [1; 2]. В данной работе мы рассматриваем киноаннотацию более широко и вслед за И. М. Вознесенской трактуем ее как вербальное описание запечатленного киноязыком фрагмента мира в предельно сжатых характеристиках [3].

Тексты киноаннотаций могут быть проанализированы с точки зрения их структурно-композиционных, стилистических, прагматических, тактико-стратегических и иных особенностей. Одним из важнейших аспектов изуче-

ния аннотаций является выявление типовых компонентов их смысловой структуры. Как показал проведенный автором анализ, типовая смысловая структура аннотаций к кинофильмам включает четыре основных компонента: персонажи, действие, хронотоп и дополнительная информация. Целью данной статьи является выявление особенностей языковой репрезентации компонента ‘персонажи’ и прогностической силы языковых единиц, задействованных в его вербализации. Практическим материалом исследования послужили аннотации на английском и русском языках к художественным фильмам производства США 2018–2020 годов.

Описанию классификации персонажей, их характеристик и функций посвящено большое количество работ, при этом феномен персонажной структуры преимущественно исследовался по отношению к текстам художественной литературы. Персонажи литературных произведений становились объектом изучения целого ряда исследователей, среди которых К. А. Долинин, В. Я. Пропп, Ю. М. Лотман, А. Ж. Греймас, Ю. И. Левин и др. К. А. Долинин, например, классифицирует персонажей в зависимости от степени уделяемого внимания и их роли в событиях. На основе данных критериев исследователь определяет три типа персонажей: герой/герои, второстепенные и третьестепенные персонажи [4].

Что касается анализа персонажей художественных фильмов, исследования немногочисленны и носят фрагментарный характер. Значимой в данном контексте представляется работа группы австрийских исследователей, в которой предлагается следующая классификация персонажей фильма: герой, антагонист, супруг/любовник, друг/приятель, поддерживающий второстепенный персонаж (родитель, секретарь, водитель), ментор/учитель, фоновая сила (представители власти, бизнеса), представители закона (правоохранительные органы, суд) [5].

В данном исследовании впервые делается попытка рассмотреть персонажную структуру киноаннотаций. Мы полагаем, что набор персонажей в киноаннотации как специфичном виде вторичного текста отличается от набора персонажей в фильме ввиду ограниченного объема текста аннотации и фокусирования внимания в нем лишь на основных персонажах. В связи с этим ключевыми компонентами персонажной структуры киноаннотации можно считать протагониста (главного героя), антагониста (противника главного героя) и второстепенных персонажей. Как показывает анализ, персонажи могут быть представлены в аннотациях в различных комбинациях, и их количество в одной аннотации варьируется от одного до пяти.

Вербализация компонента ‘персонажи’ осуществляется определенным набором языковых средств, образующих некую модель характеристики персонажа. Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что полная модель включает следующие языковые средства:

- онимы (антропонимы и зоонимы);
- имена нарицательные и/или прилагательные безоценочного характера определенных семантических классов (профессия, возраст, семейные или межличностные отношения, социальный статус, личностные особенности, национальность, этническая принадлежность, внешность);
- глаголы определенных семантических классов (бытия, состояния, качества и отношения);
- оценочная лексика.

Рассмотрим употребление в киноаннотациях названных языковых средств, а также факторы, определяющие количественные и качественные особенности их функционирования.

Одним из таких факторов является вид киноаннотации (синопсис, логлайн, тэглайн, блерб). Для каждого вида киноаннотации характерна определенная степень подробности описания персонажа и используемая для этого совокупность языковых средств, причем возможно варьирование от объемного, содержательного и многоаспектного представления персонажей в синопсисе до его минимизации в логлайне и полного элиминирования в тэглайне и блербе. Для создания образа персонажа в синопсисе как наиболее информативном и объемном виде аннотации одновременно используется разнообразие языковых единиц, например: *Бесстрашная Мэри Колвин – один из самых знаменитых военных корреспондентов современности. Она одинаково комфортно чувствует себя <...> бесконечно много курит* (фильм «A Private War»). В данном случае характеристика персонажа осуществляется с помощью антропонима (*Мэри Колвин*), имени нарицательного, называющего профессию (*военный корреспондент*), оценочных прилагательных (*бесстрашный, самый знаменитый*) и наречий (*комфортно, бесконечно много*), глаголов, обозначающих состояние (*чувствовать себя*) и привычки (*курить*). Отметим, что глаголы являются специфичным средством характеристики персонажей в синопсисе и малоупотребимы в других видах аннотаций.

В таком виде киноаннотации, как логлайн, характеристика персонажа представляется более сжато за счет ограниченного объема текста. Избирается редуцированная модель, в результате чего из описания персонажа исключается одно или несколько языковых средств. Ср., например, следующие варианты:

- трехкомпонентная модель, конституируемая такими компонентами, как антропоним, оценочная лексика и безоценочное имя существительное, указывающее на семейные отношения: *Lara Croft <...> the fiercely independent daughter* ‘Лара Крофт <...> отчаянно (досл. ‘яростно’) независимая дочь’ (здесь и далее перевод наш. – Д. Т.) («Tomb Raider»);
- двухкомпонентная модель, включающая безоценочное имя существительное, называющее профессию, и антропоним: *security expert Ray Breslin* ‘эксперт по безопасности Рэй Бреслин’ («Escape Plan: The Extractors»);
- однокомпонентная модель, включающая только антропоним: *Джимми* («The Last Black Man in San Francisco»).

В отличие от синопсиса и логлайна, тэглайн в большей степени направлен на воздействие на аудиторию, чем на сообщение подробной информации о фильме, поэтому максимально сокращает описание персонажей, часто ограничиваясь одной его характеристикой или именем. Например, в тэглайне к фильму «*Extremely Wicked, Shockingly Evil and Vile*» приводится характеристика персонажа: *most notorious serial killer* ‘самый известный серийный убийца’. Для описания персонажа в тэглайне к фильму «*Fifty Shades Freed*» используется антропоним *Mussic Грей*.

В киноаннотациях вида блерб упоминание персонажей является спорадическим. Отмечены отдельные случаи употребления антропонимов, оценочной лексики и существительных, сообщающих профессию: *Rami Malek takes on the role of Freddie Mercury as if born to it* ‘Рами Малек исполняет роль Фредди Меркьюри так, словно он рожден для нее’ («*Bohemian Rhapsody*»); *Willem Dafoe and Robert Pattinson play mismatched lighthouse keepers* ‘Виллем Дефо и Роберт Паттинсон играют смотрителей маяка с несовместимыми характерами’ («*The Lighthouse*»). Как видно из приведенных примеров, персонажи в блербах упоминаются главным образом в контексте описания игры актера, исполняющего роль данного персонажа.

Значительное влияние на компонент ‘персонажи’ оказывает также жанр фильма. Если от типа киноаннотации зависит в первую очередь степень развернутости репрезентации персонажа, то жанр, определяя набор и типы персонажей (например, для фильмов ужасов свойственны герои, мудрые старцы, безумные ученые, слуги, монстры [6], для вестернов – банда преступников, представители власти, охотники за наградой [7] и т.д.), соответственно является определяющим фактором при выборе ономастических единиц, представленных в их описании. Наиболее релевантна в данном отношении оппозиция «реальные vs. поэтические антропонимы» [8, с. 30–32]. В большинстве жанров персонаж обычно называется при помощи поэтического антропонима, относящегося к категории реально существующих имен: *Jake Carson* ‘Джейк Карсон’ («*Playing with Fire*»), *Стефани Патрик* («*The Rhythm Section*»). Вымышленные поэтические антропонимы, нераспространенные в обычной жизни, наиболее характерны для фильмов жанра фэнтези: *Newt Scamander* ‘Ньют Скамандер’ («*Fantastic Beasts: The Crimes of Grindelwald*»), *Артемиус Фаул* («*Artemis Fowl*»).

Для таких жанров, как кинокомикс и супергеройское кино, характерна передача дополнительной информации о персонаже через прозвища, сообщаемые наряду с личным именем, например: *Arthur Curry, Aquaman* ‘Артур Карри, Аквамен’ (фильм «*Aquaman*»); *Наташа Романофф, Черная Вдова* («*Black Widow*»). Отметим, что употребление прозвищ возможно и в фильмах других жанров, но является в них редким явлением, ср.: *Тони, Болтун* («*Green Book*»).

В описании персонажей фильмов, изображающих конкретные исторические эпохи, события и личностей прошлого, используются реальные антропонимы, или имена реально живущих или живших ранее людей. Это характерно для различных подвидов жанра байопик (собственно биографический фильм, музыкально-биографический фильм, военно-биографический фильм и т.д.): *Ron Stallworth* ‘Рон Сталворт’ («BlacKkKlansman») – американский офицер полиции, проникший в ряды Ку-клукс-клана; *Reginald Dwight, Elton John* ‘Реджинальд Дуайт, Элтон Джон’ («Rocketman») – британский певец, пианист и композитор; *Честер Нимиц* («Midway») – бывший главнокомандующий Тихоокеанским флотом США.

Для детских или семейных фильмов, в которых полноценными участниками событий являются животные, характерно использование зоонимов, или кличек животных: *Black Beauty, a wild horse* ‘Черная Красавица, дикая лошадь’ (фильм «Black Beauty»); *дворняга по прозвищу Бродяга* («Lady and the Tramp»).

Жанр фильма отчасти определяет и тип оценочной лексики, задействованной в характеристике персонажа. Так, в большинстве жанров в репрезентации протагониста преобладает использование рациональной положительной оценки: *magical* ‘волшебная’ (фильм «Mary Poppins Returns»), *бесстрашная* («Mulan»). Однако в драмах и мелодрамах встречается характеристика протагониста как человека с проблемами, для чего используется рациональная отрицательная оценка: *disenchanted* ‘разочарованный’ («Under the Silver Lake»), *мученик* («A Hidden Life»).

Еще одним фактором, оказывающим влияние на описывающие персонажа языковые средства, является тип персонажа. От типа персонажа часто зависит степень детализации его описания: чем важнее роль персонажа в сюжете фильма, тем более разносторонняя его характеристика. Тип персонажа может определять особенности антропонима. Для описания протагониста наиболее частотными являются двухкомпонентные онимы, содержащие имя и фамилию: *Nels Coxman* ‘Нелс Коксман’ («Cold Pursuit»), *Рэй Гаррисон* («Bloodshot»). Второстепенные персонажи называются кратко, с помощью однокомпонентных антропонимов, включающих только имя: *Sarah* ‘Сара’ («Dark Waters»), *Виктория* («If Beale Street Could Talk»). Тип персонажа также влияет на характер используемой оценочной лексики. Так, для характеристики антагониста используется рациональная отрицательная оценка, в то время как положительная оценка практически невозможна: *a deadly enemy* ‘смертельный враг’ («Shazam!»), *опаснейшие противники* («BlacKkKlansman»).

На языковую репрезентацию компонента ‘персонажи’ оказывает воздействие сложившаяся практика составления аннотаций на определенном языке. Например, специфичным для русскоязычных киноаннотаций является смешение компонентов ‘персонажи’ и ‘дополнительная ин-

формация', в результате чего происходит контаминация компонента 'персонажи' и полная замена имени и характеристик персонажа именем актера: *Мэрил Стрип разбирается в любовных неурядицах* («Mamma Mia! Here We Go Again»), *Роберт Паттинсон и Уиллем Дефо самоизолировались на острове* («The Lighthouse»). В английском языке антропоним, называющий актера и относящийся к компоненту 'дополнительная информация', четко отделен от компонента 'персонажи' и маркирован скобками или глаголами исполнения художественного произведения: *seasoned musician Jackson Maine (Bradley Cooper)* 'бывалый музыкант Джексон Мэйн («Брэдли Купер»)» («A Star is Born»); *Tom Hanks portrays Mister Rogers* 'Том Хэнкс исполняет роль Мистера Роджерса' («A Beautiful Day in the Neighborhood»).

Все компоненты структуры киноаннотаций тесно взаимосвязаны между собой, образуя сложные смысловые комплексы. В силу этой взаимосвязи они могут не только взаимодополнять, но и отчасти взаимозаменять друг друга, что позволяет имплицировать определенные компоненты и репрезентировать их в редуцированной форме. Иными словами, некоторые компоненты, в том числе компонент 'персонажи', обладают прогностической силой, помогая читателю выстраивать интерпретационные гипотезы и восполнять информационные лакуны, неизбежные в силу сжатого характера киноаннотаций.

Как показал наш анализ, различные языковые единицы в описании персонажей в разной степени позволяют реконструировать имплицитную информацию о фильме. Наиболее значительной прогностической силой обладают реальные антропонимы в фильмах, основанных на реальных событиях. Такие онимы предоставляют возможность строить интерпретационные гипотезы о действии и хронотопе фильма за счет фоновых знаний потенциального зрителя. Например, реальный антропоним *Elton John* 'Элтон Джон' («Rocketman») позволяет с высокой долей вероятности воссоздать место и время событий (Великобритания, 1970-е годы) и действие (музыкально-биографический фильм о становлении и карьере певца). Реальный антропоним *Ruth Bader Ginsburg* («On the Basis of Sex») также имплицитно хронотоп (США, вторая половина XX века) и действие (судебная система, юриспруденция, феминизм).

Определенную прогностическую силу имеют поэтические антропонимы в случае, если фильм основан на известном произведении литературы, является ремейком ранее снятого кинопроизведения или входит в серию фильмов. Потенциальные зрители, знакомые с данными произведениями или предыдущими фильмами из серии, могут достаточно эффективно предугадывать действие фильма и/или хронотоп. К примеру, антропоним *Mary Poppins* 'Мэри Поппинс' принадлежит героине повестей английской писательницы Памелы Трэверс, няне-волшебнице, воспитывающей детей в лондонской семье. Знание данных книг позволяет зрителю при восприятии антропонима в аннотации к фильму «Mary Poppins Returns» реконструировать место собы-

тий (Лондон) и действие (волшебная няня помогает семье). Фильм «Mulan» является ремейком снятого ранее одноименного мультфильма, в связи с чем антропоним *Мулан* в киноаннотации к фильму позволяет определить хронотоп и действие (Китай, девушка изображает мужчину-воина и участвует в военных действиях). Антропонимы *Майк Лоури* и *Маркус Бёрнетт* в аннотации к фильму «Bad Boys for Life» помогают достроить место событий и действие (расследования пары детективов полиции Майями) за счет того, что данный фильм является третьим в серии (предыдущие фильмы – «Bad Boys», 1995; «Bad Boys 2», 2003), вследствие чего персонажи известны всем, кто знаком с первым и вторым фильмами из серии.

Прогностической силой также могут обладать имена нарицательные, называющие профессию персонажа. Указание профессии часто позволяет реконструировать хронотоп (в частности место событий) и/или действие фильма. Разные профессии с разной степенью вероятности имплицитно указывают на хронотоп. Насколько позволяет судить исследованный практический материал, примерами достаточно высокой способности имплицитно указывать на место событий могут являться специфические, редкие профессии: *war correspondent* ‘военный корреспондент’ («A Private War») – зона военных действий; *капитан рыбацкого судна* («Serenity») – море, океан. Невысокой прогностической силой обладают имена нарицательные, называющие распространенные профессии. По нашим наблюдениям, они могут подразумевать место событий, но это не является обязательным: *a bartender* ‘бармен’ («Wounds») – возможно, бар; *фермеры* – возможно, ферма, сельская местность («Brightburn»).

Наименования ряда профессий могут обобщенно указывать и на действие фильма. Например: *musician* ‘музыкант’ («A Star is Born») – жизнь исполнителя, творческая карьера; *частный детектив* («Knives Out») – расследование преступления. Как и в случае с хронотопом, можно говорить о построении весьма приблизительных и недостаточно полных интерпретационных гипотез, т.е. прогностическая сила имен нарицательных, сообщающих профессию, значительно ниже, чем у реальных антропонимов или поэтических антропонимов, называющих уже известных зрителю персонажей.

Таким образом, смысловой компонент ‘персонажи’ в киноаннотациях на английском и русском языках вербализируется с помощью ономастических единиц, оценочной лексики, безоценочных имен существительных и прилагательных и глаголов определенных семантических классов. Количественные и качественные особенности функционирования языковых единиц определяются такими факторами, как вид киноаннотации, жанр фильма, тип персонажа и сложившаяся практика составления аннотаций на определенном языке. Некоторые языковые единицы в описании персонажей позволяют реконструировать имплицитную информацию о фильме. Наиболее значительной прогностической силой обладают реальные антропонимы и отдельные случаи поэтических антропонимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голованова, Е. В. Тип текста «аннотация к телефильмам» : на материале немецкой прессы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Голованова. – Хабаровск, 2003. – 237 л.
2. Андреева, Е. М. Структурная композиция аннотаций к художественным фильмам / Е. М. Андреева // Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2016. – № 3. – С. 59–62.
3. Вознесенская, И. М. Ситуация в текстовой деятельности (на материале интернет-форумов) / И. М. Вознесенская // Мир русского слова : науч.-метод. иллюстр. журнал. – 2009. – № 2. – С. 21–27.
4. Долинин, К. А. Интерпретация текста: Французский язык / К. А. Долинин. – М. : КомКнига, 2010. – 304 с.
5. Automatic Identification of Character Types from Film Dialogs / M. Skowron [et al.] // Applied Artificial Intelligence. – 2016. – Vol. 30, № 10. – P. 942–973.
6. Rasmussen, R. Children of the Night: The Six Archetypal Characters of Classic Horror Films / R. Rasmussen. – McFarland, 2006. – 277 p.
7. Жанры киноискусства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tatishevo.saratov.gov.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=17943:жанры-киноискусства&tmpl=component&print=1. – Дата доступа: 12.04.2021.
8. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 199 с.

Поступила в редакцию 11.06.2021

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111'367.52+ 81'282.4

Гойло Артём Андреевич

аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Artem Goylo

Postgraduate Student of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
artemgoylo@gmail.com

ЛЕВАЯ ДИСЛОКАЦИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ
И СТРУКТУРНЫЕ СВОЙСТВА СМЕЩАЕМЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХLEFT DISLOCATION IN NATIONAL VARIETIES OF ENGLISH:
SYNTACTIC FUNCTIONS AND STRUCTURAL PECULIARITIES
OF DISLOCATED CONSTITUENTS

В работе описаны структурные особенности левой дислокации на материале корпусов ямайской, индийской, сингапурской, филиппинской и канадской разновидностей английского языка. Разработана классификация структурных типов смещаемых составляющих, а также установлена иерархия частотности синтаксических функций, которые выполняют смещенные составляющие. Установлено, что существует связь между тяжестью смещаемых составляющих и частотностью левой дислокации, однако тяжесть составляющих не является главным фактором вариативности в частотности употребления левой дислокации в рассматриваемых разновидностях английского языка – большее значение имеют функционально-прагматические особенности составляющих.

Ключевые слова: синтаксическая дислокация; неканонические варианты порядка слов; национальные разновидности английского языка; корпуса текстов; синтаксическая тяжесть.

The paper outlines structural peculiarities of left dislocation based on the corpora of Jamaican, Indian, Singaporean, Philippine, and Canadian English. A classification of the structural types of dislocated constituents is developed, as well as the hierarchy of frequency of syntactic functions, in which the dislocated constituents are used. A link between constituent weight and the frequency of left dislocation is established. However, constituent weight is not considered to be the main factor in the variation of the frequency of left dislocation in these varieties of English – functional and pragmatic peculiarities of constituents are more important.

Key words: syntactic dislocation; non-canonical word order; national varieties of English; language corpora; syntactic weight.

Под левой дислокацией (далее – ЛД) в синтаксисе принято понимать такое изменение стандартного порядка слов, при котором какая-либо синтаксическая составляющая выносится в позицию перед началом клаузы, а на исходной позиции составляющей сохраняется кореферентное с ней место-

имение (например: *Jack, he is a very good driver*) [1, p. 1408]. ЛД – один из неканонических вариантов порядка слов в английском предложении. Эта конструкция характерна для устной разговорной и неформальной письменной речи [Там же].

Основные функции ЛД были описаны на материале американской и британской разновидностей английского языка [2; 3; 4]. Специфика смещения составляющих в рамках ЛД была установлена синтаксистами генеративной традиции (см., например, [5]). Р. Местри на материале южноафриканского английского выделил характерную для этой разновидности иерархию в частотности смещаемых составляющих: подлежащее > обстоятельство места > обстоятельство времени > прямое дополнение > притяжательные конструкции > другое [6, p. 127]. В своем исследовании южноафриканского английского, характерного для выходцев из Индии, Р. Местри установил, что люди, хуже владеющие этой разновидностью, чаще смещают составляющие в менее частотных синтаксических функциях [7, p. 121]. Н. Снайдер обнаружил, что тяжесть составляющей является одним из факторов, влияющим на использование ЛД в американском английском [8].

Сравнительных исследований неканонических конструкций на материале нескольких разновидностей не так много. Можно отметить диссертацию К. Винкль [9], в которой исследуются несколько неканонических вариантов порядка слов на материале девяти разновидностей, однако в фокусе данной работы находится функционально-прагматическая специфика ЛД, а при рассмотрении структурных аспектов внимание уделяется лишь некоторым частотным особенностям. Таким образом, следует дополнить существующие компаративные описания ЛД в разновидностях английского языка более детальным анализом ее структурных особенностей, а также установить, может ли тяжесть составляющей объяснить не только частотность ЛД в конкретном идиоме, но и различия в частотности между разными идиомами.

Цели статьи – выявить синтаксические функции смещаемых составляющих в пяти разновидностях английского языка (канадской, индийской, ямайской, сингапурской и филиппинской) и определить, как формальные структурные свойства составляющих влияют на частотность ЛД.

На основе уже проведенных исследований возможно выдвинуть несколько рабочих гипотез об особенностях использования ЛД в рассматриваемых разновидностях английского языка. Так, вышеупомянутые работы Р. Местри [6; 7] позволяют нам предположить, что в разновидностях внешнего круга может быть шире диапазон синтаксических функций смещаемых составляющих. Мы также исходим из того, что структура смещаемых составляющих может быть в среднем сложнее, чем у составляющих, которые выполняют соответствующие синтаксические функции в предложениях с каноническим для английского языка порядком слов. Кроме того, предполагается, что существует связь между тяжестью составляющих и частотностью ЛД.

Для отбора основного материала исследования использовался корпус национальных разновидностей английского «The International Corpus of English» (ICE)¹. Выбор ямайской, индийской, сингапурской и филиппинской разновидностей обусловлен тем, что, несмотря на географическую отдаленность ямайского английского, есть основания сгруппировать их по сходству синтаксических особенностей [10] (этим они отличаются от остальных разновидностей, представленных в ICE). Внутри этой группы также присутствуют общие черты в становлении идиомов. Сингапурскую и индийскую разновидности связывают сходства в историческом развитии, а также в определенной степени общность субстратных языков вследствие миграции (индийцы представляют собой третью по численности этническую группу в Сингапуре²). Ямайская и филиппинская разновидности также похожи в том, что на них оказал влияние американский английский (в случае ямайской разновидности это произошло позже [11, р. 34]). Кроме того, ямайская и канадская разновидности – единственные доступные в ICE разновидности западного полушария (американский английский в ICE представлен лишь сегментом письменной речи).

Четыре национальные разновидности относятся к внешнему кругу английского языка по модели Б. Качру³ [12]. Изучение разновидностей внешнего круга интересно тем, что, как было упомянуто, в них потенциально более частотны феномены, не являющиеся стандартными для разновидностей внутреннего круга. Подкорпус канадского английского⁴, относящегося к внутреннему кругу, используется для сравнения. Исследование канадского английского, в свою очередь, интересно по той причине, что классические описания ЛД отражают употребление этой конструкции лишь в британской или американской разновидностях.

Каждый подкорпус, входящий в ICE, насчитывает около 1 млн словоупотреблений и разделен на сегменты устной (600 тыс. словоупотреблений) и письменной речи (400 тыс. словоупотреблений) [13]. Материал был отобран из сегмента устной речи, так как неканонические варианты порядка слов реже появляются на письме. Контексты отбирались с помощью корпусного менеджера «Sketch Engine»⁵.

Кроме того, для отбора предложений, которые мы использовали при сравнении тяжести подлежащих, использовалась аннотированная в стиле «Penn Treebank» версия корпуса американского английского «The Manually Annotated Sub-Corpus» (MASC)⁶.

¹ <https://www.ice-corpora.uzh.ch/>.

² По данным сайта www.singstat.gov.sg.

³ Модель Б. Качру делит разновидности английского на три круга: внутренний (английский – родной для большинства населения страны), внешний (английский используется в качестве второго языка) и расширяющийся (жители пользуются английским как иностранным).

⁴ Далее в тексте мы будем обозначать подкорпуса ямайского, индийского, канадского, сингапурского и филиппинского английского как ICE-JAM, ICE-IND, ICE-CAN, ICE-SING и ICE-PHIL соответственно.

⁵ <https://www.sketchengine.eu>.

⁶ <https://www.anc.org/data/masc/>.

Всего в конечную выборку вошло 266 контекстов из ICE-IND, 226 контекстов из ICE-JAM, 157 контекстов из ICE-PHIL, 151 контекст из ICE-SING и 81 контекст из ICE-CAN. По сравнению с подкорпусом канадского английского ЛД почти в два раза чаще встречается в подкорпусах сингапурской и филиппинской разновидностей и примерно в три раза чаще в ICE-IND и ICE-JAM. Данные показывают, что ЛД значительно более частотна в разновидностях внешнего круга.

Рассмотрим внутреннее строение смещаемых составляющих. По результатам анализа полученного материала мы установили, что в контекстах с ЛД из нашей выборки представлены 10 типов структур. Типы выделялись на основе формальных признаков смещаемых составляющих, за исключением типов «Именная группа (ИГ) + вводная конструкция» и «ИГ + адьюнкт» – вводные конструкции и адьюнкты непосредственно не смещаются и не входят в одну составляющую с ИГ, однако эти типы были выделены для того, чтобы отличать подобные случаи от контекстов с простой ИГ. Составные типы выделялись на основании наличия нескольких синтаксических вершин в дислоцируемых составляющих. Результаты (табл. 1) показывают, что во всех разновидностях наиболее часто смещаются простые ИГ.

Таблица 1

Дистрибуция структурных типов составляющих в изучаемых разновидностях

Структурный тип составляющей	Корпус				
	ICE-JAM	ICE-IND	ICE-CAN	ICE-SING	ICE-PHIL
Простая ИГ	126	166	49	127	109
ИГ + вводная конструкция	15	25	3	6	13
ИГ + предложная группа	23	19	4	1	11
ИГ + относительное придаточное	33	18	9	10	7
ИГ с сочинительной связью	19	24	10	7	11
ИГ + адьюнкт	8	11	6	0	5
Предложная группа	0	2	0	0	0
Клауза	0	1	0	0	0
Инфинитивная группа	1	0	0	0	0
Герундиальная группа	1	0	0	0	1
Всего	226	266	81	151	157
Простая ИГ, %	58,85	62,41	60,49	84,11	69,43
Остальные типы, %	41,15	37,59	39,51	15,89	30,57

В ходе анализа отобранных контекстов мы обнаружили, что смещаемые составляющие использовались в пяти функциях; некоторые из функций представлены лишь единичными случаями (табл. 2).

Синтаксические функции дислоцируемых составляющих,
кол-во вхождений

Синтаксическая функция	Корпус				
	ICE-JAM	ICE-IND	ICE-CAN	ICE-SING	ICE-PHIL
Подлежащее	208	252	70	133	146
Прямое дополнение	12	11	4	12	6
Косвенное дополнение	0	1	0	0	0
Определение	5	0	6	6	5
Обстоятельство	1	2	1	0	0

Во всех разновидностях в большинстве случаев дислоцируемые составляющие выполняют функцию подлежащего, в том числе подлежащего придаточной части. Кроме того, трудно говорить о серьезных различиях между разновидностями. Можно отметить, что косвенное дополнение и обстоятельство примерно одинаково редко встречаются во всех разновидностях. Таким образом, предположение о том, что в разновидностях внешнего круга могут быть более широко представлены некоторые менее частотные (для внутреннего круга) синтаксические функции, не подтвердилось.

Определим, существует ли вероятность того, что структура смещаемых составляющих каким-либо образом влияет на частотность ЛД в различных разновидностях английского языка.

Сложность структуры составляющей часто рассматривается в качестве одного из возможных факторов вариативности порядка слов [14, р. 28]. Например, в английском языке возможна инверсия прямого дополнения и обстоятельства, если дополнение представлено составляющей со сложной структурой. При этом подобная инверсия в случаях, где дополнение представлено простой составляющей, обычно считается либо неграмматичной, либо гораздо менее приемлемой [15]:

- (1) *The detective examined the crime scene carefully;*
- (2) *[?]The detective examined carefully the crime.*

Одним из терминов, которыми может описываться сложность синтаксической структуры составляющих, является **тяжесть**. Понятие тяжести составляющей неоднозначно. Так, Л. Хахман подчеркивает, что среди лингвистов есть интуитивное понимание данного термина, хотя точная его формулировка отсутствует [16, р. 421]. Можно выделить два направления в определении тяжести: в первом случае подбираются критерии, позволяющие однозначно выявить тяжелые составляющие, а второй подход фокусируется на градуальности и выделяет более и менее тяжелые составляющие [17]. Примером первого подхода является определение тяжелой именной группы, предложенное Дж. Россом [18], согласно которому составляющая является тяжелой, если именная группа включает в себя придаточное предложение. Выделенные нами типы структур, данные по которым продемонстрированы

в табл. 1, также представляют собой классификацию в духе первого подхода: к тяжелым составляющим относятся все, кроме входящих в типы «Простая ИГ», «ИГ + вводная конструкция» и «ИГ + адьюнкт». По данным из табл. 1 видно, что с точки зрения первого подхода наиболее часто смещаются простые по структуре составляющие – данный вывод справедлив для всех исследуемых разновидностей.

Градуальный подход также представляет интерес для нашего исследования, так как он позволяет сравнивать тяжесть составляющих в исследуемых разновидностях. Описание нескольких градуальных способов установления тяжести можно найти в статье Т. Уозоу [17]. В нашей работе мы будем определять тяжесть составляющей как количество входящих в нее слов.

В начале данной статьи мы отмечали, что связь между тяжестью составляющих и ЛД уже известна: обычно смещаются более тяжелые составляющие. Данное утверждение справедливо и для нашей выборки. Чтобы определить это, мы сделали контрольную выборку из сегмента устной речи корпуса MASC с помощью Python-скрипта, отобрав из корпуса все подлежащие, и сравнили их среднюю тяжесть со средней тяжестью подлежащих с ЛД из нашей выборки. Всего в контрольную выборку вошло 8116 контекстов. Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Средняя тяжесть подлежащего в зависимости от подкорпуса,
кол-во слов

Корпус					
ICE-JAM	ICE-IND	ICE-CAN	ICE-SING	ICE-PHIL	MASC
4,41	3,75	4,19	3,13	3,05	1,51

Как можно заметить, смещаемые при ЛД подлежащие в среднем тяжелее подлежащих в контрольной выборке. Полученные результаты также сопоставимы с данными табл. 1: в сингапурской и филиппинской разновидностях, например, простые ИГ составляют наибольший процент от общего количества смещаемых составляющих по сравнению с другими разновидностями, что коррелирует с самой низкой средней тяжестью подлежащих.

Для установления связи между тяжестью составляющих и частотностью ЛД в конкретных разновидностях уместно воспользоваться статистическими методами проверки гипотез. На основе приведенных выше фактов можно сформулировать конкретную гипотезу о влиянии тяжести составляющих на частотность ЛД: между приемлемой тяжестью смещаемых составляющих и частотностью ЛД в определенном идиоме существует такая зависимость, что в идиомах, грамматика которых допускает смещение менее тяжелых составляющих, ЛД более частотна. Нулевую гипотезу в таком случае можно сформулировать так: тяжесть смещаемых составляющих никак не влияет на частотность ЛД в определенном идиоме.

Одним из наиболее часто используемых методов проверки гипотез является тест хи-квадрат. Однако для того, чтобы им воспользоваться, нужно решить определенную проблему. Наши данные о частотности ЛД в исследуемых разновидностях представляют собой количество вхождений в соответствующем корпусе, в то время как данные по тяжести подлежащих являются средними значениями. Для того, чтобы использовать тест хи-квадрат, необходимо, чтобы все переменные были одного типа – номинальными. Наши данные по частотности ЛД уже соответствуют этому требованию – у переменной «Разновидность» есть пять возможных значений («ICE-JAM», «ICE-IND», «ICE-CAN», «ICE-SING», «ICE-PHIL»), которым соответствует определенное количество вхождений. Нашу переменную «Тяжесть составляющей» можно представить как номинальную, распределив данные о тяжести по нескольким категориям. Мы будем использовать следующие значения данной переменной: «1–2», «3–5» и «≥6».

Несмотря на то, что подобные границы являются в определенной степени произвольными, их выделение необходимо для того, чтобы корректно провести тест¹. Полученные после реорганизации данные представлены в табл. 4.

Таблица 4

Таблица сопряженности для исследуемых разновидностей

Тяжесть составляющей	Разновидность, кол-во вхождений					Всего
	CAN	IND	JAM	SING	PHIL	
1–2	36	124	85	66	84	395
3–5	15	83	63	53	47	261
≥6	19	45	60	14	15	153
Всего	70	252	208	133	146	809

Тест, проведенный на базе табл. 4, дает статистически значимые результаты ($\chi^2 = 34,511$, $df = 8$, $p < 0,001$, $\phi^2 = 0,0213$). Это значит, что распределение контекстов в нашей выборке с высокой долей вероятности неслучайно и что есть зависимость между тяжестью составляющей и частотностью ЛД в рассматриваемых разновидностях. Однако величина эффекта ($\phi^2 = 0,0213$) очень мала, т.е. тяжесть не является важным фактором. Значение ϕ^2 можно также интерпретировать следующим образом – в нашем случае тяжесть составляющей объясняет примерно 2 % вариативности в частотности ЛД. Тем не менее есть несколько проблем, которые затрудняют безоговорочное принятие нашей гипотезы.

Как можно было заметить по табл. 3, средняя тяжесть смещаемых подлежащих в ямайском английском выше, чем во всех других, т.е. в случае ямайской разновидности в среднем более тяжелые составляющие коррели-

¹ Границы также отражают информацию о средней тяжести подлежащих в конкретных разновидностях. Например, самый высокий показатель средней тяжести в нашей выборке (из ICE-JAM) коррелирует с самым большим количеством контекстов с тяжестью ≥6.

руют с более высокой частотностью употребления ЛД, что противоречит нашей гипотезе. Еще одна проблема заключается в следующем: в нашей таблице сопряженности сравнительно много ячеек при небольшой выборке – очень высокий показатель статистической значимости может быть обусловлен тем, что некоторые конкретные ячейки оказывают непропорционально большое влияние на конечный результат.

Например, если провести такой же тест, но только для пар CAN-IND и CAN-JAM, в обоих случаях получится незначимый статистически результат (CAN-IND: $\chi^2 = 4,8148$, $df = 2$, $p = 0,09$; CAN-JAM: $\chi^2 = 2,8614$, $df = 2$, $p = 0,2391$). Результат теста по паре CAN-JAM показывает, что дистрибуция данных в этой паре случайна с вероятностью 23,9 %. Из этого можно сделать вывод, что между канадской и ямайской разновидностями нет различий в тяжести смещаемых составляющих, а разница в частотности должна объясняться исключительно другими факторами. Результат по паре CAN-IND выходит за пределы конвенционально принятой границы для статистической значимости ($p < 0,05$), однако он к ней гораздо ближе чем в случае с CAN-JAM. Результаты, близкие к статистической значимости, в некоторых случаях могут приниматься как релевантные. Учитывая, что разница в паре CAN-JAM в значительной степени может быть случайной, мы могли бы получить статистически значимый результат, если бы дистрибуция в выборке из ICE-CAN была немного ближе к дистрибуции из ICE-JAM, так как различия в паре JAM-IND статистически значимы ($\chi^2 = 8,0248$, $df = 2$, $p = 0,0181$).

С другой стороны, все комбинации при сравнении данных по сингапурской и филиппинской разновидностям с данными по канадской разновидности дают статистически значимый результат с ожидаемым согласно нашей гипотезе направлением эффекта. Однако по вышеописанным причинам нашу гипотезу можно принять только с большой осторожностью. В любом случае, исходя из полученных результатов можно сказать о том, что тяжесть смещаемых составляющих является не самым важным фактором вариативности в частотности употребления ЛД в разновидностях английского языка. Большое влияние на частотность ЛД могут оказывать функционально-прагматические особенности высказываний, например, одушевленность референта смещаемой составляющей и степень его активированности в сознании адресата [8].

Таким образом, на основе полученных в ходе исследования данных можно выделить следующую иерархию функций составляющих при ЛД: подлежащее > прямое дополнение > определение > обстоятельство > косвенное дополнение (исключением является только меньшая частотность составляющих в функции прямого дополнения в ICE-CAN). При этом между исследуемыми разновидностями отсутствуют существенные различия в относительной частотности синтаксических функций, выполняемых смещаемыми составляющими. Статистический анализ связи тяжести смещаемых составляющих с частотностью ЛД во всех исследуемых разновидностях показал

статистически значимый результат с очень низкой величиной эффекта. Данный факт демонстрирует, что гораздо более важными факторами для объяснения вариативности в частотности ЛД в разновидностях английского языка выступают функционально-прагматические особенности смещаемых составляющих. Функционально-прагматический аспект ЛД в национальных разновидностях внешнего круга представляется перспективным для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ward, G.* Information packaging / G. Ward, B. J. Birner, R. Huddleston // *The Cambridge grammar of the English language* / ed.: R. Huddleston, G. K. Pullum. – Cambridge, 2002. – P. 1363–1447.
2. *Geluykens, R.* From discourse process to grammatical construction: on left-dislocation in English / R. Geluykens. – Amsterdam : John Benjamins, 1992. – 182 p.
3. *Prince, E.* On the limits of syntax, with reference to left-dislocation and topicalization / E. Prince // *The limits of syntax* / ed.: P. W. Culicover, L. McNally. – San Diego, 1998. – P. 281–300.
4. *Manetta, E.* Unexpected left dislocation: an English corpus study / E. Manetta // *Journal of Pragmatics*. – 2007. – Vol. 39, № 5. – P. 1029–1035.
5. *Cinque, G.* The movement nature of left dislocation / G. Cinque // *Linguistic Inquiry*. – 1977. – Vol. 8, № 2. – P. 397–412.
6. *Mesthrie, R.* A sociolinguistic study of topicalization phenomena in South African Black English / R. Mesthrie // *Englises around the world, volume 2: Caribbean, Africa, Asia, Australasia. Studies in honour of Manfred Görlach* / ed. E. W. Schneider. – Amsterdam, 1997. – P. 119–140.
7. *Mesthrie, R.* English in language shift: the history, structure, and sociolinguistics of South African Indian English / R. Mesthrie. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992. – 252 p.
8. *Snider, N.* A corpus study of left dislocation and topicalization [Electronic resource] / N. Snider. – Mode of access: <https://www.hlp.rochester.edu/~nsnider/pubs/qp1.pdf>. – Date of access: 10.07.2021.
9. *Winkle, C.* Non-canonical structures, they use them differently. Information packaging in spoken varieties of English [Electronic resource] / C. Winkle. – Mode of access: freidok.unifreiburg.de/fe-dora/objects/freidok:-10600/datastreams/FILE1/content. – Date of access: 10.07.2021.
10. *Kortmann, B.* Variation across Englishes: syntax / B. Kortmann // *The Routledge handbook of world Englishes* / ed. A. Kirkpatrick. – N. Y., 2010. – P. 400–424.
11. *Mair, C.* Creolisms in an emerging standard: written English in Jamaica / C. Mair // *English World-Wide*. – 2002. – Vol. 23, № 1. – P. 31–58.

12. *Kachru, B. B.* World Englishes and applied linguistics / B. B. Kachru // World Englishes. – 1990. – Vol. 9, № 1. – P. 3–20.
13. *Greenbaum, S.* ICE: the international corpus of English / S. Greenbaum // English Today. – 1991. – Vol. 7, № 4. – P. 3–7.
14. *Arnold, J. E.* Heaviness vs. newness: the effects of structural complexity and discourse status on constituent ordering / J. E. Arnold [et al.] // Language. – 2000. – Vol. 76, № 1. – P. 28–55.
15. *Stallings, L. M.* Phrasal ordering constraints in sentence production: phrase length and verb disposition in heavy-NP shift / L. M. Stallings, M. C. MacDonald, P. G. O'Seaghdha // Journal of Memory and Language. – Vol. 39, iss. 3. – P. 392–417.
16. *Haegeman, L.* Introduction to government and binding theory / L. Haegeman. – Malden ; Oxford : Blackwell Publ., 1994. – 701 p.
17. *Wasow, T.* Remarks on grammatical weight / T. Wasow // Language Variation and Change. – 1997. – Vol. 9, № 1. – P. 81–105.
18. *Ross, J. R.* Constraints on variables in syntax [Electronic resource] / J. R. Ross. – Mode of access : <http://babel.ucsc.edu/~hank/ross67.pdf>. – Date of access : 10.07.2021.

Поступила в редакцию 13.05.2021

УДК 811.111'373 (045)

Крот Лариса Григорьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории
и практики английской речи
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Larisa Krot

PhD in Philology,
Associate Professor at the Department
of Theory and Practice
of English Communication
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
krotovalaura@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДЕМОТИВАЦИИ

LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC FACTORS OF DEMOTIVATION

В статье рассматриваются причины демотивации на примере топонимических номинаций английского языка. Поднимается вопрос о значимости утраты внутренней формы слова, прослеживается ее разноаспектный характер, устанавливается взаимосвязь с другими лексическими процессами. Понятие *демотивация* разграничивается с понятием *деэтимологизация*. Проведен диахронный анализ топонимической лексики. Выявлено, что причины, осложняющие толкования топонимов, относятся к сфере фонетических, слово-

образовательных и семантических процессов. На основе полученных данных обосновывается вывод об обусловленности явления демотивации различными факторами, имеющими место в языковой и внеязыковой действительности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *мотивация лексических единиц; демотивация; внутренняя форма слова; мотивировочный признак; произвольность языкового знака; топонимы.*

The article deals with the problem of demotivation, which is understood as the loss of the inner form of a word. Social factors and historical processes, leading to the demotivation of toponyms, are taken into consideration.

Using rich language material, the author analyses some difficulties connected with phonetic, derivational and semantic reasons for interpreting the meanings of English toponyms. On the basis of the conducted experiment, the conclusion is made about the absence of necessity to explain the motivation of lexical units behind their functioning in speech. The connection of the phenomenon of demotivation with the tendency to arbitrariness of a language sign is underlined.

Key words: *motivation of lexical units; demotivation; inner form of a word; motivational feature; arbitrariness of a language sign; toponyms.*

Мотивированность языкового знака относится к числу основных вопросов, традиционно изучаемых в лингвистике. Различные проблемы мотивированности освещались в трудах таких ученых, как В. фон Гумбольдт, [1], Ф. де Соссюр [2], А. А. Потебня [3], Г. Г. Шпет [4], О. И. Блинова [5] и многих других. Соответствуя природе человеческой психики, мотивированность лексических единиц, под которой мы понимаем такую связь между формой имени и его содержанием, при которой в структуре наименования закрепляются некоторые признаки и свойства именуемого [6, л. 3], обладает способностью объяснять любое название. В мотивированных наименованиях закреплены итоги познавательной деятельности человека в его взаимоотношениях с окружающим миром, другими людьми. Ведь «мотивированное слово по природе своей антропоцентрично, так как человек при объяснении связи звучания и значения слова исходит из своих субъективных, индивидуальных представлений об окружающей действительности» [7, с. 9].

Каждое слово при своем возникновении нуждается в опоре на другое, уже существующее слово. Это другое слово заключает в себе внутреннюю форму (мотивировку) нового названия. Так, русское слово *поденный* опирается на слово *день*, слово *рукавица* на слово *рука* и т.д. Но если первоначально внутренняя форма, т.е. признак предмета, кладущегося в основу названия, составляет довольно существенную часть значения, то затем она может заметно расходиться со значением или вовсе утрачиваться, забываться. Например, употребляя слова *рукавица*, *перчатка*, *варежка*, мы совсем не замечаем того, что у первого из них мотивировка «прозрачна», у второго – затемнена, скрыта (перчатка от слова *перст*, т.е. *палец*), у третьего вовсе утрачена. Точно так же человек не замечает внутренней противоречивости выражений *красные чернила* и *голубое белье* (хотя изначально *чернила* были *черными*, а *белье* – *белым*) [8, с. 78].

Данная работа посвящена анализу факторов и причин, инициирующих процесс утраты словом его мотивированности. Рассмотрение явления демотивации как формы выражения процесса утраты внутренней формы слова с точки зрения диахронии относится к числу недостаточно изученных. В связи с этим сохраняет актуальность установление сущностных свойств демоти-

вации на фоне других изменений в слове – фонетических, морфологических и семантических, тех факторов, которые поддерживают стирание мотивационных отношений.

Демотивация слов в английском языке в данной работе рассматривается, с одной стороны, как процесс утраты внутренней формы слова, с другой – как явление, неразрывно связанное с другими лексическими процессами.

Топонимы Великобритании, полученные из топонимических словарей [9], справочников, карт, атласов и интернет-ресурсов и имеющие в английском языке статус демотивата – лексической единицы с неясной или утраченной внутренней формой, служат материалом исследования.

О сложности описания феномена демотивации свидетельствует многогранность подходов к анализу данного явления в рамках самых различных лингвистических направлений. Процесс утраты внутренней формы слова характеризовался традиционно либо с точки зрения диахронии, либо с точки зрения синхронного состояния языка. Этот взгляд нашел отражение в серии работ, посвященных проблемам этимологии (Л. А. Булаховский [10], Б. А. Плотников [11]); словообразования (Т. Р. Кияк [12], Р. Г. Гатауллин [13]); ономазиологии (С. С. Маслова-Лашанская [14], И. С. Торопцев [15]) и др.

Наиболее часто в лингвистической литературе процесс утраты внутренней формы слова связывается с понятием *деэтимологизация*. Под данным термином понимается «явление, при котором происходит утрата первоначальной мотивированности данного слова, опирающейся на его словообразовательные связи внутри этимологического гнезда» [16, с. 4]. Как представляется, основанием для смешения понятий *деэтимологизация* и *демотивация* может стать факт разрушения мотивационных связей между языковыми единицами. Однако в определении Т. Г. Аркадьевой утрата внутренней формы определяется с позиций словообразовательных отношений между словами, причем подразумевается исчезновение лишь генетической мотивированности лексической единицы, что не является обязательным условием демотивации, при которой происходит потеря как первоначальной мотивированности слова, так и любой другой, возникающей в результате ремотивационных процессов. Следовательно, уже только это обстоятельство дает право считать термины *демотивация* и *деэтимологизация* не синонимичными.

Но, несмотря на отмеченные различия, оба процесса, как утверждает О. И. Блинова, имеют много общего, что позволяет при анализе демотивации максимально воспользоваться наработками ученых по деэтимологизации (см. об этом подробнее [5, с. 178–179; 17, л. 14–18]).

В процессе функционирования мотивированность лексических единиц может изменяться, полностью или частично исчезать. Преобразования в языковой среде могут быть вызваны как противоречиями внутри системы, так и обусловлены изменениями во внеязыковой действительности. Причины потери мотивации или демотивации различны: это фонетические изменения, словообразовательные отношения, лексико-семантические преобразования, потеря признака, по которому был назван предмет, утрата или изменение

значения мотивирующей единицы вплоть до полного выхода ее из употребления и т.д. Главная же причина демотивации наименований, как нам представляется, сводится к отсутствию необходимости объяснения мотивированности единиц для их употребления в речи. Продемонстрируем это на примере топонимов Великобритании.

Любой топоним можно охарактеризовать по типу обозначаемого им объекта или с точки зрения морфологической структуры, однако толкование топонима может быть затруднено по нескольким причинам, речь о которых пойдет ниже.

Прежде всего, может произойти утрата мотивации наименования. Если признак, по которому дано то или иное название, не вскрывается, то объяснение значений некоторых топонимов может быть затруднено. Так, существуют названия, которые изначально относились к ландшафтным особенностям, таким как река или холм, но исчезнувшим к нашему времени. Например, в названии города *Whichford* или *Watford* присутствует элемент *ford*, означающий реку, но местоположение реки давно не известно.

К демотивации могут также привести причины, лежащие в сфере фонетических процессов, например, чередование гласных, когда происходит ошибочная замена одних элементов другими в силу внешнего сходства. Такие элементы топонимов, как суффиксы *den* ‘долина’ и *don* ‘холм’, пришедшие из староанглийского языка, иногда теряют изначальное значение. Например, город *Croydon* ‘расположенный в долине’ и город *Willesden* ‘находящийся на холме’ должны были бы иметь названия *Croyden* и *Willesdon*.

Одной из значимых причин формирования демотиватов является многозначность элементов, что может также вызвать затруднение толкования топонимов. Так, элементы *wich* и *wick* имеют несколько значений. В основном суффиксы *wich/wick/wyke* указывают на ферму или поселение. В частности, название города *Keswick* переводится как поселение, в котором изготавливают сыр. Однако суффикс *wich* также имеет связь с латинским словом *vicus*, обозначающим торговый пост. На побережье же суффикс *wick* часто имеет норвежское происхождение и обозначает бухту или залив (город *Lerwick*).

Причиной демотивации, лежащей в сфере словообразовательных отношений, может служить порядок элементов. В топонимах германской группы языков, а следовательно, в староанглийских и древнескандинавских, основной элемент обычно стоит в конце после его модификатора, например, староанглийский топоним *Elmswell* ‘город’. Его можно разделить на составляющие элементы *elm* + *well*, где *well* – основной элемент, обозначает основной объект и имеет значение ‘колодец, источник родника’, а *elm* – его модификатор, имеет значение ‘вяз’ и служит определением к основному объекту; общее значение топонима – ‘колодец под вязом’. В кельтских же топонимах в основном обратный порядок: элемент, обозначающий главный объект ‘холм, долину, ферму’ и т.д., стоит первым. Так, в топониме *Aberdeen* ‘город’ основным элементом является *aber* – ‘устье реки’, а общее значение топонима – ‘устье реки *Dee*’.

Еще одной из причин, затрудняющих толкование топонимов, является обратное словообразование, то есть процесс, при котором названия производятся друг от друга в направлении, обратном ожидаемому. Зачастую река с устаревшим и забытым названием переименовывается в честь города, стоящего на ее берегах, а не наоборот. Например, река, протекающая через город *Rochdale*, получила название *Roch* в результате этого процесса.

Иногда понять содержание топонима мешает ложная этимология. Нередко, закрепившись в языковой традиции, результат ложной этимологизации находит отражение в орфографическом облике слова. Это может быть вызвано тем, что новые жители произносят уже существующие названия согласно своему стилю произношения, невзирая на первоначальное значение топонима. Таким образом, староанглийский топоним *Scipeton*, имеющий значение 'овечья ферма', в современном английском имел бы форму *Shipton*, но вместо этого преобразовался в *Skipton*, поскольку староанглийский элемент *sc*, который произносится как 'sh', часто воспринимался и произносился как древнескандинавский элемент *sk*, несмотря на то, что древнескандинавское слово, обозначающее овцу, было совершенно другим. Так, демотивация готовит почву для процесса ремотивации, являясь его предпосылкой. Таким образом, демотивация и ремотивация, обладая контрастными характеристиками, находятся в причинно-следственной связи друг с другом.

Как видим, хронологический анализ ранней топонимии зачастую наталкивается на ряд непреодолимых препятствий. Учет всевозможных факторов, которые влияли в течение столетий и даже тысячелетий на топонимику региона, в том числе неоднократные заимствования, сопровождающиеся закономерными фонетическими и морфологическими изменениями, чрезвычайно сложен. Топонимия определенного региона является элементом системы, которая образует географические названия по определенным моделям в хронологической последовательности. Топономинации могут быть правильно истолкованы только после тщательного исследования их происхождения, учитывая их раннее написание, а также лингвистические, исторические и географические факторы.

Эти фундаментальные принципы этимологии географических названий особенно очевидно иллюстрируются названиями, которые имеют одинаковую форму, но различное происхождение, например, номинация *Broughton* встречается на карте Великобритании несколько раз и имеет как минимум три различные этимологии: *brook farmstead* 'усадьба у ручья', *hill farmstead* 'усадьба на холме', *fortified farmstead* 'укрепленная усадьба'. Только восстановление ранних форм топонима позволяет определить его первоначальное значение.

Действие внеязыковых и языковых факторов отражается в трансформациях топонимических структур (фонетической, морфологической, синтаксической и семантической). Трансформация проявляется в таких изменениях, как утрата, добавление, замещение элементов номинаций, либо комбинации этих изменений, например: утрата фонем *Denestone* → *Denstone*, утрата мор-

фем *Simplingham* → *Shimpling*, утрата лексем *La Rededich* → *Redditch*, добавление морфем *Dolling* → *Dollingstone*, добавление лексем *Garvellan* → *Garvellan Rocks*; замена фонем *Dodinctan* → *Diddington*, замена морфем *Gravesham* → *Gravesend*, замена лексем *King's* → *Queensferry*. В процессе своего исторического развития топоним может также претерпевать как добавление, так и утрату: *Berwardeston* → *Burnstounnes* → *Borrowstonness* → *Bo'ness*.

В представленных примерах многие формы и значения топонимов были искажены или утеряны с течением времени из-за изменений, произошедших в языке и культуре и приведших к исчезновению многих первоначальных названий. Правомерно предположить, что без первоначальной мотивированности словесные знаки возникнуть не могут – внутренняя форма хотя бы исторически присуща любой лексической единице, но генетически не может сохраняться в слове, и в процессе своей эволюции в силу различных причин тенденция к произвольности языкового знака расшатывает былую мотивированность лексической единицы. С диахронической точки зрения превращение мотивированного знака в немотивированный представляет собой процесс качественного преобразования языковой единицы. Он может быть представлен в виде некой цепи трансформаций определенных языковых состояний, последовательно сменяющих друг друга на оси непрерывного развития языкового знака.

Следовательно, в синхронии в рамках теории мотивации явление утраты внутренней формы слова может быть рассмотрено как момент развития. А в диахронии – как одна из ступеней в общем развитии языкового знака.

Несмотря на то, что сущность описываемого лингвистического феномена термин *демотивация* отражает более чем достаточно (приставка *де-* свидетельствует об утрате мотивированности, а вторая часть указывает, что разрушаются именно мотивационные связи), положительную сторону данного явления ученые усматривают в том, что оно способствует оптимизации общения. В повседневных речевых актах создаются условия для символического выражения понятия, и исчезает излишняя необходимость бесконечно разъяснять содержание мысли, а это уменьшает время передачи информации и влияет на эффективность коммуникации. Ведь «на прояснение слова понятием мы останавливаемся только тогда, когда особенно им заинтересованы, обыкновенно ограничиваемся одним и тем же словом» [1, с. 117]. Действительно, в повседневной жизни носители языка, привычно оперируя словами, по большей части обходятся без «внутреннего образа» лексических единиц, и «даже самая очевидная внутренняя форма игнорируется в обыденном употреблении» [18, с. 56]. По этому поводу существует предположение, что сохранение или утрата внутренней формы слова зависит от частоты употребления лексических единиц. «Звуковая оболочка и значение слова в обычном его употреблении связаны столь тесно, что составные элементы его латеральной структуры обыкновенно не замечаются» [19, с. 23], поэтому правомерно заключить, что слово становится условным знаком в нашем сознании на линии

коммуникации. И если названия вообще можно оценивать по шкале «удачности – неудачности», то среди критериев, по которым будет проводиться такая оценка, признак мотивированности, по убеждению Б. Ю. Нормана, займет одно из последних мест [20, с. 63].

Таким образом, на объяснение процесса демотивации можно смотреть как с гносеологической точки зрения, так и исходить из понимания данного термина как коммуникативно значимого явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие всего человечества / В. фон Гумбольдт // Избр. тр. по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – С. 36 – 298.
2. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 696 с.
3. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Киев : СИНТО, 1993. – 192 с.
4. Шпет, Г. Г. Внутренняя форма слова : Этюды и вариации на темы Гумбольдта / Г. Г. Шпет. – 2-е изд., стереотип. – М. : УРСС, 2003. – 216 с.
5. Блинова, О. И. Мотивология и ее аспекты / О. И. Блинова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : КРАСАНД, 2010. – 304 с.
6. Крот, Л. Г. Мотивированность лексических единиц и структура лексического значения (на материале имен существительных современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. Г. Крот. – Минск : МГЛУ, 2002. – 105 л.
7. Адилова, А. Д. Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц) : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. Д. Адилова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. – 21 с.
8. Норман, Б. Ю. Язык знакомый незнакомец / Б. Ю. Норман. – Минск : Выш. шк., 1987. – 221 с.
9. Mills, A. D. A Dictionary of English Place Names / A. D. Mills. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1981. – 388 p.
10. Булаховский, Л. А. Дезтимологизация в русском языке / Л. А. Булаховский // Избр. тр. : в 3 т. / Л. А. Булаховский. – Киев : Наук. думка, 1978. – Т. 3. – С. 340–353.
11. Плотников, Б. А. О форме и содержании в языке / Б. А. Плотников. – Минск : Выш. шк., 1989. – 254 с.
12. Кияк, Т. Р. О внутренней форме лексических единиц / Т. Р. Кияк // Вопр. языкознания. – 1987. – № 3. – С. 58–68.
13. Гатауллин, Р. Г. Мотивация – Демотивация – Ремотивация / Р. Г. Гатауллин // Вестн. Башк. ун-та. – 2012. – Т. 17. – № 1. – С. 121–125.
14. Маслова-Лашанская, С. С. Лексикология шведского языка / С. С. Маслова-Лашанская. – Л. : ЛГУ, 1973. – 208 с.
15. Торопцев, И. С. Язык и речь / И. С. Торопцев. – Воронеж : Изд-во Воронежск. ун-та, 1985. – 200 с.

16. *Аркадьева, Т. Г.* Преобразование этимологических связей слов в системной организации лексики русского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Т. Г. Аркадьева. – Л. : Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1990 – 31 с.
17. *Кунгушева, И. А.* Явление демотивации слов в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. А. Кунгушева. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. – 200 л.
18. *Бибихин, В. В.* Внутренняя форма слова / В. В. Бибихин. – СПб. : Наука, 2008. – 420 с.
19. *Голев, Н. Д.* Динамический аспект лексической мотивации / Н. Д. Голев. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. – 252с.
20. *Норман, Б. Ю.* Лингвистика каждого дня / Б. Ю. Норман – Минск : Выш. шк., 1991. – 303 с.

Поступила в редакцию 20.05.2021

Фольман Ральф

доктор филологических наук, профессор
Университет Граца
Грац, Австрия

Ralph Vollmann

Habilitated Doctor of Philology, Professor
University of Graz
Graz, Austria
vollmanr@gmail.com

STANDARD LANGUAGE AND DIALECT IN AUSTRIA

The German language in Austria is known for a number of particular features based on the local dialects and their interaction with Standard German. The speakers are competent to apply linguistic variation to their speech in an interplay between dialectal and standard forms. For the description of the “mixing” of the two extremes for producing actual speech, it is useful to apply the sociophonological model of input-switch rules intervening between two (or more) alternative forms (variable rules). Ranging from dialect and urban speakers across L1 and L2 learning of Austrian German to the use of dialect in mass media, we show that the delicate choice of ISR variables helps explain how sociopragmatic meaning is generated through the application of variation. At the same time, it is shown how dialects are finally merged into a wider spoken standard language in the framework of a pluricentric language.

Key words: sociophonology; Austrian German; standard language; dialects.

1. Background

1.1. German in Austria

The German language consists of a number of dialects; in the South of the German-speaking area, there are two large groups; firstly, the Alemannic area covering the South-West of Germany, parts of Switzerland, Liechtenstein, and the westernmost county of Vorarlberg in Austria; secondly, the Bavarian dialect group covering parts of Germany’s Bavaria and Austria; nonetheless, due to different linguistic centres, Austrian German can also be distinguished from Bavarian in Germany. German is therefore grouped among the “pluricentric languages” [1; 2].

Austrian German dialects can be subdivided into Southern-, Middle/Southern-, and Middle-Bavarian subdialects, roughly distinguishing the Northern, Middle, and Southern parts of the country – including South Tyrol (now part of Italy) and other areas which are no longer German-speaking.

In (much) earlier times, the dialects of German were partly not mutually understandable, however, the development of Standard German has approached the dialects to the standard language, and, therefore, also to the other dialects. The Bavarian dialects of Austria are all mutually intelligible for all speakers, while speakers can usually distinguish local varieties, such as, e.g. Carinthian German, Tyrolian, Viennese, or more precisely in the vicinity of one's own location.

The historical dialects of Austria have been catalogued and compared by philologists of the German language [3; 4; 5]. The modern situation has been assessed by linguists, especially for the urban areas of Salzburg, Vienna, Graz (e.g., [6; 7; 8]). This reflects the traditional divide between historical dialects spoken in rural areas, and mixed varieties in the urban areas which are characterised by dialect mixing and more influences from the standard language. This makes the language of speakers in urban centres similar to each other, while rural areas may remain more dialectal. In the urban varieties, sociolectal differences are found as well. Speakers are often able to use more than one sociolect in dependence of the communicative situation.

1.2. Standard language and vernacular

Speaking a dialect and a standard language taught at schools is a bilingual, often diglossic situation with a register variation. Standard languages and vernaculars therefore influence each other, whereby typically the standard language provides lexical items, the vernacular may influence the phonology and possibly grammatical structures of spoken forms of the standard language. Before all, dialects will lose words which are very different from the standard language and which denote objects that are no longer widely used, e.g. words for traditional farming objects. Deviant morphological forms may also be replaced. To give an example, let us consider the verb *haben* 'have': in Standard German (SG), the verb form *[ich] habe* '[I] have' in Austrian dialects have been *ʔi haõ* which reminds of the medieval written form, e.g., *Ich hân mîn lêhen* ([9] 28,31; 'I have my fief' by Walther von der Vogelweide, 1170–1230, who originated from what is today Austria). However, this form *ʔi haõ* has fallen out of use over the last few decades; people would say *ʔi hɔ:b* today when speaking dialect. This means that the dialectal form has actually been replaced with a phonologically adapted variant of SG. In this way, dialects become mere phonological variants of the standard language.

(03) Language change in the dialect: *[ich] habe* '[I] have'

STD ʔiç habe ↔ ʔiç hab(e) ↔ ʔiç ha:b

DIA ʔi(ç) /han/ → ʔi haõ || ↳ ʔi hɔ:b

A grammatical difference between dialect and standard can be seen in the following dialectal verb form *to be becoming burning* for *to start burning* with a present participle *brenat* (SG ‘brennend’) which could not be used (as a gerund) in Standard German:

(04) Grammatical differences between dialect and standard language

(a) DIA1	də	stɔ:dʃ	is	brenət	vuən.
	DEF.M.NOM	barn	is	burning	become
(b) STD1	der	Stadel ¹	hat	zu brennen	begonnen
	DEF.M.NOM	barn	has	to burn	started
(c) DIA2	də	stɔ:dʃ	hot	tsum brenən	aōgfaōŋən
	DEF.M.NOM	barn	has	to burn	started
(d) STD2	der	Stadel	hat	zum Brennen	angefangen
	DEF.M.NOM	barn	has	to burn	started

The barn has started to burn.

But the situation is more complex. After (a) may have fallen out of fashion in modern times, and (b) represents normative language, the (urban) dialect speakers may use (c), with the verb ‘anfangen’ and a verbal noun (gerund) with an inflected preposition, SG ‘zum Brennen’ which is the replacement for the infinitives which are not usable in this context in AD. This new dialectal form can be rendered in colloquial SAG with ease as in (d). In short, the interplay between Austrian dialects (AD) and SG is intricate and creates stylistic and pragmatic variations which can be chosen and interpreted by the communicators.

There are also morphological differences in nominal agreement; AD do not have a genitive case, the dative and accusative suffixes are different; furthermore, the suffixes partly differ from SG forms. German distinguishes the so-called “strong” and “weak” inflections, the AD system is as follows:

(05) Nominal morphology: (in)definite article + adjective + noun in AD

	M	N	F	PL
NOM	a kla:nə maō	a kla:ns haos	a kla:ne frao	klane haesə
ACC	an kla:n(ən) maō	a kla:ns haos	a kla:ne frao	klane haesə
DAT	an kla:n(ən) maō	an kla:n haos	ana kla:nən frao	klane haesə
	<i>a small man</i>	<i>a small house</i>	<i>a small woman</i>	<i>small houses</i>
	M	N	F	PL
NOM	də kla:ne maō	is kla:ne haos	di kla:ne frao	di klanən haesə
ACC	in kla:n(ən) maō	is kla:ne haos	di kla:ne frao	di klanən haesə

¹The Austrian standard language adopted a dialect word here for German ‘Scheune’, by applying SG phonology on the word.

DAT in kla:n(ɐn) in kla:n(ɐn) haos da kla:nɐn frao di klanɐn haesɐ
 maõ
the small man the small house the small woman the small houses

Since the agreement patterns differ between AD and SG, the SG phrase (from our corpus) *ein Hase mit langen Ohren* [æ:n ha:sɛ mit laŋɐn o:v.n] ‘a rabbit with long ears’ (dative neuter) would be *ɐ hɔ:s mit laõŋɐ uɐn* in AD; an urban speaker, however, actually produced *ɐ ha:sɛ mit laŋɐ o:vɐn* – which is very commonly heard. I.e., the indefinite article *ein* is reduced to the dialect form, but not the nouns *Hase* and *Ohren*. The missing *-n* in *langen* reflects a different morphological form in the dialect. The speaker would probably never say (c) (or perhaps only inside the family), but might switch to (b) in a more formal situation.

(06) Variation in Graz: Urban speech is neither the traditional dialect nor the standard language

(a)	URBAN	ɐ	ha:sɛ	mit	laŋɐ	o:vɐn
(b)	STANDARD	ein	Hase	mit	langen	Ohren
(c)	DIALECT	ɐ	hɔ:s	mit	laõŋɐ	uɐn
	CHOICE		DIA	STD	DIA/STD	STD
	gloss		a	rabbit with	long	ears

For Austrian speakers, the two extremes of AD and SG form a continuum with sociopragmatic relevance; since dialect only has covert prestige for the ingroup feeling of a local community (cf. [10]), the standard language certainly has the overt prestige of an acrolectal variety. Urban speakers attempt to speak SG, but consider their AD forms to be “facilitations” rather than dialectal forms; saying [ɐ] for ‘ein’ feels like a mere phonological reduction. Considering prestige, speakers are sensitive to the choice of dialectal and standard forms. One man once emphatically uttered: “ois va:s i, alles weiß ich!” which means “I know everything” twice; switching from AD to SG gives weight to his statement.

In the following example, a rural speaker from a touristic region in Upper Styria complains about the German influence on the local language. She complains that people nowadays use words such as *Nudelholz* ‘rolling pin’ which is “German” for her, while the (preferred) “Austrian” (i.e., dialect) word is *nudlvɔɛgɐ* (orthogr. *Nudelwalker*).¹ What follows next is interesting: She speaks in dialect and says *dɛis is ɔɛs dɛs daɛtʃɛ* (SG: *das ist alles das Deutsche ...* ‘That is all this German ...’), but then she changes into SG and repeats *aʃɛs dɔɛtʃɛ vɔɛvɛv* (‘[these are] all German words’). The word *prɔɛsiʃ* (preußisch, ‘Prussian’) is an emotional way of referring to Germany in a negative way.² In other words, the speaker uses SG in

¹Austrian speakers of German often feel very strongly about some words which they cannot accept in the form used in Germany; for instance, a ‘plastic bag’ is *Tüte* in Germany, but *Sackerl* in Austria. All speakers in Austria agree never ever to use *Tüte*.

²The kingdom of *Preußen* (Prussia), leader of the German unity, is a traditional rival of the Austrian Empire (resisting German unity at that time); referring to Germans as “Prussians” makes them “rivals”, often with respect to language use. Another derogatory Austrian word for Germans is *Piefke* which was the name of a Prussian composer (1917-1884) of military marches.

order to criticise that people speak SG nowadays (in her words: Prussian-German) instead of AD.¹ Again, the overt prestige of SG is used in order to emphasise on an opinion.

(07) Styrian speaker complaining about SG words – speaking SG, not AD

	oðə	nud hɔ ts	–	nud vɔɛgə!	dɛis	is	ɔɛs	–	dɛis	is	ɔɛs
orth.	oder	‘Nudelholz’	–	Nudelwalker!	Des	is	ois	–	des	is	ois
gloss	or	rolling pin	–	rolling pin	this	is	all	–	this	is	all
	DIA	STD	–	DIA	DIA			–	DIA		
	dɛs	daɛtʃɛ;	a ɛs	dɔɛtʃɛ	–	prɔɛsn	–	prɔɛsi ɛ	vɔɛtɔ!		
orth.	des	deutsche;	alles	deutsche	–	Preußen-	–	preußische	Wörter!		
gloss	this	German	all	German	–	Prussia-	–	Prussian	words		
	DIA		STD		–	STD	–	STD			

To conclude, the way people are actually speaking is often a mixture of dialect and standard language with sociopragmatic functions. In the following, it will be shown how this system can be described in a sociolinguistic analysis.

1.3. Sociophonology

Modern sociolinguistics observed that beside dialects, there are also social differences in language use (*sociolects*, [11]). It is socially relevant which variety is chosen by a speaker in a situation, as has been convincingly shown by Labov in a number of studies. Sociolinguistic variation can appear in two forms, by choices between dialect and standard language, or between two different languages; both activities usually lead to some degree of mixing of the involved varieties. Therefore, sociolectal variation and multilingual variation within one speaker’s production is analysed with regard to the choice of variables (cf. [12]; overview: [13]). This approach sees phonological variation as a dynamic process of variable selection. Speakers do not simply choose either a standard language or a dialectal register; rather, they mix these two sets of forms, thereby creating a mixed output which allows for more sociopragmatic choices which are sociolinguistically and pragmatically interpretable by competent listeners.

(08) The mixing of dialect and standard variables leads to various sociolinguistic registers.

WRI:	Ich	habe	das	Haus	selbst	gebaut.
STD:	iç	ha:bɛ	ðas	haʊs	sɛlbst	gɛbɔt
DIA:	i	hɔb	əs	hɔ:s	sœ:va	bɔ:t
URB:	iç	ha:b	dəs	hɔ:s	sɛlbɛ	bɔ:t
UPP:	iç	ha:bɛ	das	haʊs	sɛlbst	gɛbɔt
gloss:	I	have	the	house	self	built
	<i>I have built this house myself.</i>					

¹She equates SG with the German from Germany, which is, of course, inaccurate, but also a widely accepted perception based on the perceived linguistic dominance of Germany; her perception of local Austrians having to linguistically adapt to the German tourists is her main motivation for this rant.

Historiographically, the description of phonological variation departed from the idea of “ease of pronunciation” or “slow/fast speech”, following the idea that the same speaker would produce any of these forms in different situations. Dressler termed these forms “casual vs. allegro speech styles” [14; 15; 16]; in a study of Salzburg German, a model for sociophonological variation as an extended competence of the speakers was developed (“one-competence model”, [17]). The phonological model of Natural Phonology (NP; cf. [18;19]) proved useful for the description of sociolinguistic variation, as it was first implemented for Viennese German (VG; [20; 21]), assuming a “two-competence model”, i.e., a co-existence of two sets of phonological rules, with variables being connected through “input-switch rules” (cf., e.g., [22]) which are bidirectional. Since every phoneme is a variable, it is possible to describe the above-mentioned apparent “mixture” of the sociolinguistic registers.

NP distinguishes phonological “processes” and “rules”, whereby processes are substitutions that adapt phonological intentions to phonetic conditions, and rules are frozen adaptations, i.e., non-phonetic substitutions. This proved to be particularly useful for the description of (socio)phonological variation. A phonological process would apply across-the-board under specific phonetic circumstances; a rule, on the other hand, would occur for other reasons than mere phonetic conditions, e.g., sociolinguistic parameters. Moreover, phonological processes can oppose each other in a sociophonological input-switch rule; for instance, a process in one register may be opposed to a static phoneme in another.

The NP-based description of VG [6] and spoken SAG [7] describes both the variable rules and “pluricentrism” [1;2], the latter in terms of hierarchical (cascaded) *centres and peripheries*, where rural speakers will be influenced by a smaller urban centre, while speakers of the smaller urban centre will be influenced by the speech in Vienna, and all are under the influence from Germany, e.g., through media, with every higher centre being more overtly prestigious than the smaller one [23]. The microanalysis of the phonological interactions between standard language forms and local varietal forms shows a complex interaction of variables which are used differently from the simple binary distinction between standard and vernacular forms.

1.4. Input-switch rules

Input-switch rules are rules which define variables for phonemes or words. It is important to note that they are not unidirectional rules, instead they put two (or more) variables in an equivalence relationship (bidirectionality). The list of input-switch rules describes the phonological differences between SAG and VD (cf. 01). However, some switches are more salient than others. For instance, a dialectal variant will sometimes be considered “more/less dialectal” than others, other forms or phonological realisations will rather be interpreted by speakers as “low register” (slang) or in terms of “ease of pronunciation” (casualness, laziness). This is intuitive, if one considers forms such as AD [ɪs] for SG *das* (‘the’ DEF.N.NOM/ACC). This perception explains why some “dialectal” features can enter the meso- or acrolectal register, i.e., the sociolect which, in principle, requires standard language, while other forms are frowned upon if used in formal settings.

Very clearly, function words can have *reduced* forms (such as indefinite article *ein* pronounced as [ɐ]). However, there are systematic correlations between forms perceived as SG and AD by competent language users. This correlation has been described in the form of input-switch rules from which a user can choose in order to achieve sociopragmatic effects. For Austrian German, one can establish a list such as the following, where the SG form is on the left, and the AD form is on the right. The rules are to be separated into phonological correlations and word-based rules applying to specific function words (and few frequent lexical words) only.¹

(09) Some segment- and word-based input-switch rules for VG (cf. [6; 7; 24])

S1	/aɛ/ ↔ /ɛ:/	W1	/aɔx/ ↔ /a:/
S2	/aɛ/ ↔ /a/ ↔ /ɔɐ/ ²	W2	/vɪɐ, mɪɐ/ ↔ /ma/
S3	/u:/ ↔ /uɐ/	W3	/ɪç, dɪç, mɪç, sɪç/ ↔ /i:, dɪ:, mi:, si:/
S4	/i:/ ↔ /iɐ/	W4	/nɪçt/ ↔ /nɛ:d/
S5	/y, ʏ/ ↔ /i:, i/	W5	/das/ ↔ /dɛ:s/
S6	/ø, œ/ ↔ /ɛ:, ε/	W6	/sɪnd/ ↔ /sa:n/
S7	/ɔɛ/ ↔ /ɜ:/	W7	/ɪst/ ↔ /i:z/
S8	/a:/ ↔ /ɔ:/	W8	/kɔm(ɛ)/ ↔ /kum/ ↔ /kim/ ³
S9	/l/ ↔ /ɛ/ ⁴	W9	/V-st du/ ↔ /V-st/ ⁵
S10	[...]	W10	/gɛ-/ ↔ /_ / ; /g-/ ⁶

Translations (spoken/written/English): aɔx /auch/ ‘also’; vɪɐ /wir/ ‘we’; ɪç /ich/ ‘I’; dɪç /dich/ ‘you (SG.ACC)’; mɪç /mich/ ‘me’; sɪç /sich/ ‘him/her (DAT/ACC)’; nɪçt /nicht/ ‘not’; das /das/ ‘this’; sɪnd /sind/ ‘be (1/3P)’; ɪst /ist/ ‘be.3S’; kɔm(ɛ) /komme/ ‘come (1S)’.

These substitutions are exemplified in example (10): In the sentence *Was hast du gesagt?* ‘What did you say?’⁷, the input-switches a↔ɔ/a,-ɔ↔Ø, gɛ↔Ø are applied by different speakers in different ways, thereby allowing the recognition of various social group memberships. The exact choice of variables constitutes a sociolectal register.

¹Function words and grammaticalised forms are not the denotative information of a text, but rather cues for the interpretation of the text. They can usually be less salient (unstressed, phonologically reduced), as is described in grammaticalisation theory.

²A word such as *breit* SAG /braɛt/ is /brɔɐd/ in many dialects, except in Vienna (and Lower Austria) where it is /bra:d/ (in VD); in accordance with the model of centre and periphery, the latter (Viennese) form is spreading to other dialects (in rural areas) and therefore becomes another input-switch rule for some speakers who may then fluctuate between the forms /braɛt/ ↔ /brɔɐd/ ↔ /bra:d/.

³The word (*ich*) *komme* is SG /kɔmɛ/, colloquially /kɔm/, dialectally (AD) either /kum/ or /kim/; the dialect forms coexist and do not belong to a specific region.

⁴This is an l-vocalisation (i-type) resulting in a glide /ɛ/ (cf. [6], etc.; [25]), e.g. /ɔɛgɛmaɛn/ ‘allgemein’ (*generally*).

⁵Absence of the 2nd person pronoun after the inflected verb in AD.

⁶Deletion of the verbal prefix *ge-* in AD, or its shortening to a sesquisyllable, e.g. /gʁɛsn/ ‘gefressen’ (*eaten* [when speaking of animals]).

⁷Word by word: ‘What have you said?’

- (10) Various discernable speech styles in AG
- (a) STANDARD LG. *vas hastu gɛsa:kt*
 - (b) UPPER CLASS¹ *vas hastu gɛsa:kt*
 - (c) DIALECT/LC *vɔs hɔst ksɔk(t)*
 - (d) URBAN MC *vas hast ksa:kt*

It is noteworthy that it is partially acceptable for a realisation of SAG [a] as [ɑ] in (b) (upper class), while middle-class speakers would avoid [ɑ] in favor of [a], as in (d). For the prefix [gɛ-/g-], the opposite choice applies. The deletion of /du/ ‘you (SG.NOM)’ is another input-switch rule (W9).²

It may happen that rules interact with each other; the alternative spoken forms *aɛsɔ* and *ɔɛsɔ* for /also/ (‘well’) requires two different historical phonological analyses, either (a) *a]sɔ* → *aɛsɔ* (S9), or (b) *a]sɔ* → **ɔ]sɔ* (S8) → *ɔɛsɔ* (S9). In (a), the switch S9 creates a new phoneme which does not undergo the same sociophonological treatment as the intermediary form in (b). This example shows that the microsociophonological analysis can deal also with more difficult examples.

1.5. Standard languages and vernaculars

A standard language is a historically planned (predetermined), relatively uniform variety of a language used in a wide range of communicative functions, based on prescriptive, written norms codified in grammars and dictionaries. A linguistic standard is an *ideal* influencing the spoken practices of speakers, and ultimately their respective varieties.

The introduction of written languages provides a superimposed linguistic layer to be used by specialists for religious, administrative and educational purposes (e.g., Sumerian, Latin, Sanskrit). Spoken varieties coexist independently in the form of dialect continua and spoken languages (largely unnoticed by historical records). The communicative needs are still bridged through multilingual practices (e.g., learning more varieties, or by the establishment of a spoken *lingua franca*). In this situation, the standard language will not interact much with the spoken varieties, as it is not actively accessible to most people.

Modern standard languages, on the other hand, are formed from one (prestigious) spoken variety (*ausbau language*; [26; 27]) and spread through school education. This language is also elaborated for context-independent, active use (*activation, textualisation*) which makes written and spoken (elaborated) communication more easily accessible to more people (*demotisation*) which proves to be highly effective in economy and education. Since standard languages are planned, codified, and mostly learned as L2 (cf. [28]), they are well-described and therefore objectively

¹The term *class* shall be understood vaguely, not strictly, in the sense that in a sociologically more complex situation, we can still establish a simplified model for “social classes” based on family background, wealth, and education.

²Historically, the form *du* has been integrated into the verb in the form of the *-s-t* ending and probably reattached in SG (*V-st du*), while not in AD (*V-st*). To give another example for such processes, in dialects in Carinthia (South Austria), the 1P pronoun is reattached after having become a suffix of the verb: *hamɐ-miɐ* /haben wir/ ‘we have’, lit. ‘haben-wir wir’ (‘have-we we’).

accessible as a norm for writing and speaking. Furthermore, standard languages are *elaborated* (= *ausbau*) in structure and lexicon and allow high information density, grammatical complexity, precision, and lexical richness, and therefore serve *higher-level* (acrolectal) communicative functions.

Standard languages and spoken nonstandard varieties (*dialects*) create a stylistic spectrum between *orate* and *literate* registers of a “language” (cf. [29; 30; 31; 32]). These registers express the distinction between context-dependent (situative, dialogic) and context-independent, i.e., well-planned, unidirectional text production (cf. [33; 34])¹, with literate registers being more explicit in expressing semantic relations by junctors and subordination.

Modern nation-states usually define a national standard language and subsume other varieties as dialects or minority languages (*abstand languages*; [26; 27]). Education in a standard language leads to a one-sided multilingualism in which all speakers of nonstandard varieties share one common and elaborated language which subsequently influences the spoken varieties structurally and assimilates them to the standard language (dialect levelling), leaving less and less space for local peculiarities. Eventually, this situation leads to *one* language with various registers (*orate* vs. *literate*) and small dialectal (geographical) or sociolectal (social) differences, with mostly phonological and the lexical differences (dialect levelling).

One complication is pluricentrism ([1; 2]), when one (standard) language has various political centres and therefore develops small differences also in the respective standardised forms. Chinese, English, German are examples for such a situation. For our purpose, the common rejection of some “Germany”-identified lexemes used in Austria gives a glimpse of such a situation.²

Standard languages have *overt prestige* and influence non-standard varieties now termed *dialects*. Convergence is the result of the sociopragmatically motivated application of ISR. It is common for standard languages to influence dialects and minority languages as a *dominant* language. The following example shows one of the autochthonous minority languages spoken in Austria, Carinthian Slovene (CSlov.), with visible lexical influences from German; compare with the German and Standard Slovene (Slov.) translation:

(11) Slovene as a minority language under German superstratic influence ([36]):

CSlov.	O Maria!	Jz	sem	bla	na	tankštele	in
gloss	Oh Mary!	1S	be.1PR	AUX	at	gas station	and
			F				
Germ.	Oh Maria!	Ich	bin			zur Tankstelle	und

¹Cf. also “high- and low-context communication” ([35]).

²When Austria joined the European Union, since this also led to many standardization efforts, the permission to use of certain specific “Austrian” words was agreed upon, e.g., *Paradeiser* for *Tomate* ‘tomato’; this leads to German EU texts such as “[...] Ausfuhrlicenzen [...] im Sektor Obst und Gemüse (Tomaten/Paradeiser)” (<https://eur-lex.europa.eu>). This is mostly symbolic for an Austrian linguistic demarcation from Germany, as the word *Paradeiser* by and large fell out of use in spoken AG already – people say *Tomaten*.

Slov. O, Maria! Jaz sem bila na bencinski črpalki in

CSlov. sem **fauš**¹ **tankava!**
gloss be.1PRF false refuel-1PRF
Germ. habe falsch getankt!
Slov. sem napačno natočila!

On the other hand, vernaculars usually influence standard languages as a substrate, adapting the standard forms phonologically and sometimes morphologically and with different function words as well as culture-specific lexemes.

(12) The various substratic influences from vernacular to standard

- (a) phonological adaptation ha:bɛ → ha:bɛ (S8)
- (b) morphological adaptation mit langen → mit laŋe
- (c) function words adaptation ein → ɐ; einen → a:n
- (d) Certain lexemes Tüte → Sackerl

Sociophonological behavior reflects stereotypical attitudes on standard and dialect forms, where dialect is seen as the basilectal, familiar and thus also casual register. The forms which are phonologically “closer” to the standard language are interpreted as merely being casual forms, even if they are dialect variables.

2. Material & method

The following analyses gives a synopsis and summary of various aspects of sociolinguistic behavior in Austria. (a) The first section discusses one complex input-switch between a process (a gradual monophthongization) in SAG and a corresponding monophthong in VD in the so-called ‘Viennese monophthongization’ [37; 38]. (b) The second section discusses the acquisition of phonological variation by Austrian children facing a sociolectally complex situation [39]. (c) Thirdly, a case study on the sociophonological competence of an immigrant is presented [24]. (d) Finally, a description of acrolectal dialect use in acrolectal usage (i.e., in media) is given.

Abbreviations

1P	1st person plural	NOM	nominative case
1S	1st person singular	NP	Natural Phonology
ACC	accusative case	orth.	orthographic form
AD	Austrian dialect(s)	P	phoneme-based ISR
AUX	auxiliary verb	PRF	perfect
DAT	dative case	S	segment-based ISR
DEF	definite article	SAG	Standard Austrian German
DIA	dialect form	SG	Standard German (also SAG)
F	feminine gender	Slov.	Slovene
Germ.	German	STD	standard language
ISR	input-switch rule	UPP	upper class language
L1	first language development	URB	urban language

¹In Carinthian Slovene, the l-vocalisation is of the u-type.

L2	second language development	VG	Viennese German
M	masculine gender	WRI	written form
N	neuter gender		

LITERATURE

1. *Clyne, M.* The Interaction of National Identity, Class and Pluriglossia in a Pluricentric Language. In D.C. Laycock & W. Winter (ed.): A world of language. Papers presented to Professor S.A. Wurm on his 65th birthday. – Pacific Linguistics, 1987 – P. 100, 127–139.
2. *Clyne, M.* Pluricentric Languages: Differing Norms in Different Nations (Contributions to the sociology of language 62. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1992.
3. *Kranzmayer.* Historische Lautgeographie des gesamtbairischen Dialektraumes. Mit 27 Laut- und 4 Hilfskarten in besonderer Mappe. – Wien: Böhlau Nachfolger, 1956.
4. *Wiesinger, P.* Die Wiener dialektologische Schule. Grundsätzliche Studien aus 70 Jahren Forschung. – Wien: Halosar, 1983.
5. *Hornung, M. & F. Roitinger* Die österreichischen Mundarten. Eine Einführung. Neu bearbeitet von Gerhard Zeillinger. – Wien: Wiener Verlag, 2000.
6. *Moosmüller, S.* Soziophonologische Variation im gegenwärtigen Wiener Deutsch. Eine empirische Untersuchung. / S. Moosmüller. – Stuttgart: Steiner (= Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, Beiheft 56), 1987.
7. *Moosmüller, S.* Hochsprache und Dialekt in Österreich. Soziophonologische Untersuchungen zu ihrer Abgrenzung in Wien, Graz, Salzburg und Innsbruck (Sprachwissenschaftliche Reihe 1). – Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 1991.
8. *Moosmüller, S. & H. Scheutz.* Chain shifts revisited: The case of monophthongisation and e-confusion in the city dialects of Salzburg and Vienna. In: Peter Auer & J. Caro & G. Kaufmann (eds.), Language variation (European Perspectives IV). – Amsterdam: Benjamins, 2013. – P. 173–186.
9. *Lachmann, K.* Die Gedichte Walthers von der Vogelweide / K. Lachmann. – Berlin: G. Reimer, 1864.
10. *Chambers, J. K.* Dialectology / J. K. Chamber, P. Trudgill. – 2nd edn. – Cambridge University Press, 2004.
11. *Labov, W.* The Social Stratification of English in New York City / W. Labov. – Washington: Center for Applied Linguistics, 1966.
12. *Cedergren, H. & D. Sankoff.* Variable rules: Performance as a statistical reflection of competence. Language. – 1974. – P. 50, 333–355.
13. *Watt, D.* Variation and the variable. in: Carmen Llamas & Louise Mullany & Peter Stockwell (eds.): The Routledge Companion to Sociolinguistics. – London: Routledge, 2007. – P. 3–11.
14. *Dressler, W. U.* On rule ordering in casual speech styles. / W. U. Dressler // Wiener Linguistische Gazette 4. – 1973. – P. 3–7.
15. *Dressler, W. U.* Methodisches zu Allegro-Regeln. In Wolfgang U. Dressler & František V. Mareš (eds.), Phonologica 1972. – München. – 1975. – P. 219–234.

16. *Dressler, W. U.* Grundprobleme der Soziophonologie. / W. U. Dressler // Grazer Linguistische Studien 1. – 1975. – P. 25–31.
17. *Rennison, J. R.* Bidialektale Phonologie : die Kompetenz zweier Salzburger Sprecher / J. R. Rennison // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. – Beihefte 34. – Wiesbaden: F. Steiner, 1981.
18. *Stampe, D.* A dissertation on Natural Phonology. / D. Stampe. – New York, 1979.
19. *Donegan, P. J. & D. Stampe.* The study of Natural Phonology. In Daniel A. Dinnsen (ed.), Current approaches to phonological theory. – Bloomington, London, 1979. – P. 126–174.
20. *Wodak-Leodolter, R.* Phonological variation in Colloquial Viennese / R. Wodak-Leodolter, W. U. Dressler // Michigan Germanic Studies 4(1). – 1978. – P. 30–66.
21. *Dressler, W. U.* Sociophonological methods in the study of sociolinguistic variation in Viennese German. / W. U. Dressler, R. Wordak // Language in Society 11. – 1982. – P. 339–370.
22. *Moosmüller, S.* Diskrimination und Einschätzung des dialektalen input-switch /a/ ↔ /ɔ/. / S. Moosmüller // Wiener Linguistische Gazette 35–36. – 1985. – P. 75–94.
23. *Moosmüller, S. & R. Vollmann.* Fenomén ‘spisovný jazyk’ na príklade Rakúska. In Ondrejovic, Slavo & Mária Šimková (eds.), Sociolingvistické Aspekty výskumu Súčasnej Slovinciny. – Bratislava: Veda (= Sociolingvistická Slovaca 1), 1995. – P. 50–65.
24. *Hobel, B.* Phonological case study of the use of (Styrian) dialect and standard language in German as a second language. / B. Hobel, R. Vollmann // Grazer Linguistische Studien 84. – 2016. – P. 5–20.
25. *Vollmann, R. & B. Hobel & T. Seiffter & F. Pokorny.* The spread of /l/-vocalization in Styria. in: Sylvia Moosmüller & Manfred Sellner (eds.): Phonetik in und um Österreich. – Wien: Verlag der ÖAW (= Veröffentlichungen zur Linguistik und Kommunikationsforschung 31), 2017. – P. 123–136.
26. *Kloss, H.* Abstand-languages and Ausbau-languages. / H. Kloss // Anthropological Linguistics 9. – 1967. – P. 29–41.
27. *Kloss, H.* Die Entwicklung neuer germanischer Kultursprachen seit 1800, 2. erw. Aufl., – Düsseldorf, 1978.
28. *McWhorter, J.* Language interrupted. Signs of non-native acquisition in standard language grammars. / J. McWhorter. – Oxford: OUP, 2007.
29. *Biber, D.* Variation across speech and writing. / D. Biber. – Cambridge: CUP, 1988.
30. *Biber, D.* Dimensions of register variation. / D. Biber. – Cambridge: CUP, 1995.
31. *Maas, U.* Können Sprachen einfach sein? / U. Maas // Grazer Linguistische Studien 69. – 2008. – P. 1–44.
32. *Maas, U.* Literat und orat. Grundbegriffe der Analyse geschriebener und gesprochener Sprache / U. Mass // Grazer Linguistische Studien 73. – 2010. – P. 21-150.

33. *Vollmann, R.* Die Entwicklung literater Kompetenz bei Vorschulkindern mit Migrationshintergrund. in: Inci Dirim & Hans-Jürgen Krumm & Paul Portmann-Tselikas & Sabine Schmölzer-Eibinger (eds.): Theorie und Praxis. (= Jahrbuch für Deutsch als Fremd- und Zweitsprache 3/2014. Schwerpunkt: Schreiben und Literalität). – Wien: Präsenz, 2014. – P. 29–49.
34. *Vollmann, R.* Protoliterare Strukturen bei monolingualen und bilingualen Kindergartenkindern. / R. Vollmann, K. Schwabl // Grazer Linguistische Studien 82. – 2014. – P. 63–90.
35. *Paul, R.* Language disorders from infancy through adolescence. / R. Paul. – 3rd ed. – St. Louis: Mosby Elsevier, 2007.
36. *Simić, J.* Der soziolinguistische Status der slowenischen Sprache in Kärnten. / J. Simić. – MA thesis. – University of Graz, 2020.
37. *Vollmann, R.* Phonetics of Informal Speech: The Viennese Monophthongization. / R. Vollmann // Studia Phonetica Posnaniensia 5. – 1996. – P. 1–15.
38. *Moosmüller, S. & Ralf V.* The spread of the Viennese monophthongization: A socio-phonetic analysis. in: Schaner-Wolles, Chris & Rennison, John R. & Neubarth, Friedrich (eds.): Naturally! Linguistic studies in honour of Wolfgang Ulrich Dressler presented on the occasion of his 60th birthday. – Torino: Rosenberg & Sellier, 2000. – P. 327–335.
39. *Moosmüller, S. & R. Vollmann.* Dialekt- und Hochsprachevariation bei Kleinkindern in Wien: Phonologie. In Harald Burger & Annelies Häcki-Buhofer (eds.): Spracherwerb im Spannungsfeld von Dialekt und Hochsprache (Zürcher Germanistische Studien 38), – Bern: Lang, 1994. – P. 109–128.

Окончание статьи в следующем номере.

Поступила в редакцию 08.07.2021

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.161.1'42(045)

Романаускас Екатерина Владимировна
аспирант кафедры информатики
и прикладной лингвистики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Ekaterina Romanauskas
Postgraduate Student of the Department
of Informatics and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
rmnsks@tut.by

РЕЧЕВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРЕМИИ
ЕСЛИ ГОРА НЕ ИДЕТ К МАГОМЕТУ, ТО МАГОМЕТ ИДЕТ К ГОРЕ
В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

SPEECH TRANSFORMATIONS OF THE PAROEMIA
IF THE MOUNTAIN WON'T COME TO MUHAMMAD,
THEN MUHAMMAD MUST GO TO THE MOUNTAIN
IN RUSSIAN-LANGUAGE DISCOURSE

Данная статья посвящена проблематике речевых трансформаций паремий в русскоязычном дискурсе. В результате анализа употребления рассматриваемой паремии в репрезентативном корпусе контекстов были выявлены следующие разновидности трансформаций: структурная, семантическая и структурно-семантическая. Установлена частотность употребления каждого типа трансформаций рассматриваемой паремии, а также выявлены их разновидности и особенности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *паремия; пословица; имя собственное; прецедентное имя; семантика; корпус языка; дискурс.*

This article is dedicated to the issue of speech transformations of paroemias in the Russian-language discourse. It analyses a representative corpus of contexts containing the given paroemia. The following types of transformations have been identified: structural, semantic and structural-semantic. The frequency of transformations, their types and peculiarities are determined.

К e y w o r d s: *paroemia; proverb; proper name; precedent name; semantics; language corpus; discourse.*

Под термином *паремия* многие современные исследователи понимают афоризмы народного происхождения; с самых древних времен афоризмы постоянно сопутствовали всем цивилизациям мира, они синтетически обобщали мудрость народа, отображали его интересы и чаяния, являясь своеобразными сгустками общественного мнения [1, с. 3]. Советский лингвист Г. Л. Пермяков определял понятие *паремиология* следующим образом: «паремиология – это наука, изучающая пословицы и поговорки» [2, с. 11]. Термин *паремия* автор использует для обозначения пословиц, поговорок,

присловий примет, поверий и иных видов народных изречений. По мнению Г. Л. Пермякова, отличие паремий от фразеологизмов заключается в том, что фразеологизмы служат для выражения «некоторых специфических понятий», а паремии являются средством для «обозначения типовых жизненных ситуаций, для формулирования и удобного запоминания разного рода житейских и логических правил, для прогнозирования будущего и ряда других прагматических языковых целей» [2, с. 87]. Советский филолог Н. Т. Федоренко отмечает, что «пословицы – важнейший материал для изучения исторических событий, этнографии быта и мировоззрения народа» [1, с. 36]. Особый интерес представляет изучение трансформации пословиц при помощи корпуса языка. Современные лингвисты высоко ценят роль корпусов языка в мета-языковых исследованиях. А. А. Баркович отмечает «методологическую универсальность и эффективность корпусной лингвистики», автор подчеркивает: «Для корпусной парадигматики, изначально ориентированной на речевую практику, в современных условиях характерны четкая идентификация проблемной области, динамика и функциональность, аутентичность и высокая прецизионность результатов, богатство терминологического аппарата и востребованность обобщений как смежными дисциплинами, так и прикладной сферой в целом» [3]. Корпус языка является одним из основных средств изучения функционирования паремий в дискурсе. Дискурс – это «речевая деятельность, развернутая во времени и пространстве, обусловленная широким экстралингвистическим контекстом и коммуникационной спецификой» [4, с. 30]. Иллюстративным примером трансформации паремий в дискурсе является пословица *Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе*.

В результате работы с основным корпусом Национального корпуса русского языка [5] было отобрано 53 текстовых фрагмента, в составе которых находится рассматриваемая паремия. В ходе анализа источников текстовых примеров была выявлена функциональная принадлежность текстов к произведениям публицистического (20 примеров, 37,74 %) и художественного (33 примера, 62,26 %) стилей. По периоду публикации все источники текстовых примеров (49 единиц) можно поделить на 3 группы: XIX век (5 источников, 10,2 %), XX век (25 источников, 51,02 %), XXI век (19 источников, 38,78 %). Паремия *Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе* подверглась минимальным трансформациям в произведениях художественного стиля XIX – начала XX вв. В конце XX – начале XXI вв. авторы проводили большее количество трансформаций паремии, особенно в произведениях публицистического стиля. В 6 примерах (11,32 %) пословица употребляется в виде, зафиксированном в паремиологических словарях, например: *Черт не самолюбив. Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Вы не пришли к нечистой силе, так она пришла к вам* (НКРЯ). Примечательно, что в 4 случаях из 6 авторы добавляют следующие вводные конструкции: *привел восточную мудрость, поступив согласно поговорке, как говорю я, руководствуются пословицей*, а саму паремию заключают в кавычки.

Основой изучения речевой вариативности рассматриваемой паремии стал опыт лексикографической разработки И. В. Горбань [6]. В своем исследовании автор доказывает, что паремии, как и фразеологизмы (согласно классификации А. М. Мелеровича и В. М. Мокиенко), могут быть подвергнуты тем или иным преобразованиям. Все трансформации фразеологизмов в тексте А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко поделили на два основных типа: семантические и структурно-семантические [7]. Анализ репрезентативного корпуса контекстов употребления рассматриваемой паремии позволил идентифицировать три разновидности трансформаций: структурные, семантические и структурно-семантические.

Структура рассматриваемой паремии представляет собой сложноподчиненное предложение с двумя однородными придаточными предложениями условия, в состав которых входят 11 лексем: союзы *если* и *то*, предлог *к*, частица *не*, глагол *идти* в форме 3-го лица ед. ч. настоящего времени, существительное *гора* и личное имя *Магомет*. Группа структурных трансформаций (9 случаев, 16,98 % от общего количества) представлена способом под названием «сокращение компонентного состава», например: *Он обозначил нетерпеливое движение, и кабинет опустел с неприличной поспешностью. – Если гора не идет к Магомету... Второв уселся на свободное место за столом Забелина (НКРЯ); В отчаянии ничего не оставалось, как позвонить на следующий день и покаяться. А что еще делать, если гора не идет к Магомету... (НКРЯ)*. Во всех 9 примерах сокращения компонентного состава паремии авторы единогласно сокращали ее ровно наполовину, тем самым выражая уверенность в наличии в когнитивной базе реципиентов данного прецедентного высказывания и способности имплицитно реконструировать его продолжение.

Перед исследованием семантических и структурно-семантических трансформаций целесообразным представляется проведение небольшого экскурса в семантику изучаемой пословицы: «Обычно происхождение этого выражения связывают с одним из рассказов о Ходже Насреддине – герое восточного фольклора, известном выдумщике и острослове. Так, в одном из арабских сборников (примерно 1631) говорится о том, как Ходжа Насреддин <...> однажды решил выдать себя за святого. Когда его спросили, как он это докажет, он ответил, что может приказать пальмовому дереву подойти к нему, и оно повинуется. Когда же чуда не произошло, то Ходжа сам подошел к дереву со словами: “Истинные пророки и святые лишены высокомерия. Если пальма не идет ко мне, то я иду к ней”. В современном варианте это выражение вошло в европейские языки благодаря известному английскому ученому и философу Фрэнсису Бэкону (1561–1626), который в своей книге “Нравственные и политические очерки” (1597) привел собственный вариант рассказа о Ходже, заменив последнего на самого пророка Магомета. <...> Магомет обещает народу сдвинуть гору, но, когда это не удастся, говорит: “Что ж, так как гора не хочет идти к Магомету, то Магомет пойдет к ней”;

данное выражение носит *иносказательный характер*, когда говорится о желании сделать первый шаг к решению проблемы, возникшей в отношениях с партнером, оппонентом и пр. (самоирон.)» [8; 9; 10]. Общациональным инвариантом представления о Магомете по праву считается образ мудрого, находчивого и вместе с тем гордого человека, которому при помощи слова удастся найти выход из любой неординарной ситуации [11; 12].

Семантическая трансформация была выявлена в следующем примере (1,89 %): *Возле самого входа в павильон появились три мужские фигуры. Присмотревшись, Игорь понял, что столкнулся с тем самым случаем, когда не гора идет к Магомету, а Магомет к горе. В обществе двух своих охранников к нему шел, жадно озираясь по сторонам, Магомет Иванович Габов. Он высматривал контейнеры конкурента. Подходя к Игорю, Габов уже понимал, что его провели (НКРЯ).* В данном случае автор использует прием под названием «двойная актуализация», смысл которого заключается в совмещении переносного значения поговорки и ее внутренней формы (прецедентное имя *Магомет* совпадает с именем действующего лица Магомета Ивановича Габова, который, согласно сюжету, движется в направлении главного героя).

Преобразования поговорки в 37 примерах (69,81 %) относятся к группе под названием «Структурно-семантические трансформации». Одним из самых распространенных способов трансформации рассматриваемой поговорки (8 случаев, 15,09 %) является структурно-семантическая (ролевая) инверсия, например: *Гора идет к Магомету* (заголовок): *Американский автомобильный король Генри Форд (1863–1947) имел обыкновение, когда ему требовался кто-то из служащих, не вызывать его в свой кабинет, а самому идти к подчиненному (НКРЯ); Читайте, что гора пришла к Магомету, – улыбнулась Мария Ивановна (НКРЯ).* В 6 случаях (11,32 %) наблюдается незначительная морфологическая трансформация (употребление глагола *идти* в прошедшем времени), не приводящая к нарушению тождества поговорки.

Особый интерес представляет группа окказионализмов, основанных на изучаемой поговорке (23 единицы, 43,4 %). Среди них были выявлены трансформации на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях, а также сочетания нескольких трансформаций, например:

Выходит дело, встречаться с ними мне нельзя. Если гора не идет к Магомету... что дальше? В моем случае должно выглядеть примерно так: гора претя к Магомету (не страшно ли?), а Магомет от нее – деру... А куда? Есть куда» (НКРЯ).

В данном примере наблюдаются сокращение компонентного состава (*Если гора не идет к Магомету... что дальше?*), дистанционное расположение компонентов поговорки (*гора претя к Магомету (не страшно ли?), а Магомет от нее – деру*), изменение стилистической окрашенности (*претя, деру*), а также структурно-семантическая аналогия по контрасту (*гора идет к Магомету, а Магомет – деру*).

«Эге-ге!», – усмехается в ус, приосанивается Дарьяльский. **«Не пошла гора к Магомету, так пошел сам к горе Магомет!»** (НКРЯ).

Морфологическая трансформация паремии заключается в изменении времени повествования: форма настоящего времени глагола *идти* (*идет*) заменяется формой прошедшего времени (*пошла* и *пошел*), сменяя временной континуум происходящего. Синтаксическая трансформация заключается в смене придаточного предложения условия на придаточное предложение следствия.

«Пусть Филонов немедленно же идет в обком к Идельсону и получит заказ». Тогда Петя ответил: «Филонов не пойдет. Он подождет, когда придут к нему». Ему на это возразили: «Что же, коли гора не идет к Магомету, так Магомет должен идти к горе? Так, что ли?» Петя сказал: «Да, похоже на это» (НКРЯ).

В данном примере представлены 2 вида трансформации: синтаксическая трансформация (изменение утвердительной формы предложения на вопросительную) и расширение компонентного состава (модальный глагол *должен*), которые способствуют выделению сомнения как главного компонента субъективной модальности данного высказывания.

До выборов еще два месяца, а денежный вал, предвещающий их приближение, уже вздымается выше всех крыш. И этот вал сметает все. Рушатся незыблемые репутации, падают твердыни, горы ходят, и отнюдь не к Магомету (НКРЯ).

Автор при помощи метода структурно-семантической аналогии по контрасту и добавления компонента *отнюдь* усиливает экспрессивность и отрицательную модальность высказывания. Словосочетание *горы ходят* носит метафорический характер.

Руководители регионов, заинтересованные в привлечении капиталов, не ждут, когда гора придет к Магомету, а сами активно ищут контактов с зарубежными инвесторами (НКРЯ).

Автор сохраняет первую часть паремии неизменной (за исключением замены компонента *если* на *когда*), производя основную трансформацию во второй части паремии, используя метонимию: роль Магомета переходит руководителям регионов, а роль «горы» – зарубежным инвесторам.

В старину место службы именовалось «присутствие». В некоторых наших учреждениях, где сотрудников очень трудно застать на месте, это название выглядело бы весьма странно. Если гора не идет к Магомету – значит, у нее есть свои соображения (НКРЯ).

Как было указано выше, герой восточного фольклора Ходжа Насреддин обладает такими качествами характера, как хитрость, находчивость, рассудительность. Этот пример примечателен тем, что все эти качества главного героя переходят «горе», которую автор наделил способностью мыслить и принимать решения.

А ведь гора не идет к Магомету. Все не идет. Есть дом, в котором мы все сходимся (НКРЯ).

Автор производит двойное сокращение компонентного состава паремии: он избавляется не только от второй части пословицы (*Магомет идет к горе*), но и от компонента *если*, тем самым изменяя сложноподчиненное предложение, содержащее придаточное предложение условия, на утвердительное предложение. Кроме того, автор использует парцелляцию для усиления выразительности и эмоциональности высказывания.

«Вот и попробуй после такого усадить за один стол тигра с шакалом», – размышлял Сталин, но знал, что это необходимо для пользы дела. Поэтому он посоветовал Берии самому «пойти к Магомету, если Магомет держит фасон» (НКРЯ).

В данном случае автор показывает, как Сталин апеллирует к прецедентному высказыванию, заложенному в когнитивную базу Берии, сравнивая его с горой, тем самым подчеркивая силу и значимость этого деятеля, который сам должен пойти к Магомету, т.е. к Фадееву, если тот «держит фасон» (этой фразой и сравнением Фадеева с шакалом Сталин дает негативную оценку его поведенческому паттерну).

Однако безвыходных положений не бывает, и если гора, как говорится, не идет к Магомету, то пассажир заграничного рейса сам идет к таможеннику, нагруженный сверх меры скарбом и по-футбольному толкая перед собой не уместившиеся в руках коробки (НКРЯ).

В данном примере используется метонимия и сохраняется инвариант восприятия «горы», с которой отождествляются работники таможенной службы, и «Магомета», с которым автор отождествляет самого себя, тем самым указывая на необходимость выполнения поставленных задач самостоятельно ввиду сложившихся обстоятельств.

Тут главное, чтоб не надоедали, чтоб покой был... Ну а если гора не идет к Магомету, так пошла она на хер, такая гора. Вот как выходит. Инерция одна, никаких движений самоличных в душе» (НКРЯ).

Автор сохраняет первую часть высказывания неизменной, а во второй части, намеренно используя негативно маркированное словосочетание, относящееся к ненормативной лексике русского языка, он подчеркивает бессилие и нежелание «Магомета идти к горе».

По печальной статистике, до четверти ДТП со смертельным исходом происходит по вине заснувших за рулем, уставших водителей. Неплохо бы, конечно, каждому быть поответственнее, но если гора не идет к Магомету... телекамера придет в автомобиль (НКРЯ).

В данном случае автор использует метонимию и сравнивает телекамеру с Магометом, подразумевая мобильность систем контроля внимательности и готовность работников Госавтоинспекции принять меры по предотвращению дорожно-транспортных происшествий.

В статье был проведен анализ употребления рассматриваемой паремии в репрезентативном корпусе контекстов. В ходе анализа источников текстовых примеров была выявлена функциональная принадлежность текстов к произведениям публицистического (20 примеров, 37,74 %) и художественного (33 примера, 62,26 %) стилей. По периоду публикации все источники текстовых примеров (49 единиц) можно поделить на 3 группы: XIX век (5 источников, 10,2 %), XX век (25 источников, 51,02 %), XXI век (19 источников, 38,78 %). Паремия *Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе* подверглась минимальным трансформациям в произведениях художественного стиля XIX – начала XX вв. В конце XX – начале XXI вв. авторы проводили большее количество трансформаций паремии, особенно в произведениях публицистического стиля. Данная пословица используется авторами не только в зафиксированном в паремиологических словарях виде (11,32 %). Анализ источников позволил идентифицировать три типа трансформаций: семантические (1,89 %), структурные (16,98 %) и структурно-семантические (69,81 %). Данные преобразования носят морфологический, лексический и синтаксический характер, от добавления или опущения компонента паремии до полной структурно-семантической трансформации и возникновения окказионализмов. Вариативность преобразований данной пословицы обусловлена обилием лексических компонентов, входящих в ее состав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федоренко, Н. Т. Афористика / Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская. – М. : Наука, 1990. – 419 с.
2. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1988. – 236 с.
3. Баркович, А. А. Корпусная лингвистика : специфика современных метаописаний языка / А. А. Баркович // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2016. – № 406. – С. 5–13.
4. Баркович, А. А. Информационная лингвистика : Метаописания современной коммуникации : учеб. пособие / А. А. Баркович. – 3-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2019. – С. 30–31.
5. Основной корпус Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html/>. – Дата доступа : 25.04.2021.
6. Горбань, И. В. Роль паремий в речевых актах (на материале языка русской художественной литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. В. Горбань. – Саратов, 2010. – 26 с.
7. Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М. : Русские словари, 1997. – 864 с.

8. *Серов, В. В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new/. – Дата доступа : 23.04.2021.
9. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new/. – Дата доступа : 23.04.2021.
10. Универсальный дополнительный практический толковый словарь (И. Мостицкий) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rusyaz.niv.ru/doc/dictionary/mostitskiy/fc/slovar-197.htm#zag-1786/>. – Дата доступа : 23.04.2021.
11. *Попов, Е. А.* Ходжа Насреддин и Остап Бендер : образ трикстера в советской литературе / Е. А. Попов // Россия и Восток : культурные связи в прошлом и настоящем : материалы Междунар. науч. конф. (IX Колосницынские чтения), 16–17 апреля 2014 года. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2014. – С. 259–262.
12. Ходжа Насреддин // Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://bse.slovaronline.com/50023-HODZHA_NA-SREDDIN. – Дата доступа : 23.04.2021.

Поступила в редакцию 28.05.2021

ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 070.484

Ван Сяонань

аспирант кафедры
международной журналистики
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Wang Xiaonan

Postgraduate Student of the Department
of International Journalism
Belarusian State University
Minsk, Belarus

Конев Егор Федорович

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры международной журналистики
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Egor Konev

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of International Journalism
Belarusian State University
Minsk, Belarus
egorkonev1970@gmail.com

ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИКИ КИТАЯBASIC PRECONDITIONS FOR THE ORIGIN
OF THE ENGLISH-LANGUAGE PERIODICALS OF CHINA

Предметом рассмотрения являются предпосылки возникновения англоязычной периодики Китая в первой половине XIX века. К ним относятся высокий уровень производства, наращивание объемов внешней торговли и экспорта, слабое развитие информационно-рекламной составляющей данных процессов, а также насущная потребность китайского общества в преодолении политики самоизоляции. У истоков англоязычной прессы Китая находились иностранцы, поэтому первоначально страна рассматривалась в качестве объекта информационного и политического воздействия. Но уже к концу XIX в. в редакционной практике англоязычных изданий Китай превращается в субъект политики, обладающий собственной точкой зрения на события в мире.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *Китай; англоязычные издания; информационно-рекламное обеспечение; «North China Daily News»; редакционно-издательская деятельность; позиционирование инвестиционной привлекательности.*

The subject of this research is the preconditions for the emergence of English-language periodicals in China in the first half of the 19th century. These include a high level of production, an increase in foreign trade and exports, insufficient development of the information and advertising component of these processes, as well as an urgent need for the Chinese society to overcome the policy of self-isolation. Foreigners were at the origin of China's English-language press, therefore initially the country was considered as a target of information and political influence. But by the end of the 19th century, in the editorial practice of English-language publications, China was turning into a subject of politics with its own point of view on world events.

Key words: China; English-language publications; information and advertising support; "North China Daily News"; editorial and publishing activities; positioning of investment attractiveness.

Современные англоязычные издания Китайской Народной Республики (КНР) играют исключительно важную роль в информационно-коммуникационной системе страны. Неуклонно осуществляя информационное обеспечение внешнеполитических и внешнеэкономических инициатив руководства КНР и Коммунистической партии Китая (КПК) на международной арене, а также неустанно позиционируя положительный образ социалистического Китая в массовом сознании, современные англоязычные печатные СМИ «исторически рассматриваются в качестве действенной силы, способной существенно повлиять на то, как мировое сообщество воспринимает происходящие в стране процессы» [1, с. 42].

Немаловажным фактором является то обстоятельство, что «англоязычные китайские печатные СМИ являются одним из важнейших средств межкультурной коммуникации Китая с англоговорящим миром» [2, с. 80]. Вопреки существовавшему в руководстве КНР опасению, что английский язык упростит культурное и национальное своеобразие страны, редакционно-издательская практика конца XX – начала XXI в. продемонстрировала, что «периодическая печать на английском языке отражает этноисторический менталитет, характерный только для социума Китая» [3, с. 21]. При этом под этноисторическим менталитетом в данном случае понимаются наиболее устойчивые и социально закрепленные стереотипы мышления и поведения общности, находящие отражение в языке и культуре.

Английский язык таких авторитетных изданий, как «The China Daily», «The Global Times» и других, является не только эффективным посредником в коммуникации КНР с мировым сообществом, но и инструментом обеспечения доступа многомиллионной аудитории к информации о китайской экономике, политике и культуре. «Интерес читательской аудитории к китайским изданиям на английском языке обеспечивается целым рядом факторов, среди которых важное место занимают политический вес Китая в мире и его национально-культурная уникальность» [4, с. 101]. Ориентация англоязычных изданий КНР на широкую международную аудиторию, фактически на весь англоязычный мир, определяет доступное миллионам читателей и понятное по стилю изложения содержательное наполнение данных печатных СМИ. Вместе с тем приоритетная цель этих изданий состоит не столько в передаче сообщений, сколько в выражении отношения руководства Китая к тому, о чем сообщается. Обычно эта точка зрения декларируется через редакционные передовицы.

Данный подход во многом обусловлен характером государственной политики «реформ и открытости», которая ведет отсчет с исторического 3-го пленума 11-го созыва ЦК КПК, состоявшегося 18–22 декабря 1978 года.

Однако объективно следует признать, что прогрессивные традиции функционирования англоязычной прессы Китая как посредника между государством и остальным миром начали формироваться еще в первой половине XIX века.

Основной предпосылкой к появлению англоязычной периодики на этом этапе являлся высокий уровень экономического развития, превративший страну в своеобразную «мастерскую мира». Ведь каждое четвертое изделие в мире производилось на территории Китая. Однако наращивание торговых операций и объема экспорта по своим темпам значительно превосходило темпы информационно-рекламного обеспечения этих процессов. Причиной данной диспропорции являлась политика самоизоляции, которая осуществлялась на протяжении столетий различными правящими династиями Китая. Восприятие китайцев как «высшей расы», а остальных народов – как «варваров», способных лишь нанести вред национальным устоям и традициям, было обусловлено особенностями исторического развития, но вместе с тем неизбежно вело к технологическому отставанию от западной (так называемой северной) цивилизации. Преодолеть подобное отставание в информационно-коммуникационной сфере можно было лишь «открывая миру Китай и Китаю – мир». Таким образом, потребность в иноязычной прессе стала насущной, однако инициаторами ее создания были не китайцы, а иностранцы. Данная особенность была обусловлена политикой правительства династии Цин (1644–1911), которое «позволило издавать печатную продукцию иностранцам, но наложило строжайший запрет на издательскую и журналистскую деятельность соотечественников» [5, с. 189].

Первым периодическим изданием на иностранном языке на территории Китая была газета «Abella de la Xina» («Пчела Китая»), издававшаяся на испанском языке (точнее – на каталонском диалекте). Выпуск этого издания в 1822 г. осуществляли испанские миссионеры в Гуанчжоу. Издание было ориентировано преимущественно на узкий круг европейских священнослужителей. Газета прекратила существование на 12-м номере в связи с запретом властей, опасавшихся расширения христианской пропаганды среди местного населения. О том, насколько обоснованным являлся данный запрет, свидетельствует тот факт, что толчком к началу Крестьянской войны тайпинов 1850–1864 гг., унесшей жизни от 30 до 100 млн китайцев, послужили специфически интерпретированные сельским учителем Хун Сюцюанем идеи христианства, почерпнутые им из миссионерских трактатов.

Спустя пять лет, в 1827 г., на территории миссии в Гуанчжоу началось издание первой англоязычной газеты в Китае – «Guangzhou protocol» («Гуанчжоу протокол»). Ее аудитория оказалась гораздо шире, нежели у первого иноязычного издания. В круг читателей «Guangzhou protocol» входили не только священнослужители, но также иностранные дипломаты и торговые представители. Издание распространялось по подписке, что позволило редакции успешно функционировать до 1845 года. Лояльное отношение про-

винциальных властей к «Guangzhou protocol» объяснялось тем, что на страницах издания практически отсутствовали материалы на темы христианского вероисповедания, зато преобладали публикации, посвященные истории, географии, традициям, обычаям и нравам народов Китая. Вместе с тем местные власти игнорировали критические замечания центрального правительства на страницах «Guangzhou protocol», когда в редакционных материалах критиковался запрет на курение опиума. Наоборот, преступная торговля опиумом, приносившая баснословные прибыли английским коммерсантам (и соответственно, покровительствовавшим им китайским чиновникам) всемерно обелялась авторами «Guangzhou protocol». Отличительной чертой редакционной политики «Guangzhou protocol» являлось то, что Китай рассматривался в качестве субъекта информационного и политического воздействия, а не объекта, имеющего право на декларирование собственной точки зрения на текущие процессы в стране и в мире.

Появление англоязычной периодики в Китае происходило в условиях, когда число иностранцев на территории страны резко возросло по сравнению с предыдущими столетиями. Во второй четверти XIX в. информационные потребности англичан, американцев, японцев, французов, немцев, русских и представителей других национальностей обслуживали свыше 100 газет на иностранных языках. Наиболее крупными из них являлись американская газета «Weekly Review of the Far East» («Еженедельный обзор Дальнего Востока»), немецкая «Das Ostasiatische Lied» («Восточноазиатская песня»), французская «Écho de Chine» («Эхо Китая»), японская «Шанхай Синьбао» и др. Однако исторически сложилось так, что с этого периода и до настоящего времени англоязычная периодика оказалась самой многочисленной и динамично развивающейся из всех иноязычных печатных СМИ на территории Китая.

Так, 1 мая 1841 г. в Гонконге, который уже находился под контролем Великобритании, вышло периодическое издание на английском языке «Hong Kong Gazette» («Газета Гонконга»). В 1842 г. оно объединилось с новообразовавшимся изданием «Friend of China» («Друг Китая»), после чего начало выходить как единая газета с расширенным названием «Friend of China and Hong Kong Gazette». В 1843 г. появилась газета «Hong Kong register» («Регистр Гонконга»), в 1845 г. – «China mail» («Китайская почта»), в 1863 г. – «The Evening Mail and Hongkong Shipping List» («Вечерняя почта и список доставок Гонконга») и др. С этого времени и до перехода региона под контроль КНР в 1997 г. англоязычная периодика интенсивно развивалась в информационно-коммуникационном пространстве Гонконга, опередив издания на китайском языке и по времени появления, и по тематической насыщенности.

На территории континентального Китая в середине XIX в. функционировали такие англоязычные газеты, как «North China Herald» («Вестник Северного Китая», выпускалась в Шанхае в 1850 г.), «The Shanghai Evening

Express» («Шанхайский вечерний экспресс», выходила в Шанхае в 1867 г.) и др. История деятельности этих изданий, ориентированных на экономическую и торговую проблематику, оказалась непродолжительной. Не сохранилось даже аутентичных экземпляров этих газет. Об их существовании известно, главным образом, благодаря мемуарной литературе. Гораздо больший интерес в исследовательском плане представляет «North China Daily News» («Новости Северного Китая»), поскольку все ее экземпляры сохранились и даже оцифрованы. «North China Daily News» следует считать первым полноценным англоязычным изданием Китая, поскольку в числе ее инвесторов, руководителей и сотрудников преобладали этнические китайцы, а сам Китай в информационной практике его редакции представал уже не субъектом, а объектом мировой политики.

Ежедневная газета «North China Daily News» начала выпускаться в июне 1864 г. в Шанхае на базе редакции выходившей в 1850 г. «North China Herald». Преемственность в названии газеты указывала на желание ее руководителей привлечь зарубежных инвесторов к экономическому развитию Северного Китая, который в то время находился на периферии иностранного торгового и делового присутствия. Девизом издания стали слова «Journalism, Art, Science, Literature, Commerce, Truth, Printing» («Журналистика, искусство, наука, литература, коммерция, правда, полиграфия»), которые в течение восьми с лишним десятилетий публиковались над названием на первой полосе. Долгое время редакция «North China Daily News» размещалась в трехэтажном особняке на шанхайской набережной. В 1924 году, в честь 60-летия газеты, было открыто новое девятиэтажное здание, увенчанное двумя башнями, которые поддерживали восемь атлантов; из-за «преклонного возраста газеты, дом тут же окрестили “старушкой” (The Old Lady on the Bund)» [6].

К этому времени тираж «North China Daily News» достиг 8 тысяч экземпляров. В ежедневных многостраничных выпусках газеты содержались новости иностранных селтльментов (охраняемых кварталов) Шанхая, переведенные репортажи китайских журналистов, криминальная хроника и новости из зала суда, авторские колонки о китайской культуре и языке, анонсы голливудских кинофильмов и афиши русских театров, частные объявления, таблицы экспортных цен на чай, шелк и хлопок, поименные списки пассажиров круизных лайнеров, прибывавших в Шанхай (и их фотографии, если они были знамениты), биржевые сводки и очень много рекламы.

В 20–30-е гг. XX в. внимание всего мира было приковано к Китаю. Иностранные читатели с большим интересом следили за ходом гражданской войны, усилением коммунистического движения и началом японской оккупации Манчжурии. «North China Daily News» предоставляла самую оперативную и достоверную информацию об этих событиях. На этом основании газету даже называли «самым влиятельным китайским изданием в мире» [7, с. 42].

Японская оккупация Шанхая и многолетний террор захватчиков значительно сократили реальную аудиторию «North China Daily News». После окончания гражданской войны и образования Китайской Народной Республики в 1949 г. в Шанхай перестали приходить круизные лайнеры, иностранные предприятия закрылись, а немногочисленные читатели газеты бежали из страны. Газете стало буквально не для кого писать, и в 1951 г. она закрылась. К счастью, ее сотрудники сохранили копии всех выпусков «North China Daily News» (1864–1951). В начале XXI в. эти экземпляры оцифрованы и ныне доступны посетителям шанхайской библиотеки «Зикавей» («Zikawei»).

В годы Великой пролетарской культурной революции здание, в котором раньше размещалась редакция «North China Daily News», было разгромлено. Однако в 90-х гг. XX в. страховая компания AIA взяла здание в аренду на тридцать лет и тщательно его отреставрировала. Вернулись на фасад восемь атлантов, замазанные цементом; были восстановлены золотистые мозаичные своды в вестибюле, а также барельефы на фризе первого этажа. Данный акт является глубоко символическим в контексте описываемых событий, поскольку еще сорок лет назад само подтверждение преемственности традиций первой китайской газеты на английском языке в деятельности англоязычной периодики КНР считалось неприемлемым. Однако в современных реалиях уже можно признать, что детерминантой редакционно-издательской деятельности «North China Daily News» явилась позиционирование инвестиционной привлекательности регионов Северного Китая и содействие политическому урегулированию в стране, а также повышение ее престижа за рубежом. Эти процессы оказались диалектически взаимосвязаны с многофункциональностью проблематики данного издания, его типологической характеристикой, ориентацией на все возрастающие запросы читательской аудитории и, в связи с этим, постоянным поиском более эффективных средств формирования общественного мнения за рубежом. Это дает основание признать, что многие аспекты редакционной политики «North China Daily News» нашли свое воплощение в информационной деятельности англоязычной периодики КНР на рубеже XX–XXI веков.

Таким образом, обобщая все вышеуказанное, считаем целесообразным отметить, что основными предпосылками возникновения англоязычной периодики Китая в первой половине XIX в. явились высокий уровень производительности, превративший страну в «мастерскую мира», неуклонное наращивание торгово-экономических операций и объема экспорта, явное отставание информационно-рекламной составляющей данных процессов, а также насущная потребность китайского общества в преодолении политики самоизоляции. У истоков англоязычной прессы Китая находились иностранцы, поэтому первоначально страна рассматривалась в качестве объекта информационного и политического воздействия. Но уже к концу XIX в. в редакционной политике англоязычного издания «North China Daily News» Китай становится субъектом международной политики, обладающим собственными интересами и точкой зрения на события в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Инь, Жуюй.* Определение повестки дня газеты «Чайна Дейли» (China Daily) как составная часть «мягкой силы» Китая / Инь Жуюй // Ойкумена. – 2017. – № 1. – С. 42–53.
2. *Кохан, И. Н.* Китайские пословицы как средство передачи национального менталитета в китайских СМИ на английском языке / И. Н. Кохан // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 10 (64), ч. 1. – С. 80–83.
3. *Федоров, В. В.* Лингвистические и экстралингвистические параметры англоязычной газетно-журнальной публицистики Восточной Азии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / В. В. Федоров ; Нижегород. гос. лингвист. ун-т. – Н. Новгород, 2019. – 40 с.
4. *Николаева, О. В.* Китайские пословицы и поговорки как элементы высококонтекстной коммуникации в англоязычных СМИ Китая / О. В. Николаева // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика. – 2018. – № 6. – С. 101–109.
5. *Гэ, Гунчжэнь.* История китайской журналистики / Гэ Гунчжэнь. – 2-й вып. – Пекин : Саньяньшудянь, 1953. – 378 с.
6. *Князева, К.* Редакция первой англоязычной газеты Китая / К. Князева // Магазета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazeta.com/arc-north-china-daily-news.html>. – Дата доступа: 16.12.2020.
7. *Бажанов, Е. П.* Китай и внешний мир / Е. П. Бажанов. – М. : Прогресс, 2012. – 420 с.

Поступило в редакцию 23.07.2021

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81:004+004.912

Голяк Юлия Дмитриевна

соискатель кафедры
прикладной лингвистики,
Белорусский государственный университет;
специалист по компьютерной лингвистике
ООО «АйЭйчЭс Глобал»
г. Минск, Беларусь

Julia Haliak

Degree Seeking Applicant of the Department
of Applied Linguistics
Belarusian State University
Specialist in applied linguistics
at IHS Markit ltd.
juliaholiak@gmail.com

Совпель Игорь Васильевич

доктор технических наук, профессор;
заместитель генерального директора
по информационным технологиям
ООО «АйЭйчЭс Глобал»
г. Минск, Беларусь

Igor Sovpel

Habilitated Doctor of Technical Sciences,
Professor
Deputy General Director
for Information Technologies
at IHS Markit ltd.
igor.sovpel@gmail.com

**АВТОМАТИЧЕСКОЕ ДОПОЛНЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИХ
ЗАПРОСОВ НА ОСНОВЕ ПОДСКАЗОК ТИПА «ГЛАГОЛЬНАЯ ГРУППА»,
«ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРЕДЛОЖЕНИЯ» И «ЛЕКСИКОН»****AUTOCOMPLETION OF RUSSIAN LANGUAGE USER QUERIES BASED
ON SUGGESTIONS OF THE “VERB PHRASE”,
“SENTENCE SUBJECT AND PREDICATE” AND “LEXICON” TYPES**

В работе рассматривается задача автоматического дополнения поисковых запросов пользователя на этапе их ввода, а также поэтапно описан алгоритм построения подсказок типа «глагольная группа», «грамматическая основа предложения» и «лексикон», составляющих основу ее решения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : автодополнение; поисковый запрос; лингвистический процессор; глагольная группа; грамматическая основа предложения.

The paper investigates the problem of automatic user search query completion on the input stage and provides stepwise description of the algorithm for the synthesis of autocompletion suggestions of the “verb phrase”, “sentence subject and predicate” and “lexicon” types.

Key words: query type-ahead; search query; linguistic processor; verb phrase; sentence subject and predicate.

Данная статья в определенной степени является продолжением нашей предыдущей работы [1], где задача автодополнения рассматривается для наиболее частотных пользовательских запросов, формулируемых в виде именных групп. Там же дана постановка задачи автодополнения, решение которой основано на множестве автоматически распознаваемых в полнотекстовой базе данных так называемых подсказок. Такое распознавание оказалось возможным благодаря использованию базового лингвистического про-

цессора (БЛП) известной информационной системы IHS Goldfire [2], точнее – получаемого им результата семантико-синтаксического анализа текста в виде множества САО (Субъект – Акция – Объект) – отношений. Рассмотрим в качестве примера следующее предложение:

Антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения, создающее защитный слой, предотвращает повреждения металла, вызываемые коррозией.

Выполнив лингвистический анализ данного предложения, БЛП распознает в нем следующие САО-отношения:

	Поля	САО 1	САО 2	САО 3
1.	ОС	–	повреждения металла	антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения
2.	С	–	–	–
3.	П	антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения	коррозия	антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения
4.	Ск	предотвращать	вызывать	создавать
5.	ИчС	–	–	–
6.	ПД	повреждения металла	повреждения металла	защитный слой
7.	ДДП	–	–	–
8.	ДТП	–	–	–
9.	Пр	–	–	–
10.	КДП	–	–	–
11.	О	–	–	–
12.	ВК	–	–	–
13.	ОПС	предотвращает	вызываемые	создающее

Здесь ОС – Опорное слово (компонент, через который одно САО-отношение предложения связывается с другим, если таковое имеет место), С – Союз, П – Подлежащее, Ск – Сказуемое (в форме инфинитива), ИчС – Именная часть Сказуемого, ПД – Прямое дополнение, ДДП – Дополнение в дательном падеже, ДТП – Дополнение в творительном падеже, Пр – Предлог, КДП – Косвенное дополнение с Предлогом, О – Обстоятельство, ВК – Вводная конструкция, ОПС – Оригинальное представление сказуемого в тексте.

Именно конкретное наполнение полей САО-структуры является исходным материалом, на основе анализа которого и учета приведенной в [3] классификации синтаксических структур подсказок осуществляется их автоматическое построение для наиболее частотных пользовательских запросов. Далее дается поэтапное описание разработанных нами алгоритмов указанного построения для следующих наиболее актуальных после «именных групп» типов подсказок: «глагольная группа», «грамматическая основа предложения», «лексикон».

I. Построение списка подсказок для пользовательского запроса типа «глагольная группа»

Как и в случае с подсказками типа «расширенная именная группа с предложно-падежной зависимой конструкцией» [1], в данном случае речь также идет о двусоставных конструкциях. Первая их часть представлена собственно сказуемым, а вторая, зависимая часть, – дополнениями различных видов. Источником формирования первой части являются наполнения полей «Сказуемое» и «Оригинальное представление сказуемого в тексте» САО-отношений. Благодаря тому, что в поле «Сказуемое» хранится изначально канонизированный глагол, то есть его инфинитивная форма, а поле «Оригинальное представление сказуемого в тексте» содержит исходную форму сказуемого, использование этих полей позволяет формировать два типа глагольных групп:

- 1) глагольные группы с инфинитивом глагола;
- 2) глагольные группы с глаголом в третьем лице как единственного, так и множественного числа настоящего времени.

Формирование обоих типов подсказок обусловлено тем, что, как показывает анализ, это две наиболее частотные формы глагола, фигурирующие в запросах пользователей информационно-поисковых систем благодаря их сочетанию с такими, например, вопросительными словами: *как, где, зачем, когда, кто, почему* (*как заменить насос, где приобрести телефон, зачем делать раннюю прививку щенку, кто осуществляет взыскание налоговых вычетов, кто выращивает кофе, почему перегревается двигатель*).

Что касается второй части подсказки, то источником ее формирования является наполнение таких полей САО-отношений, как «Опорное слово», «Прямое дополнение», «Дополнение в дательном падеже», «Дополнение в творительном падеже», «Косвенное дополнение с предлогом», т.е. именные группы.

Стадия 1.1. Фильтрация наполнения глагольных групп в зависимости от сказуемого

На основе проведенного анализа корпусов запросов нами был разработан набор следующих экспертных правил, позволяющих заранее исключить формирование кандидатов в подсказки рассматриваемого типа в зависимости от сказуемого, представленного в САО-отношениях.

1. Если наполнение поля «Оригинальное представление сказуемого в тексте» является причастием, то исключается формирование кандидата подсказки с данным полем.

2. Если сказуемое содержит отрицательную частицу *не*, то соответствующие кандидаты в подсказки формируются с использованием его утвердительной формы, т.е. без частицы *не*. Во-первых, утвердительная форма, очевидно, вполне имеет право на существование в реальных запросах, а, во-вторых, в случае намерения пользователя все же использовать отрицательную форму, от него потребуются минимальные усилия – только набрать частицу *не* в предлагаемой ему подсказке.

3. Исключается формирование кандидатов в подсказки с теми сказуемыми, основной смысловой глагол которых не удовлетворяет критерию информативности, в нашем случае – является низкочастотным согласно анализу корпуса пользовательских запросов (например, глаголы *быть, являться, оказываться, стать* и др.).

В силу приведенных выше правил в используемом нами сквозном примере будет исключено (в соответствии с правилом 1) формирование подсказок с использованием наполнения поля «Оригинальное представление сказуемого в тексте» из САО 2 и САО 3.

Стадия 1.2. Преобразование составного глагольного сказуемого

Если в САО-отношении имеет место составное глагольное сказуемое, то на данной стадии фиксируется дополнительно еще одно сказуемое в виде его основного смыслового глагола и кандидаты в подсказки формируются как с использованием исходного сказуемого, так и производного. Например, в случае наличия «Сказуемого» *помогать предотвратить* оно будет дополнительно усечено до *предотвратить*.

Стадия 1.3. Формирование глагольных групп с прямыми и косвенными дополнениями, а также с их комбинациями

На данной стадии наполнение полей «Сказуемое» и «Оригинальное представление сказуемого в тексте» объединяется последовательно с наполнением таких полей, как:

- 1) «Прямое дополнение»
- 2) «Дополнение в дательном падеже»
- 3) «Дополнение в творительном падеже»
- 4) «Косвенное дополнение с предлогом»

Далее дополнительно осуществляется объединение «Сказуемого» с наполнением каждого из указанных полей, но без согласуемых атрибутов, далее – с их главным словом, объединение «Сказуемого» одновременно с наполнением нескольких зависимых из множества указанных полей, в том числе и с их представлением без согласуемых атрибутов и в виде главных слов (подробнее эти процедуры усечения наполнения перечисленных полей представлены в [1]). Ниже в соответствующем порядке приводятся примеры кандидатов в подсказки, получаемые на данной стадии из рассматриваемого примера:

- 1) *предотвращать повреждения металла;*
- 2) *вызывать повреждения металла;*
- 3) *создавать защитный слой;*
- 4) *предотвращает повреждения металла;*
- 5) *предотвращать повреждения;*
- 6) *предотвращает повреждения;*
- 7) *вызывать повреждения;*
- 8) *создавать слой.*

Стадия 1.4. Формирование глагольных групп с прямым дополнением и причастным оборотом

На данной стадии кандидаты в подсказки формируются путем объединения наполнения полей отдельно «Сказуемое» и «Оригинальное представление сказуемого в тексте» с наполнением поля «Прямое дополнение», представленным именной группой, и зависимым от него причастным оборотом. Формируются также варианты подсказок с именными группами без атрибутов. Подробное описание процедуры объединения именной группы с причастным оборотом приведено в [1]. Для предложения, используемого нами в качестве сквозного примера, здесь будут получены следующие кандидаты в подсказки:

- 1) *предотвращать повреждения металла, вызываемые коррозией;*
- 2) *предотвращает повреждения металла, вызываемые коррозией;*
- 3) *предотвращать повреждения, вызываемые коррозией;*
- 4) *предотвращает повреждения, вызываемые коррозией.*

Стадия 1.5. Контрольная проверка полученного списка кандидатов и добавление их в базу подсказок

В силу изложенного, на выходе данного этапа для нашего сквозного примера будет получен следующий список подсказок:

- 1) *предотвращать повреждения металла;*
- 2) *вызывать повреждения металла;*
- 3) *создавать защитный слой;*
- 4) *предотвращает повреждения металла;*
- 5) *предотвращать повреждения;*
- 6) *предотвращает повреждения;*
- 7) *вызывать повреждения;*
- 8) *создавать слой;*
- 9) *предотвращать повреждения металла, вызываемые коррозией;*
- 10) *предотвращает повреждения металла, вызываемые коррозией;*
- 11) *предотвращать повреждения, вызываемые коррозией;*
- 12) *предотвращает повреждения, вызываемые коррозией.*

II. Построение списка подсказок для пользовательского запроса типа «грамматическая основа предложения»

Еще одним актуальным типом пользовательских запросов являются запросы типа «предложение», классифицированные на подгруппы по синтаксическому признаку (простые, сложносочиненные, сложноподчиненные), а также по цели высказывания (вопросительные, утвердительные и их комбинация в виде двух простых предложений, нередко без знака препинания между ними) [1].

Данный тип запроса является достаточно сложным с точки зрения решения целевой задачи, поэтому в процессе разработки соответствующего алгоритма было принято решение не формировать распространенные и сложные предложения в виде непрерывной подсказки, а ограничиться построением подсказки типа «грамматическая основа предложения», под которой пони-

мается объединение наполнений полей «Подлежащее» и «Оригинальное представление сказуемого в тексте» САО-отношений. Это «позволяет» алгоритму подбора подсказки в процессе набора пользователем своего запроса предложить ему наиболее подходящее в каждый конкретный момент времени продолжение запроса в виде зависимого члена предложения, выбранного из числа подсказок другого типа, или же второй грамматической основы.

Рассмотрим поэтапно процедуру получения подсказок рассматриваемого типа.

Стадия 2.1. Фильтрация САО-отношений с неинформативными и несогласованными подлежащим и сказуемым

На данной стадии анализу подвергаются наполнения полей «Подлежащее» и «Сказуемое». При этом из дальнейшей обработки исключаются те САО-отношения, в которых:

- «Сказуемое» содержит отрицание, модальные слова (*мочь, должен, можно, нужно, нельзя*) или представляет собой глаголы речи (*говорить, сказать, рассказывать*), глаголы *быть, являться, иметь, состоять* и некоторые другие, как наиболее редкие в запросах рассматриваемого типа;
- «Оригинальное представление сказуемого в тексте» выражено причастием или деепричастием;
- главное слово «Подлежащего» не находится в именительном падеже, если оно склоняемо (как в случае оригинальности такой формы в тексте, так и как результат фильтраций);
- по какой-либо причине главное слово «Подлежащего» и «Оригинальное представление сказуемого в тексте» не совпадают по числу.

Отметим, что из всех САО-отношений, указанных ранее для нашего сквозного примера, данную стадию успешно преодолеют только САО 1.

Стадия 2.2. Объединение наполнения полей «Подлежащее» и «Оригинальное представление сказуемого в тексте»

На этой стадии наполнения полей «Подлежащее» и «Оригинальное представление сказуемого в тексте», успешно преодолевших фильтрацию САО-отношений, объединяются в единую структуру, представляющую собой так называемую грамматическую основу предложения. Причем, помня о том, что запросы типа «предложение» по цели высказывания могут быть как утвердительными, так и вопросительными, целесообразно сформировать в этот момент кандидатов в подсказки в двух вариантах с точки зрения очередности полей: в прямом и в обратном порядке. Как показывает анализ, обратный порядок подлежащего и сказуемого характерен в русском языке для вопросительных предложений (ср. *Двигатель перегревается* и *Почему перегревается двигатель?*).

Таким образом, на данной стадии для нашего сквозного примера будут получены следующие кандидаты в подсказки:

- 1) *антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения предотвращает;*
- 2) *предотвращает антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения.*

Стадия 2.3. Формирование подсказок с усеченным наполнением поля «Подлежащее»

Здесь из полученных на предыдущей стадии кандидатов в подсказки дополнительно формируются таковые за счет усечения именных групп, составляющих наполнение поля «Подлежащее». Это усечение осуществляется путем применения процедур обработки именных групп с согласованными атрибутами и распознавания их главных слов, подробно представленных в [1].

Таким образом, будут дополнительно получены следующие кандидаты в подсказки:

- 1) *покрытие аэрозольного нанесения предотвращает;*
- 2) *покрытие предотвращает;*
- 3) *предотвращает покрытие аэрозольного нанесения;*
- 4) *предотвращает покрытие.*

Стадия 2.4. Контрольная проверка списка кандидатов в подсказки и добавление их в базу подсказок

В нашем примере на выходе этой стадии получим следующий список подсказок:

- 3) *антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения предотвращает;*
- 4) *предотвращает антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения;*
- 5) *покрытие аэрозольного нанесения предотвращает;*
- 6) *покрытие предотвращает;*
- 7) *предотвращает покрытие аэрозольного нанесения;*
- 8) *предотвращает покрытие.*

III. Построение списка подсказок типа «лексикон»

Еще одним, дополнительным, но, как оказалось, важным типом подсказок, формируемых для решения целевой задачи, являются подсказки условно названного типа «лексикон». К ним относятся однословные подсказки разных частей речи. Для их получения все поля САО-отношений, прошедших все упомянутые ранее виды фильтрации, проходят через ряд однотипных стадий, целью которых является распознавание в этих полях по лексико-грамматическим категориям слов, задаваемых в виде тегов, их частей речи, приведение слов к начальной форме (с сохранением оригинального числа слов для тех частей речи, у которых имеется такая грамматическая категория) и добавление в базу подсказок. Полный перечень таких стадий выглядит следующим образом.

Стадия 3.1. Атрибутивная

Здесь в полях САО-отношений распознаются прилагательные, причастия, порядковые числительные и некоторые определительные местоимения, которые затем приводятся к именительному падежу исходного рода и числа. В нашем примере на этой стадии сформируются следующие кандидаты в подсказки:

- 1) *антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения -> антикоррозийное, аэрозольное;*
- 2) *вызываемые -> вызываемые;*

3) *защитный слой* -> *защитный*;

4) *создающее* -> *создающее*.

Стадия 3.2. Адвербиальная

На данной стадии распознаются наречия в начальной форме или сравнительной степени (форма сравнительной степени сохраняется). В нашем примере наречия не присутствуют, и выход этой стадии будет пустым, но в качестве иллюстрации можно привести следующие именные группы и результат их обработки: *мягко очищать поверхность* -> *мягко*; *приобрести товары дешевле* -> *дешевле*.

Стадия 3.3. Глагольная

Здесь распознаются и приводятся к инфинитиву глагольные формы (без сохранения исходной формы):

1) *предотвращать, предотвращает* -> *предотвращать*;

2) *вызывать* -> *вызывать*;

3) *создавать* -> *создавать*.

Стадия 3.4. Стадия числительных

В данном случае распознаются и канонизируются количественные и собирательные числительные (при этом сохраняется также их исходная форма). Оригинальная форма числительных, в отличие от большинства других частей речи, сохраняется в виде отдельного кандидата, поскольку в большей части именных групп числительные отфильтровываются при построении списков подсказок рассмотренных ранее типов. Поэтому только такой подход позволяет сохранить в базе подсказок максимальное разнообразие форм числительных. Ввиду отсутствия числительных в рассматриваемом предложении, приведем такие примеры: *провести анализ пяти экспериментов* -> *пять, пяти*; *шестеро взрослых и трое детей* -> *шестеро, трое*.

Стадия 3.5. Стадия модальных слов

Здесь в качестве кандидатов в подсказки в полях SAO-отношений распознаются модальные слова *можно, нужно, надо, необходимо, нельзя, невозможно* и т.д.: *необходимо провести подготовку* -> *необходимо*.

Стадия 3.6. Предложная

На данной стадии в качестве кандидатов в подсказки распознаются предлоги длиной более 4 символов, поскольку автодополнение таких длинных предлогов может сэкономить время ввода не менее, чем время ввода знаменательных слов: *поступать согласно правилам* -> *согласно*; *простудиться вследствие переохлаждения* -> *вследствие*.

Стадия 3.7. Контрольная проверка полученного списка кандидатов и добавление их в базу подсказок

Список полученных кандидатов в подсказки типа «лексикон», для рассматриваемого нами сквозного примера будет выглядеть так:

1) *антикоррозийное*;

2) *аэрозольное*;

3) *вызываемые*;

4) *защитный*;

- 5) *создающее;*
- 6) *предотвращать;*
- 7) *вызывать;*
- 8) *создавать.*

Обратим внимание, что в процессе формирования данного типа подсказок отсутствует стадия для существительных, поскольку источником для получения одиночных существительных служит процедура определения главных слов в процессе формирования подсказок типа «именная группа» [1].

В результате полного цикла целевой обработки рассматриваемого в качестве сквозного примера предложения с целью получения из него подсказок рассмотренных трех типов будет получен следующий их список:

- 1) *предотвращать повреждения металла;*
- 2) *вызывать повреждения металла;*
- 3) *создавать защитный слой;*
- 4) *предотвращает повреждения металла;*
- 5) *предотвращать повреждения;*
- 6) *предотвращает повреждения;*
- 7) *вызывать повреждения;*
- 8) *создавать слой;*
- 9) *предотвращать повреждения металла, вызываемые коррозией;*
- 10) *предотвращает повреждения металла, вызываемые коррозией;*
- 11) *предотвращать повреждения, вызываемые коррозией;*
- 12) *предотвращает повреждения, вызываемые коррозией;*
- 13) *антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения предотвращает;*
- 14) *предотвращает антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения;*
- 15) *покрытие аэрозольного нанесения предотвращает;*
- 16) *покрытие предотвращает;*
- 17) *предотвращает покрытие аэрозольного нанесения;*
- 18) *предотвращает покрытие;*
- 19) *антикоррозийное;*
- 20) *аэрозольное;*
- 21) *вызываемые;*
- 22) *защитный;*
- 23) *создающее;*
- 24) *предотвращать;*
- 25) *вызывать;*
- 26) *создавать.*

В заключение отметим, что постадийная процедура построения базы подсказок является эффективным инструментом управления наполнением этой базы в смысле включения в ее состав тех или иных типов подсказок в зависимости от предпочтений пользователя или особенностей предметной области. Что касается представленных во всех приведенных схемах стадий контрольной проверки полученного списка кандидатов в подсказки, то здесь,

кроме традиционных процедур экспертного контроля текстовых данных, могут, например, осуществляться процедуры автоматического сокращения списка кандидатов в подсказки путем установления для них некоторого порогового значения их частотности или информативности. Во втором случае указанная информативность может быть определена использованием достаточно эффективного метода, предложенного в [4] как раз для САО-отношений и их компонентов.

Представленные результаты, так же, как и результаты, полученные в [1] были внедрены в состав упомянутой ранее информационной системы IHS Goldfire и показали свою актуальность и эффективность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голяк, Ю. Д., Совпель, И. В.* Автоматическое дополнение русскоязычных пользовательских запросов, формулируемых в виде именных групп / Ю. Д. Голяк, И. В. Совпель // Вестник МГЛУ. Филология. Сер. 1. – 2021. – С. 101–110.
2. IHS Goldfire [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.ihs.com/pdf/IHS-Goldfire-Platform-Whitepaper_140823110915517-432.pdf. – Date of access : 07. 05. 2021.
3. *Голяк, Ю. Д.* Автодополнение поискового запроса на основе автоматического извлечения подсказок из преиндексированных документов предметной области / Ю. Д. Голяк // Вестник БГПУ. Сер. 1. Педагогика. Психология. Филология. – 2018. – № 3. – С. 91–95.
4. *Воронков, Н. В.* Методы, алгоритмы и модели систем автоматического реферирования текстовых документов : дис... к-та техн. наук : 05.13.17 / Н. В. Воронков. – Минск, 2007. – 165 л.

Поступила в редакцию 18.06.2021

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.3.09(092)

Кохан Тацяна Сяргееўна
аспірант
Нацыянальная акадэмія навук Беларусі
г. Мінск, Беларусь

Tatsiana Kokhan
Postgraduate Student,
National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus
tgalis@mail.ru

РЭЦЭПЦЫЯ ТРАДЫЦЫЙ АНТЫЧНАСЦІ
Ў ТВОРЧАЙ СПАДЧЫНЕ ЯНА ЧАЧОТАTHE RECEPTION OF THE ANTIQUE TRADITIONS
IN THE CREATIVE HERITAGE OF IAN CHACHOT

Артыкул прысвечаны выяўленню традыцый Антычнасці ў творчай спадчыне Я. Чачота, асаблівая ўвага звернута на ролю анакрэантычных і гарацыянскіх матываў ва ўзбагачэнні тэматычнага рэпертуару аўтара. Даследаванне паказала, што для філамацкага перыяду творчасці Я. Чачота быў характэрны сінтэз антычных матываў і вобразаў з элементамі біяграфіі, алюзіямі на гістарычныя падзеі; у познім перыядзе творчасці паэт звярнуўся да гарацыянскай ідэі ціхага вясковага жыцця на ўлонні прыроды. Сваю задачу Я. Чачот бачыў не ў перайманні антычных аўтараў, а ў выкарыстанні іх дасягненняў для паказу блізкай яму рэчаіснасці.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *Ян Чачот; літаратура XIX стагоддзя; антычная традыцыя; анакрэантычныя матывы; гарацыянскія матывы; рэцэпцыя.*

The article deals with the Antique traditions in Ian Chachot's creative heritage; special attention is paid to the role of Anacreontic and Horatian motifs, which enrich the author's themes. The analysis shows that the Philomath period of Ian Chachot's creativity is characterized by the synthesis of ancient motifs and images with the biographical elements and historical allusions. In the last period of his creativity, the poet used the Horatian idea of a quiet rural life in the bosom of nature. Ian Chachot didn't want to imitate the ancient authors, but he used their achievements to show his reality.

Key words: *Ian Chachot; literature of the 19th century; Antique traditions; Anacreontic motifs; Horatian motifs; reception.*

Антычнасць – універсальная культура, заснаваная на прынцыпах разумення гармоніі чалавека і свету. Становішча Беларусі паміж Усходам і Захадам спрыяла таму, што «антычная спадчына пранікала на тэрыторыю Беларусі не па адным, а па двух культурных шляхах – праз Заходнюю Еўропу, з дапамогай перакладу з грэцкай мовы на лацінскую, а пазней праз Візантыю і Кіеўскую Русь, дзякуючы перакладам на царкоўнаславянскую мову» [1, с. 5]. Аднак засваенне літаратурай Беларусі культурнага вопыту Антычнасці, паводле слухнага меркавання А. Сузько, «ускладнялася перапынкамі ў працэсах гістарычнай пераемнасці і рэгулярнасці ў развіцці

літаратурнага працэсу» [2, с. 108]. Такім жа нераўнамерным быў працэс навукова-крытычнага асэнсавання ўплыву літаратурных традыцый Антычнасці на беларускую літаратуру. Актыўныя ўздымы перапыніліся перыядамі застою, аднак у апошнія дзесяцігоддзі цікавасць да сувязі беларускай літаратуры з Антычнасцю прыкметна ўзрасла, можна прыгадаць даследаванні У. Конана, С. Малюковіч, А. Сузько, Т. Шамякінай і інш., у межах прапанаванай тэмы асабліва вылучаюцца працы Д. Лебядзевіча, які звярнуўся да праблемы ўплыву антычнай літаратуры на польскамоўную творчасць Я. Чачота. Даследчык прааналізаваў буйныя паэтычныя творы: лірычную сцэнку «Сафо» («Сафо»), калядную містэрыю «Apollo po kolędzie» («Апалон на калядаванні»), паэму «Туртеј» («Тыртэй») і прыйшоў да наступных высноў: «Антычны паэтычны матэрыял, міфалагічныя вобразы і рэмінісцэнцыі дапамагаюць найбольш поўна і ярка раскрыць жыццёвы ідэал гэтага паэта, спрыяюць найбольш поўнай і яркай перадачы душэўнага настрою Яна Чачота і яго сучаснікаў, выяўляюць пафас тагачаснай эпохі» [3, с. 245]. Нягледзячы на даволі падрабязнае асэнсаванне заяўленай праблемы, па-за ўвагай навукоўцы засталіся вершы прынагоднай (аказіянальнай) паэзіі, у якой антычная традыцыя займае вядучае месца. Такім чынам, рэцэпцыя антычных традыцый у творчасці Я. Чачота патрабуе далейшага вывучэння з прыцягненнем да аналізу максімальнай колькасці вершаў паэта.

Жыццёвы і творчы шлях пачынальніка беларускай літаратуры Я. Чачота (1796–1847 гг.) прыпадае на складаны час першай паловы XIX ст., калі перад прадстаўнікамі эліты не было акрэсленых гістарычных перспектыв, беларуская мова была ў заняпадзе, а тэрыторыі, якія доўгі час уваходзілі ў склад іншых дзяржаў, не мелі пэўных межаў і адзінай афіцыйна замацаванай назвы. У гэты перыяд інтэнсіфікуюцца працэсы нацыянальнай самаідэнтыфікацыі, паступова выпявае ўсведамленне значнасці роднай мовы і этнічнай культуры для фарміравання ўласнай літаратурнай традыцыі. У той жа час, пэўная дыскрэтнасць літаратурнага працэсу на беларускіх землях спрыяла таму, што ў пошуках адказаў на спрадвечныя пытанні пісьменнікі звярталіся да сусветнага літаратурнага вопыту.

Я. Чачот не скончыў поўны курс універсітэцкай навукі, аднак на працягу ўсяго жыцця займаўся самаадукацыяй. У сваёй творчасці паэт карыстаўся беларускай і польскай мовамі, добра ведаў лацінскую, французскую, нямецкую, а ў высылцы засвоіў рускую і англійскую мовы. Ён пільна сачыў за літаратурным жыццём краю, а таму выразна адчуваў новыя павевы. Менавіта ўплыў антычнай культуры стаў выключным фактарам, які прадвызначыў шляхі развіцця літаратуры на беларускіх землях у пачатку XIX ст., у тым ліку аказаў уздзеянне на эстэтычны характар Чачотавай творчасці.

Я. Чачот быў аўтарам многіх застольных песняў, якія аздаблялі філамацкія святы. Пры іх стварэнні пісьменнік абапіраўся на шматвяковую літаратурную традыцыю **анакрэантычнай паэзіі**, асноўнымі матывамі якой былі бесклапотнасць, культ зямных радасцяў, кахання і віна. Пра знаёмства

Я. Чачота з арыгінальнай творчасцю Анакрэонта сведчыць ліст з Вільні да А. Міцкевіча ад 30 верасня – 2 кастрычніка (12–14 кастрычніка) 1819 г.: «<...> postanowiłem dziś umieć tłumaczyć przynajmniej Anakreona» «<...> сёння вырашыў навучыцца перакладаць хаця б Анакрэонта» [4, s. 143].

У славянскіх літаратурах XIX ст. анакрэантычныя апісанні шумных гулянак, сяброўскіх сустрэч сталі сімвалам яднання творчых людзей, якія ў нязмушанай, вясёлай і дасціпнай гутарцы маглі знайсці поўнае паразуменне і падтрымку. Для такіх вершаў характэрна прастата, лёгкасць зместу і формы, своеасаблівая музычнасць. У анакрэантычнай лірыцы, акрамя традыцыйных вобразаў антычных багоў, келіха і каханай, часта прысутнічаў і вобраз самога Анакрэонта, жыццярадаснага старца, які прагнуў перад смерцю нацешыцца каханнем і віном. Гэты вобраз не ўласцівы паэзіі Я. Чачота. Наадварот, паэт супрацьпастаўляе свет маладосці свету старасці, так, у вершы «Co to starzy za warjasi» («Што старыя за вар’яты») гучыць адвечная праблема бацькоў і дзяцей: «*Co to starzy za warjasi: / Mówią bez przyczyny, / Że wiek młody źle się traci. / Siedząc u dziewczyny. / I pędzą mię do roboty, / A nie wiedzą tego, / Że bez dziewcząt ja ochoty / Nie tam do niczego*» ‘Што старыя за вар’яты: / Гавораць без прычыны, / Што век свой марна трацім, / Калі сядзім у дзяўчыны. / І пхнуць мяне да працы, / А не ведаюць таго, / Што без дзяўчат я ахвоты / Ні на што не маю!’ [5, s. 103]. Менавіта каханне – той стымул, які дапамагае ў працы, у жыцці, натхняе, зараджае бадзёрасцю і добрым настроем: «*Gdy się z nią chwilkę pogrucha, / Chwilkę się pośmieje, / Serce nowym ogniem bucha, / W głowie rozednieje. / I świat smutną postać zrzuci, / Pracuję wesoly, / I piosnka się wdzięcznie nuci / Między przyjaciół*» ‘Калі з ёй хвілінку пабуркую, / Яна хвілінку пасмяецца, / Сэрца новым агнём палае, / Галава яснее. / І свет адкідае смутак, / Працую вясёлы, / І песенька з удзячнасцю пішацца / Паміж сябрамі!’ [5, s. 103]. На нашу думку, услаўленне кахання было не толькі данінай літаратурнай модзе, але і ўнутранай патрэбай маладога і чулага сэрца: «*Cyprydy kochane dziatki, / Ustrójcie mą lutnię w kwiatki. / Z waszej ja posiadam ręki, / Miłość mię śpiewać znęciła: / Ach, gdy ta lutnia wam miła, / Dajcie jej dziś świeże wdzięki!*» ‘Кіпрыды мілыя дзеці, / Упрыгожце маю лютню кветкамі. / З вашых рук яе атрымаў, / Каханне прымусіла мяне спяваць: / Ах, калі ж мая лютня вам даспадобы, / Дайце ёй сёння свежасць хараства!’ [5, s. 100].

Многія творы Я. Чачотаносяць аўтабіяграфічны характар, у іх паймаўскаму раскрываецца індывідуальнасць паэта, яго светапогляд і тэмперамент, адрасатамі часта выступаюць канкрэтныя асобы. У прыватнасці, значную частку песень пра каханне складаюць творы, прысвечаныя Зоф’і Малеўскай. Многія творы гэтай тэматычнай групы ўвайшлі ў рукапісны зборнік «*Piosnki i inne wiersze*» («Песенькі і іншыя вершы»), у якім перад чытачом паўстае гісторыя ўзнёслага і трагічнага кахання. Радасць і смутак ідуць поруч на працягу ўсяго зборніка, у многіх гучыць боль ад непаздзеленага кахання, прасочваецца антычны матыў «*amor dolor*» ‘каханне – боль’. У песні XXXVIII лірычны герой гаворыць: «*Nie chcesz kochać mnie, dziewczyno? / Hej, nalewaj w puchar wino! / Ja szalony, niechaj piany / Będę jeszcze niekochany!*» ‘Не хочаш кахаць мяне, дзяўчына? / Гэй, налі віно

ў кубак! / Я вар'ят, няхай і п'яны / Яшчэ буду некаханы!» [6, b/s, piosnka XXXVIII]. Аднак, нягледзячы на цяжкія пакуты, толькі віно і каханне з'яўляюцца ахоўным сродкам супраць непазбежнай марнасці ўсяго існага: «*Czego z człowiek na swiecie żyje, / Gdy nie kocha i nie pie? <...>/ Kochaj, pij I bądź poczciwy, / Będiesz tu i tam szczęśliwy*» ‘Для чаго жыве чалавек на свеце, / Калі ён не кахае і не п'е? <...> / Кахай, пі і будзь пачцівым, / Будзеш усюды ты шчаслівым’ [6, b/s, piosnka LXVI].

Яшчэ адным моцным пачуццём у жыцці Я. Чачота была любоў да сяброў. У вершах гэтай групы дамінуючым з'яўляецца матыў «amicus certus» ‘сапраўдны сябар’, якім быў для аўтара А. Міцкевіч. Я. Чачот прадказаў яму несмяротную славу, такую ж гучную, як у вялікага паэта антычнасці Тыртэя. У паэме «*Turtej*» («Тыртэй») Я. Чачот узяў важную тэму ролі паэта ў грамадстве і прызначэння паэзіі, менавіта выкарыстанне антычных матываў і вобразаў надае аўтарскім развагам маштабнасць, панарамнасць.

У сваіх застольных песнях паэт часта паўтарае, што трэба быць шчаслівым сёння, бо жыццё занадта кароткае, каб хаця б нешта адкладаць да заўтра. У творчасці вар'іруецца шырокавядомы заклік са студэнцкай песні «*Edite, bibite, post mortem nulla voluptas!*» ‘Ешце, піце, пасля смерці няма ніякай асалоды!’, які, адмаўляючы ідэю раю пасля смерці, адлюстроўваў ідэю зямнога шчасця, заснаванага на задавальненні звычайных патрэб. Так, у вершы «*Na ozdrowienie Adama*» («На выздараўленне Адама») даецца дастаткова рэалістычнае апісанне застолля: «*<...> wszystko się rusza: / ten się osusza, / ów, podobny do flaka, / dobywa wina z hlaka, / tyka / «wiwat» wykrzyka, / ten praży, / smaży, / zajada*» ‘усё ў руху: / таго адолела смага, / іншы падобны да кішкі, / здабывае віно са жбана, / глытае / «віват» выкрыквае / той парыць, / смажыць, / закусвае’ [5, s. 45], і ў гэтым бясконцым чалавечым руху гучалі віваты, уздымаліся тосты за здароўе сяброў: «*Tymczasem / między nawiasem, / hej, / lej / małmazyję / do czary / dobrej miary: / wypiję, / niech żyje / Adam brat! / Kier nam świat / bez niego! / Niech strzegą / jego / bogi wysokie / i głębokie, / nieba / i ereba*» ‘Тым часам / у дужках, / гэі, / лей / малвазію / да чаркі / добрай меры: / вып'ю, / няхай жыве / Адам брат! / У нас кепскі свет / без яго! / Хай берагуць / яго / багі высокія / і глыбокія, / неба / і Эрэба’ [5, s. 37]. Агульны хмельны настрой спрыяў умацаванню сяброўскіх сувязяў, стварэнню творчай нязмушанай атмасферы, у якой лёгка нараджаліся вершы. У творы «*Uciszcie się...*» («Суцішцеся») паэт услаўляе весялосць, за якой стаіць сапраўдная чалавечая мудрасць: «*Uciszcie się... / Uciszcie się! Zaśpiewajmy, / Łączcie, bracia, głosy społecni; / Kielichami zabrząkajmy, / Jest to mądrość być wesolem*» ‘Суцішцеся... / Суцішцеся! Заспяваем / Далучайцеся, браты, злучым галасы; / Стукнемся келіхамі, / Гэта мудрасць быць весёлым’ [5, s. 102], прасочваецца антычны матыў «*amor fati*» ‘любоў да лёсу’, за простым выказваннем схаваны глыбокі філасофскі падтэкст прыняцця жыцця ва ўсіх яго праявах, бо толькі ў такім выпадку можна заставацца весёлым і шчаслівым.

Я. Чачот часта звяртаўся да гарацыянскага матыву «*carpe diem*» ‘схапі імгненне’. Так, у вершы «*Precz, precz, nudy, troski!*» («Прэч, прэч, нуда і клопаты!») чытаем: «*Pij, pal, bądź wesoly! / Skacz, tańcz z przyjaciółmi! / Kto*

wie, jutra czy dożyję / To nasze, co dziś wypiję» ‘Піце, паліце, будзьце шчаслівыя! / Скачы, танцуй са сваімі сябрамі! / Хто ведае, ці дажывем да заўтра / Тое наша, што вып’ем сёння’ [5, s. 106]. Асноўны пасыл верша сугучны з філасофіяй Эпікура, трэба атрымліваць асалоду ад жыцця, пакуль жывеш: «*Bądźmy, bracia, dziś weseli, / Jako w niebiesiech anieli! / Śpiewajmy, hulajmy / I o nic nie dbajmy!*» ‘Будзем сёння вясёлымі, браты, / Як у небе анёлы! / Давайце спяваць, гуляць / І не будзем ні пра што клапаціцца’ [5, s. 107], аднак за вонкавай бесклапотнасцю прыхаваны глыбокі патрыятычны пафас: «*Że ty tych potomni, / Którzy, chociaż tego pili, / Wrogów jeszcze dzielniej bili*» ‘Бо мы нашчадкі тых, / хто, хоць і столькі пілі, / але яшчэ лепш білі ворагаў’ [5, s. 106]. Паэт просіць узяць келіхі за бацькоў, за каханак і сяброў, мудрацоў, паэтаў, нават паноў, аднак толькі за тых, у якіх «*wieśniak nie nękanu!*» ‘сялянін не змардаваны’ [5, s. 108], таксама за вяскоўцаў, капланаў, службоўцаў, ваяроў і за ўсіх людзей, «*Bo wszyscy są krewni bliscy!*» ‘Бо ўсе блізкія сваякі’ [5, s. 109].

Апяваючы права на шчасце кожнага, незалежна ад сацыяльнага статусу, Я. Чачот не здраджваў сваім грамадска-палітычным ідэалам, ён заклікаў узяць вянкi славы, несці ў край асвету, быць мілоснікамі праўды і цноты: «*Hej, młodzieńce... / Hej, młodzieńce, / Bierzcie wieńce, / Ale wieńce sławy; / Dość z Bachem zabawę*» ‘Гэй, юнакі ... / Гэй, юнакі, / Бярыце вянкi, / Але вянкi славы; / Хопіць весяліцца з Бахусам’ [5, s. 111]. Менавіта асвета з’яўляецца, на думку паэта, сапраўдным ключом да ўсеагульнага дабрабыту і шчасця: «*Światłem oświeceni, / W ojczystej przestrzeni / Światło rozsiewajcie / Bliźnich nauczajcie. / Hej, młodzieńce, / Bierzcie wieńce, / Lubych cnót czciciele / Prawdy przyjaciele! / I pracą domową / I służbą krajową / Pomagajcie bratu, / Krajowi i światu. / Hej, młodzieńce, / Bierzcie wieńce*» ‘Асветленыя, / У роднай старонцы / Сейце святло / Блізкіх вучыце. / Гэй, юнакі, / бярыце вянкi, / Мілых цнот прыхільнікі / Праўды сябры! / І ў працы дамовай / І ў службе краёвай / Дапамагайце брату, / Краіне і свету. / Гэй, юнакі, / бярыце вянкi’ [5, s. 112].

У творчасці Я. Чачота традыцыйныя анакрэантычныя матывы часта набываюць грамадска-патрыятычнае гучанне. Антычнасць з’яўляецца толькі знешняй аздобай для разважанняў аўтара пра далёкія і блізкія гістарычныя падзеі. Так, у вершы «*Surydy kochane dziatki*» («Кіпрыды мілыя дзеці») чытаем: «*Cóż, gdy teraz jest muzyka! / Grzechem nie wyciąć tańczyka. / Stopy się wiercą ochocze: / Kościuszkowskiego mi grajcie, / A wy, bracie, dłoń podajcie, / Kościuszkowskiego wyskoczę!*» ‘Ну, і дзе цяпер музыка! / Грэх не выкраіць танец. / Ступні верцяцца ахвотна: / Зайграйце мне Касцюшкавага, / А вы, браты, падайце мне рукі, / Касцюшкавага станцюю!’ [5, s. 101]. Нібыта выпадковая згадка пра колішні папулярны танец стварае падставы для экскурсу ў гераічную мінуўшчыну краю. Паэт захапляецца Т. Касцюшкам, лічыць яго сапраўдным патрыётам, узорам для нашчадкаў: «*O Kościuszko, piękny wzorze, / Jako ojczyznę miłować, / W każdej życia swego porze / Pragniemy cię naśladować; / Szczerze ojczyznę kochamy, / Dla niej tylko oddychamy*» ‘О Касцюшка, цудоўны прыклад, / Як любіць радзіму, / У кожную пару свайго жыцця / Хочам табе наследаваць; / Шчыра радзіму любім, / Мы дыхаем толькі для яе’ [5, s. 102].

Безумоўна, нельга не заўважыць складаную эвалюцыю ў светапоглядзе Я. Чачота, які ў маладосці быў адэптам жыццесцвярджальнай філасофіі Эпікура, Анакрэонта, актыўным змагаром за свабоду і шчасце радзімы. Зусім іншым выглядае ўплыў антычнасці ў перыяд пасля вяртання з высылкі. У гэты час антычная традыцыя перастала адыгрываць вядучую ролю, у масавай свядомасці і самасвядомасці культуры пачалі фарміравацца новыя нацыянальныя каштоўнасці, у якіх асноўнае месца адводзіцца не асабістым пачуццям і экзістэнцыяльнаму вопыту, а грамадскім інтарэсам, народу. Гэты пералом спрыяў таму, што ў познім перыядзе творчасці Я. Чачота антычнасць адыходзіць на другі план.

Сталы паэт шукаў задавальнення не ў віне і каханні, а ў спакоі вясковага жыцця і руплівай працы на карысць радзімы. Для Я. Чачота сталі блізкімі разважанні Гарацыя «*Beatus ille qui procul negotiis...*» «Шчаслівы той, хто ўдалечыні ад спраў», які славіў сціплае працоўнае жыццё вяскоўца і адмаўляў сучасную яму рэчаіснасць. Звычайна даследчыкі не акцэнтуюць увагі на тым, што гімн простаму вясковаму жыццю спявае ліхвяр Альфій. Пазбаўленыя кантэксту, гэтыя словы губляюць іранічнасць, і ўжо ў такім выглядзе шырока выкарыстоўваюцца і аўтарамі, і навукоўцамі як прэцэндэнтны тэкст. Услед за літаратурнай традыцыяй, Я. Чачот стварае гарманічны свет вясковага побыту на ўлонні прыроды. Яго ідэал – ідэал прыватнага жыцця, далёкага ад мітуслівага свету. Так, у вершы «*Ej, posadźe ja przy chatce...*» («Гэй, пасаджу каля хаціны») увасобілася мара фактычна бяздомнага паэта пра свой куток: «*Ej, posadźe ja przy chatce / Gruszkę i jablonkę, / Na pamiątkę, żem w tym roku / Pojł milą żonkę*» «Гэй, пасаджу каля хаціны / Грушу і яблыньку, / На памяць, што сёлета / Узяў гожую жонку» [7, s. 84]. Матыў духоўнай еднасці з прыродай, супрацьпастаўленай заганнаму грамадству мог быць узяты як непасрэдна з тэкстаў Гарацыя, так і пазнейшых твораў, у якіх прырода паўстае як зямны рай, далёкі ад гарадской цывілізацыі. Мара пра ідылічнае жыццё з каханай жанчынай і дзецьмі не толькі даніна літаратурнай традыцыі, але і жыццёвая неабходнасць беднага, спакутаванага і самотнага паэта.

Такім чынам, Антычнасць адыграла значную ролю ў станаўленні і развіцці Чачотавай паэзіі, прычым як у арнаментна-міфалагічным (эмблематычным), так і ў ідэйным плане. Спалучэнне антычнай традыцыі з аўтабіяграфічнымі элементамі, алюзіямі на гістарычныя падзеі было характэрным для многіх вершаў Я. Чачота. Сваю задачу ён бачыў не ў перайманні антычных аўтараў, а ў выкарыстанні іх дасягненняў для таго, каб паказаць блізкую яму рэчаіснасць. У яго лірыцы філамацкіх гадоў гучыць заклік атрымліваць асалоду ад жыцця, кахання, сяброўства, віна, прасочваецца культ легкадумства і весялосці, за якімі стаіць сапраўдная чалавечая мудрасць; у больш познія гады анакрэантычныя матывы саступаюць месца матывам гарацыянскім, пастаральным. Яго вершы ўхваляюць ціхае вясковае жыццё на ўлонні прыроды, славяць шчасце ў абмежаванні.

ЛІТАРАТУРА

1. *Лебядзевіч, Д.* Антычныя традыцыі ў беларускай літаратуры XIX – пачатку XX стагоддзя: дыс. ... канд. філал. навук: 10.01.01 / Д. Лебядзевіч. – Гродна, 1997. – 115 с.
2. *Сузько, А.* Антычнасць у беларускім кантэксце: антычныя вобразы і матывы ў паэзіі Максіма Танка: манаграфія / А. У. Сузько. – Мазыр : МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2008. – 120 с.
3. *Лебядзевіч, Д.* Польскамоўная творчасць Яна Чачота ў кантэксце антычнай літаратуры / Д. Лебядзевіч // Шлях да ўзаемнасці = Droga ku wzajemności : матэрыялы XVII міжнар. навук. канф., Гродна, 18–19 лістапада 2010 г.; рэдкал. Г. А. Хацкевіч [і інш.] – Гродна: ГрДУ, 2011. – С. 241–245.
4. *Korespondencya 1815–1823 / Wydał J. Czubek.* – Kraków: nakł. Polskiej Akademii Umiejętności, 1913. – Т. 1: 1815–1820. – 486 s.
5. *Poezja Filomatów / Wydał J. Czubek.* – Kraków: nakł. Polskiej Akademii Umiejętności, 1922. – Т. 1. – 359 s.
6. *Czeczot, J.* Poezje [Microform]: I, II, III / J. Czeczot [S. l. : s. n.], 1823.
7. *Czeczot, J.* Piosnki wieśniacze z nad Niemna, Dniepra i Dniestra / J. Czeczot. – Wilno: Druk Józefa Zawadzkiego, 1845. – 108 s.

Поступила в редакцию 09.06.2021

УДК 821.161.3:82 – 1 М. Танк

Мотрэнка Таццяна Аляксандраўна
выкладчык кафедры беларускай
і замежнай літаратуры
Беларускі дзяржаўны педагагічны
ўніверсітэт імя Максіма Танка
г. Мінск, Беларусь

Tatsiana Motrenka
Lecturer of the Department of Belarusian
and Foreign Literature
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
t.motrenka@gmail.com

ВЕРЛІБРЫ-ІНСАЙТЫ МАКСІМА ТАНКА Ў АПОШНІХ КНІГАХ ПАЭТА: ФАРМАЛЬНА-ЗМЕСТАВЫЯ АСПЕКТЫ

VERS LIBRES-INSIGHTS BY MAXIM TANK IN THE POET'S LAST BOOKS: FORMAL AND CONTENT-RELATED ASPECTS

У артыкуле разглядаецца адметная частка верлібравай спадчыны Максіма Танка – свабодныя вершы лаканічнай формы са скандэнсаваным зместам, што сталі прыкметнай з’явай у апошніх кнігах паэта. Аўтар звяртае ўвагу на характэрныя рысы іх кампазіцыі, сінтаксічнай арганізацыі, інтанацыйнай афарбоўкі, ідэйна-сэнсавай дамінанты, на падставе якіх вылучае асобную разнавіднасць свабоднага верша ў творчасці Максіма Танка – верлібры-інсайты.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *афарыстычнасць; верлібр-інсайт; лаканічная форма; свабодны верш; скандэнсаваны змест.*

The article discusses a distinctive part of Maxim Tank's *vers libres* heritage – free-verse poems of a laconic form with condensed content, which became a noticeable phenomenon in the poet's last books. The author of the article draws attention to the characteristic features of their composition, syntactic organization, intonational colouring, the idea and the semantic dominant, on the basis of which a separate kind of free-verse in Maxim Tank's heritage is identified – *vers libres-insights*.

Key words: *aphoristic character; vers libres-insights; laconic form; free-verse poem; condensed content.*

У гісторыі нацыянальнага слоўнага мастацтва імя Максіма Танка цесна звязана з укараненнем верлібра на беларускай паэтычнай глебе. Класік роднай літаратуры адным з першых сярод айчынных паэтаў ХХ ст. зрабіў свабодны верш неад'емнай часткай свайго творчага інструментарыю.

Айчынны літаратуразнаўчы дыскурс характарызуецца багатым вопытам асэнсавання ідэйна-зместавых і фармальна-стылістычных асаблівасцей свабоднага верша М. Танка. У розных аспектах іх даследавалі А. К. Кабаковіч, У. В. Гніламёдаў, В. П. Рагойша, У. Ю. Верына, В. У. Ярац і інш. Аднак па-ранейшаму верлібры беларускага творцы застаюцца перспектыўным аб'ектам навуковага аналізу, у прыватнасці, нерыфмаваныя вершы падкрэслена лаканічнай формы са скандэнсаваным зместам. Верлібры абмежаванага аб'ёму ў творчасці М. Танка пачалі з'яўляцца яшчэ ў пачатку 1980-х гг., аднак у апошніх кнігах паэта («Збор калосся», «Мой каўчэг» і «Errata») яны сталі прыкметным феноменам, які адрозніваецца не толькі формай, але таксама адметнымі зместам і эстэтыкай.

Па словах У. Ю. Верынай, менавіта «верлібры Максіма Танка замацавалі ў беларускай традыцыі гэтую форму, як “верш-развагу, верш-роздум”» [1, с. 15]. Падобныя азначэнні падкрэсліваюць працэсуальны характар твораў, што выліваецца ў магчымасць паэтапна назіраць за ходам думкі паэта, быць сведкай нараджэння высновы. А нагоды для роздумаў паэту заўсёды давала само жыццё: «Хіба няма нічога цяжэйшага,/як час...» [2, с. 779], «Часамі думаю:/Ці не спазніліся/Мы свет перарабляць?» [2, с. 736]. Як правіла, такія вершы не адрозніваюцца лаканічнасцю: М. Танк не грэбуе доказамі, не шкадуе мастацкіх дэталей, шчодро сыпле сінтаксічнымі канструкцыямі, якія робяць верш адначасова свабодным, эстэтычна раскутым і арганізаваным у гарманічнае адзінства.

Але сярод верлібравай спадчыны Максіма Танка ў адметную групу вылучаюцца творы сціслай формы ў спалучэнні са скандэнсаваным зместам. Фактычна верш такога кшталту ўяўляе сабой адзін лаканічны выраз, як у наступным прыкладзе: «Каб лягчэй было ў дарозе,/Трэба на ўсіх указальніках/замест кіламетраў/Напісаць:/“Ідзіце!/Не аглядайцеся,/Бо жыццё яшчэ – /Перад вамі”» [2, с. 840]. З тэксту твора поўнасцю выключаны працэс роздумаў над праблемай, мы бачым толькі вывад аўтара, яго паэтычнае адкрыццё, таму падобныя вершы ўмоўна можна назваць *верлібрамі-*

інсайтамі. Гэтае адрозненне мініяцюрных верлібраў ад класічных танкаўскіх відавочна ўплывае на іх успрыманне і разуменне, пашырае сэнсавыя межы свабоднага верша.

У перакладзе з англійскай мовы *insight* азначае ‘праніклінасць, разуменне’. У інтуітывісцкай тэорыі пазнання інсайтам называюць акт непасрэднага спасціжэння, азарэння; у гештальтпсіхалогіі – раптоўнае разуменне, якое не выводзіцца з мінулага вопыту суб’екта [3]. Матываванасць абранай намі ўмоўнай назвы для лаканічных верлібраў М. Танка грунтуецца на абодвух варыянтах тлумачэння тэрміна. У некаторых выпадках аўтар сам быццам нечакана спасцігае ісціну без папярэдніх пакутлівых разважанняў: *«Мне нават цяжка/Пералічыць/Усе свае грахі,/Пралікі./Толькі што яны/У па-раўнанні/З тваімі,/Створца Чалавека?»* [2, с. 861]. У іншых вершах выснова гучыць як падсумаванне вопыту паэта, але чытача пабуджае да раптоўнага разумення: *«Маўчанне/Ніколі не было/І не будзе золатам: Яно – або/у імат разоў даражэйшае./Або – нічога не вартае»* [2, с. 789]. Зрэшты правесці выразную мяжу паміж тымі творамі, у якіх аўтар перажывае ўласны момант азарэння, і тымі, дзе такая магчымасць дэлегіруецца адрасанту, складана: вырашальнае значэнне маюць рэцэптыўныя навыкі чытача і яго эстэтычны вопыт.

Сярод прыкмет, наяўнасць якіх дазваляе назваць верлібр М. Танка інсайтам, у першую чаргу адзначым адметнасці сінтаксічнай арганізацыі. Адна з іх заключаецца ў немагчымасці вылучыць у творы цытату, завершаную на ідэйным узроўні. Такая сітуацыя назіраецца нават тады, калі верш складаецца больш чым з аднаго сказа. Увесь твор уяўляе сабой цэльнае афарыстычнае выказванне або азарэнне, справакаванае назіраннем ці успамінам. Другая адметнасць датычыцца нюансаў выкарыстання сродкаў паэтычнага сінтаксісу. У верлібрах-інсайтах у адрозненне ад аб’ёмных варыянтаў свабоднага верша М. Танка рэдка выкарыстоўваюцца сінтаксічныя фігуры, якія павялічваюць аб’ём выказвання. У выпадку выключэнняў верш цалкам складаецца з разгорнутай сінтаксічнай канструкцыі ў межах 8–10 радкоў. Гэта можа быць, напрыклад, сказ з шэрагам аднародных членаў, аформленых з дапамогай анафары ці полісіндэтона або антытэза, як у наступным прыкладзе, дзе М. Танк адкрывае для сябе дваістую сутнасць рыфмы: *«Ты можааш быць/І мікельанджэлаўскім/Ударам кулака/У ашчэр/Яго славутага “Сатыра”./І можааш быць/Тым фігавым лістком,/За якім еўнухі/Скрываюць сваю немач»* [2, с. 898]. У выпадку з верлібрамі-інсайтамі выкарыстанне сінтаксічных фігур павелічэння аб’ёму неабходнае не для таго, каб прадэманстраваць працэс развіцця думкі, а вобразна прадставіць вынік разваг, паэтычнае адкрыццё, зрабіць выснову пераканаўчай.

У кампазіцыйным плане верлібры-інсайты таксама адметныя. Часцей за ўсё верш умоўна ці граматычна можна падзяліць на дзве часткі: адна з іх змяшчае вобраз-ілюстрацыю, другая – кароткі вывад-азарэнне паэта. Часта вобраз, які арганізуе змест твора, служыць не столькі для ілюстрацыі думкі аўтара, колькі для падтрымання сувязі паэтычных разваг з жыццёвай

праўдай. Прычым вобраз у такіх вершах, як правіла, пазбаўлены відавочнай метафарычнасці, ён падаецца прыземленым, літаральным: «*Малыш, /убачыўшы сябе ў люстэрку, /Шукае, /Што на другім баку? //А я, дзівак, не здагадаўся /Ніколі пацікавіцца, /Што за слязамі, радасцю, /Спагадаю, усмешкай, /Непрыязню і дружбай /Адбілася /На тым баку /Люстэрка*» [2, с. 854] («Другі бок люстэрка»). Канкрэтна-прадметны вобраз з першага сказа ўжо ў другім трансфармуецца ў шматвектарны ўмоўна-асацыятыўны, разлічаны «на веды, жыццёвую дасведчанасць успрымальніка паэзіі, магчымасці яго лагічна-вобразнага мыслення» [4, с. 111]. Люстэрка можна атаясамліваць і з сэрцам чалавека сталага веку, на якім пакінулі адбітак усе старонкі біяграфіі, і з яго духоўным вопытам. Вобраз таксама можа накі-роўваць і да асацыяцый з чыстым аркушам, на якім жыццё піша сваю карціну. Кантрасная аснова паэтычнага выразу падкрэслівае адчуванне страчанага часу, раптоўнасць азарэння творцы, які прыпазніўся шукаць свой адбітак на другім баку люстэрка.

Кантраснасць пісьма ў мініяцюрных верлібрах М. Танка выяўляецца праз сутыкненне вобразных пластоў, паміж якімі палягае бездань у эмацыйна-экспрэсійным і семантычным планах: «*Уважна сочым, /Каб малыш, /Пачынаючы хадзіць, /Не спатыкнуўся, /Хоць гэта ў яго ўзросце, /Не ўзброенаму ні ведамі, /Ні ўладаю, /Яшчэ нічым /Не пагражае свету*» [2, с. 849]. У гэтым нешматслоўным вершы побач апынуліся ненадзейныя крокі дзіцяці, які, ледзь спатыкнуўшыся, ужо выклікае «охі» перапалоханых родзічаў; і такія ж ненадзейныя, але пры гэтым лёсавырашальныя крокі «ўзброеных» дарослых, за якімі далёка не ўсе сочаць уважліва, але наступ-ствы гэтых крокаў закранаюць жыццё кожнага. Паэт выводзіць вобразы рознага маштабу на адну паралель, робячы іх сінтэз ядром ідэйна-эстэтычнага значэння твора, надаючы вершу надзвычай пераканаўчае і праўдзівае гучанне. Заўважым, што гэта адбываецца ў межах лаканічнай формы, калі паэт не звяртаецца да тлумачэнняў, доказаў, ілюстрацый, не дзеліцца самім ходам думкі. М. Танк адразу выдае інсайт, пакідаючы чытачу магчымасць самастойна правесці метафарычныя паралелі паміж кантраснымі вобразами і ўсвядоміць шматмернасць паэтычнага мыслення аўтара.

М. І. Мішчанчук у якасці стылявой дамінанты творчасці паэта адзначае яго «захапленне драбніцамі звычайнага чалавечага жыцця і ўменне ўзводзіць іх на ўзровень сапраўднай паэзіі, выкрасаць іскры мастацкасці з прозы» [5, с. 122]. Такой прозай жыцця з вялікім паэтычным патэнцыялам для Максіма Танка можа стаць нават адрамантаваная дарога, калдобіны на якой засыпалі не пяском, а ракушчачнікам: «*Раней было тут не да язды, /А цяпер і хадзіць нельга: /Чуеш, як пад нагамі шумяць хвалі, /Нехта з разбітых караблёў /Моліць ратунку / І пажагальны крык чаек*» [2, с. 878]. Здавалася б дзіўным сустрэць у высокай паэзіі такі прыземлены і праязны вобраз, як адрамантаваная дарога, ды і ўвогуле ці варта ўспрымаць гэта ў ролі вобраза ў поўным сэнсе гэтага слова – канкрэтна-пачуццёвая форма ўяўлення мастаком рэчаіснасці. Але М. Танк у некалькіх скандэнсаваных радках нечакана пераводзіць вобраз ва ўмоўна-асацыятыўнае вымярэнне, а выразныя адчувальныя гукі хады па ракушчачніку ператвараюцца ў шум хваляў і крык чаек.

І раптам дарога ўжо нагадвае не толькі мора, але і само жыццё ці нават гісторыю чалавецтва, а калдобіны на ёй уяўляюцца тымі старонкамі, што ўсім хочацца хутчэй замаскіраваць, выдаліць з памяці, толькі шум ракушачніку не дае канчаткова перагарнуць іх.

Сапраўды, падобныя азарэнні Максіма Танка вынікаюць з самой прозы жыцця, праходзячы праз светаўспрыманне творцы, яны трансфармуюцца ў шматмерны, глыбокі вобраз-асацыяцыю, павышаючы шчыльнасць паэтычнага сэнсу ў межах лаканічнай формы. Цесная сувязь з жыццёвай праўдай і ў пэўнай ступені будзённасцю робяць такія вершы блізкімі па гучанні да дзённікавых запісаў. Вяртаючыся да папярэдняга верша, узгадаем яго пачатковыя радкі: «*Адрамантавалі дарогу./Толькі чамусьці/Засыпалі калдобіны/Не пяском, а ракушачнікам*» [2, с. 878]. Відавочна, такі выраз лёгка пераблытаць з беглым запісам у нататніку. У М. Танка ж ён стаў імпульсам для разваг, якія ідуць далёка за межы штодзённай руціны, закранаючы пытанні быццянага ўзроўню.

Меркаванне аб дзённікавым гучанні верлібраў-інсайтаў падмацуем параўнаннем асобных вытрымак з запісаў паэта і яго вершаў. Для аб'ектыўнасці ўзятыя прыклады, адносна блізкія па часе стварэння, – цытата з дзённікавага запісу за 4 студзеня 1985 г. (I) і верш, датаваны 1989 г. (II).

(I) «*Здаецца, падымаецца цана на людзей, якія яшчэ не развучыліся самастойна думаць*» [6, с. 473].

(II) «*Даўно развучыліся/Жыць патрыярхальнай сям'ёй,/Ад усходу да заходу сонца/Хадзіць за плугам,/Раніцой адным ручніком/Сціраць з твару стому і сон,/З адной міскі сёрбаць/Бацвінне ці крупнік,/Адвейваць ад мякіны зерне/І няпраўду ад праўды./Як жа невукам гэткім/Ды ляцець на другія планеты!*» [2, с. 857–858].

Натуральна, што верлібр адрозніваецца непараўнальна больш разнастайным сінтаксічным малюнкам, багатай ілюстраванасцю галоўнай думкі і ў рэшце рэшт рытмічнай арганізацыяй. Але ў сэнсавым і інтанацыйным планах прыведзеныя прыклады існуюць у адным вымярэнні: цытата з дзённіка магла б пачынаць верш-развагу, а верлібр – стаць арганічнай часткай штодзённых запісаў паэта. У абодвух выпадках аўтар гаворыць прамалінейна, дасціпна, не шукае спецыяльных слоў, а сама выснова быццам прыйшла нездарок і стала беглым запісам, зробленым на хаду. Гэтае назіранне пацвярджае дзённікаваасць гучання верлібраў-інсайтаў М. Танка, іх трывалую жыццёвую апору.

Літаратуразнаўца А. К. Кабаковіч адзначыла, што менавіта з формай верлібра звязаны «найбольш значныя творчыя пошукі паэта на шляху адлюстравання жыццёвай праўды» [7, с. 122]. У. В. Гніламёдаў, характарызуючы статус верлібра ў творчасці М. Танка, падкрэслівае, што гэта «не толькі тып верша, але і новая канцэпцыя жыцця, якое бачыцца паэту ў яго рэальным напаўненні, у разнастайнасці “высокага” і “нізкага”, у багацці штодзённай прозы. Пры гэтым з’явы глабальнага парадку і падзеі менш значныя, “камерныя”, набываюць у яго паэзіі роўныя правы. Верш гучыць вельмі натуральна, нязмушана ў рытміка-інтанацыйным сэнсе, адчуваецца імкненне аўтара да абнаўлення намёкаў, да збліжэння са звычайнай штодзённай гаворкай» [8, с. 200]. На перавагу «гутарковай, размоўнай інтанацыі» ў вер-

лібрах Максіма Танка звяртала ўвагу і даследчыца У. Ю. Верына [1, с. 15]. Высновы літаратуразнаўцаў у поўнай меры адносяцца і да свабодных вершаў лаканічнай формы. Прычым сціслы аб'ём у такіх творах спалучаецца з надзвычай скандэнсаваным зместам без адцягненых разважанняў, адарваных ад зямлі. І нават размоўная інтанацыя не замянае верлібрам з аднаго-двух сказаў гучаць афарыстычна: «*Кажуць: зло/Нараджае зло./А найчасцей –/Яго нараджае/Надзея/На адпушчэнне/Грахоў*» [2, с. 867].

Указанне на верлібравую форму вершаў-інсайтаў відавочна падразумявае адсутнасць рыфмы, што адпавядае ідэйна-сэнсавай дамінанце падобных твораў. Яны грунтуюцца на думках, народжаных самой рэчаіснасцю, на прозе жыцця, фіксуюць непаўторныя моманты спасціжэння ісціны. Азарэнне, як правіла, прадугледжвае раптоўнасць усведамлення, хоць, можа, яно і з'яўляецца вынікам доўгіх унутраных роздумаў. Бездакорная рыфма і прычасаны рытмічны малюнак гавораць пра планамерную работу з тэкстам і пазбаўляюць яго шчырасці і нязмушаннасці гучання.

Тым не менш сугучча радкоў, на наш погляд, не заўсёды перашкаджае ўзнікнуць эфекту імгненнасці ўражання. Прыкладам таму можа служыць сямірадкоўе «*Перад самагубствам*»: «*Гляджу,/Як расчэсваеш/Вадаспад сваіх кос/І не заўважаеш мяне, самагубца,/Якому, значь, вызначыў лёс/У іх бруі/Захлынуцца*» [2, с. 901]. Герой назірае за даволі будзённым заняткам каханай, што, відаць, рабіў ужо не аднойчы – вывад заснаваны на падкрэсленай праэсуальнасці гучання дзеяслова *гляджу*. Але толькі зараз усвядоміў сваё наканаванне стаць ахвярай гэтага «вадаспаду». Раптоўнасць азарэння ізноў жа грунтуюцца на кантрасце вобразаў-асацыяцый: расчэсванне кос, гіпнатычнае, заспакойлівае, суседнічае са згадкай пра пагібель у бруі-тым патоку «вады». Разам з выбарам моўных сродкаў і кантраснай структурай выказвання верш гучыць як інсайт яшчэ і дзякуючы інтанацыйнай разарванасці радкоў: толькі чацвёрта з сямі звязаны парамі рыфмаў. Гэта дазваляе падтрымаць адчуванне імправізаванасці і непаўторнасці моманту ўсведамлення думкі.

Такім чынам, даследаванне паказала, што верлібры-інсайты валодаюць шэрагам фармальна-зместавых асаблівасцей, якія дазваляюць лічыць іх не выпадковай з'явай, а адметнай разнавіднасцю свабоднага верша М. Танка. Верлібрам-інсайтам мы называем той верш, ядро зместу якога ўтварае аўтарскае азарэнне, неспадзяванае ўсведамленне ісціны. Эфект раптоўнасці моманту забяспечваецца абмежаваным аб'ёмам: як правіла, 6–8 радкоў. У плане сінтаксічнай арганізацыі такія верлібры ўяўляюць сабой адзін, зрэдку два сказы, што складаюць непарушнае адзінства, з якога нельга вылучыць ідэйна самастойную цытату.

Паказальна, што верлібры-інсайты сталі больш прыкметнай з'явай менавіта сталага перыяду творчасці М. Танка. Паэт дзеліцца зернем свайго духоўнага вопыту, не марнуючы час на празмерныя разважання і доказы там, дзе азарэнне гаворыць самае за сябе. У такіх вершах арганічна спалучаюцца афарыстычнасць і спавядальнасць, шматузроўневая асацыяцыятыўнасць і неадрыўная сувязь з прозай жыцця, размоўнасць інтанацыі і пераканаўчасць назіранняў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Верына, У. Ю.* Верлібр у паэзіі беларускага авангарду 1980–1990-х гадоў / У. Ю. Верына. – Мінск : Бестпрынт, 2005. – 91 с.
2. *Танк, М.* Збор твораў / М. Танк. – Мінск : Харвест, 2010. – 1007 с.
3. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]; под ред. В. С. Стёпина // Академик. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2357/%D0%98%D0%9D%D0%A1%D0%90%D0%99%D0%A2. – Дата доступа: 21.05.2021.
4. *Рагойша, В. П.* Беларускае вершаванне : вучэб. дапам. для студэнтаў выш. навуч. устаноў па філалаг. спец. / В. П. Рагойша. – Мінск : БДУ, 2010. – 150 с.
5. *Мішчанчук, М. І.* Стыль Максіма Танка: кантэкстуальны аспект / М. І. Мішчанчук // Сёмыя Танкаўскія чытанні : зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал. Ф. С. Шумчык [і інш.]. – Мінск, 2010. – С. 121–123.
6. *Танк, М.* Збор твораў : у 13 т. / М. Танк. – Мінск : Беларус. навука, 2006–2012. – Т. 10 : Дзённікі (1960–1994). – 2010. – 919 с.
7. *Кабаковіч, А. К.* Беларускі свабодны верш / А. К. Кабаковіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 175 с.
8. *Гніламёдаў, У. В.* Ад даўніны да сучаснасці : нарыс пра беларус. паэзію / У. Гніламёдаў. – Мінск : Маст. літ., 2001. – 246 с.

Поступила в редакцию 01.06.2021

УДК 821.161.3 – 1.09

Наумович Владимир

Александрович

кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусского языка

и литературы

Минский государственный

лингвистический университет

г. Минск, Беларусь

Vladimir Naumovich

PhD in Philology,

Associate Professor of the Department
of Belarusian Language and Literature

Minsk State Linguistic University

Minsk, Belarus

swat44@tut.by

ВЕРЛІБРЫ МАКСІМА ТАНКА

Ў КАНТЭКСЦЕ СУСВЕТНАЙ ПАЭТЫЧНАЙ ТРАДЫЦЫІ

MAXIM TANK'S VERS LIBRE

IN THE CONTEXT OF THE WORLD POETIC TRADITION

В статье раскрывается вклад известного белорусского писателя Максима Танка в развитие новой в XIX–XX столетиях поэтической жанровой формы – свободного стиха, или верлибра. Верлибры М. Танка не стали препятствием на пути обновления поэти-

ческой формы, никак не были «отягощены» формальными рудиментами конвенционного стихосложения. Писатель поднял свободный стих, верлибр, на новую ступень идейно-художественного осмысления действительности, открыл его новые потенциальные возможности, отразил с помощью верлибра красоту и необыкновенность самого человека, патриотизм и преданность родной и горячо любимой Беларуси. За народным поэтом последовала целая плеяда творцов: Р. Бородулин, А. Вертинский, Я. Сипаков, А. Рязанов, М. Стрельцов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *верлибр; поэзия; Максим Танк; мировая поэтическая традиция.*

The article discusses the contribution of the Belarusian national poet Maxim Tank to the development of a new poetic genre form, which is free verse in the context of the works of famous European and American authors. The article emphasizes the poignancy of the poet's vision, and poetic imagery, the plasticity of his verse, as well as his philosophy, depth of thought, the discovery of the national code of Belarusians, deep patriotism, veneration of natural elements and love for his motherland – Belarus.

К e y w o r d s: *vers libre; poetry; Maxim Tank; world poetic tradition.*

Максім Танк – паэт еўрапейскага і сусветнага маштабу. Яго творчасць і дасягненні, асабліва ў асваенні і развіцці новых жанравых форм, нельга пераацаніць. Ураджэнец Нарачанскага краю (в. Пількаўшчына Мядзельскага раёна), ён літаральна ўварваўся ў беларускую, найперш заходнебеларускую паэзію. Такі яркі, іскрысты поспех твораў маладога паэта даваў мажлівасць смела, але з іроніяй засведчыць, што заходнебеларускі народ з «крэсаў усходніх» у сваім памкненні да ўз'яднання з беларусамі ўсходняй часткай адзінай краіны, распалавіненай «па-жывому» і без удзелу самога народа, быў «разарваны», і тыя раны смыляць, баляць, што гэты народ Заходняй Беларусі меў на сваім духоўным узбраенні магутную зброю, але якую? Паэзія Максіма Танка баявой сілай уздымала народ да змагання (паўстанне нарачанскіх рыбакоў), заклікала не скарацца паланізацыі, гарнуцца да свайго нацыянальнага, трывалага беларускага караня.

М. Танк як паэт фарміраваўся пад уздзеяннем польскага рамантызму ў яго школьным варыянце (за актыўную рэвалюцыйную дзейнасць творца неаднаразова выключаліся з Радашковіцкай і Віленскай гімназій), а таксама моцна адчуваючы ўздзеянне масавай творчасці «з-пад саламяных стрэх». Гэта была масава-дэмакратычная паэзія (масавае не ў значэнні колькасці паэтаў, але ў сэнсе выяўлення настрояў працоўнага люду). Асаблівы уплыў на паэта зрабіла творчасць М. Васілька, П. Пестрака і В. Таўлая. Друкавацца пачаў ён з самавыдавецкага часопіса «з-за турэмных крат», што выходзіў у турме на Лукішках у Вільні, які так проста і называўся – «Пралом». Як пралом у турэмнай сцяне, рукапісны часопіс у 1932 г. ён выдаў разам з паэтам Я. Гарохам, аздобіўшы вокладку ўласнымі малюнкамі [1, с. 16].

Трыма зборнікамі паэзіі ўвайшоў М. Танк у літаратуру Заходняй Беларусі – «На этапах» (1936), «Журавінавы цвет» (1937), «Пад мачтай» (1938) і паэмай «Нарач» (1937). Усе тыя зборнікі раскрываюць асноўны вектар станаўлення творчай індывідуальнасці. Першы зборнік – паэзія змагання, «турэмная лірыка», што загучала з-за лукішкоўскіх крат, «паэзія бунту», пратэст.

У зборніку «Журавінавы цвет» вершы зашыфраваныя, у іх бачыцца заглыбленне ва ўнутраны свет чалавека, у яго псіхалогію, тут ужо назіраецца ўзмацненне чалавеказнаўчага зместу, праяўляецца глыбіня «чалавечага ў чалавечым».

Трэці зборнік – «Пад мачтай» – меў філасофскае гучанне. Пад карабельнай сасной, як пад мачтай, адчуў сябе лірычны герой паэзіі М. Танка, на велізарным зямным караблі, зямным шары, на якім чалавецтву «плыць» удалячынь, у Сусвет. Тут якраз праявіліся тыя рысы паэзіі М. Танка ў галіне свабоднага верша – верлібра, якія стануць вызначальнымі, істотнымі ва ўсёй творчасці паэта.

Прага да свабоды, братэрства жывіла ўсю творчасць і само жыццё паэта, што і спарадзіла ў яго творчасці новую і нязвычайную для беларускай літаратуры жанравую форму верша – верлібра. Менавіта са зборніка «Пад мачтай» (1938) малады тады яшчэ паэт пачынае свой доўгі пакручасты шлях да прызнання ў паэзіі, звяртаецца да свабоднага верша.

Верлібр (франц. *vers libre* ‘свабодны верш’) заняў трывалае месца ў амерыканскай і еўрапейскай літаратурах, найперш, англамоўнай. Свайму распаўсюджанню верлібр абавязаны ў XIX стагоддзі Ф. Гёрдэрліну, У. Уітмену, Ж. Лафаргу, А. Рэмбо, С. Крэйну [2, с. 32]. Упершыню тэрмін *верлібр* увёў у літаратуразнаўчы ўжытак французскі паэт і крытык Г. Кан, які так назваў свабодны верш ў прадмове да сваёй кнігі «Першыя вершы» ў 1882 годзе. Здавалася, можна было б падумаць, што верлібр, альбо свабодны верш – лёгкае захапленне пачынаючых паэтаў. Але гэта не так. Р. Олдзінгтан пісаў: «Мы не настойваем на тым, што верлібр – адзіны метада стварэння паэзіі, але мы адстаіваем права і свабоду пісаць такім чынам». Р. Олдзінгтан дзеля большай перакананасці і заглыбленай матывацыі называе новых маладых і надзвычай амбіцыйных імажыністаў, якія захапляліся свабодным палётам думкі і фантазіі у вершах, гэта Флінт, Дуліт, Паўнд, Х’юм [2, с. 87].

Карані свабоднага верша-верлібра мы знаходзім яшчэ ў японскай паэзіі, у творчасці Ісікава Такубоку, верш якога выдатна імітаваў Максім Багдановіч, а таксама паэта XVIII ст. Мацуа Басё. У японскай паэзіі гэта выявілася ў такіх жанравых формах, як «танка» – манастрафічны пяцірадковы нерыфмаваны верш, а таксама «хоку» альбо «хайку», у якіх адсутнічае рыфма, але захоўваецца пэўная колькасць складоў у вершарадах, (так, у 1 і 3 захоўваецца пяць, у другім – сем).

Сёння, у пачатку XXI ст. назіраецца ледзь ці суцэльнае захапленне, асабліва сярод маладых пачынаючых генеяў, новай і арыгінальнай жанравай формай – *свабоднага верша*. У адрозненне ад канвенцыйных вершаў (г. зн. вершаў, якія маюць абавязковыя прыкметы паэтычнай формы – метр, рыфма ці хоць адзін з іх, напрыклад, рытм, інтанацыю), свабодны верш мае большы прастор для фантазіі, пабудаваны на жывой і будзённай канкрэтыцы, на асацыяцыях, вобразах, дэталях. Свабодны верш характарызуецца большай аналітычнасцю, філасофіяй, псіхалагічнай заглыбленасцю з апорай на змест, думку, пачуццё.

Прыкметы свабоднага верша мы знаходзім у малітваслоўнай літаратуры беларускага і рускага народаў, у «Бібліі», у прадмовах і пасляслоўях шматлікіх скарынаўскіх выданняў, які адным з першых даў прыклады беларускага і ўсходнеславянскага вершадрукавання. «Не капай, Мардахею, другому яму, сам увалішся в ню», – перадаваў у адным са сваіх вершаў Ф. Скарына вядомую біблейскую прытчу [3, с. 6]. Адзнакі свабоднага верша мы сустракаем у патрыятычным прызнанні вядомага сына купца з зямлі Полацкай – калыскі беларускай дзяржаўнасці, які першым асвойваў новыя гарызонты Еўропы. Прызнанне, якое гучыць шчыра і пранікліва, не можа пакінуць нікога раўнадушным: «Понеже от прирождения звери, ходящие в пустыни, знают ямы свои, птицы, летающие по воздуху, ведают гнезда своя, рыбы, плавающие по морю и в реках, чувят виры своя, пчелы и тым подобные боронят ульев своих. Такмо и люди, и где зародилися, и ускармлиены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають», – пісаў Ф. Скарына ў прадмове да кнігі «Юдзіф» [3, с. 24].

Дзякуючы свайму мастацкаму таленту М. Танк заваяваў выключнае месца ў сусветнай паэзіі, яго імя стаіць у шэрагу выдатных мэтраў верлібра, такіх як – П. Неруда (Чылі), Я. Рыцас (Грэцыя), В. Незвал (Чэхія), А. Лундквіст (Швецыя), П. Элюар і Ж. Прэвер (Францыя), а таксама А. Фет у рускай, Г. Гейнэ ў нямецкай, Р. Кіплінг у амерыканскай літаратурах.

Родапачынальнікамі верлібра ў беларускай літаратуры можна лічыць Я. Купалу («А хто там ідзе?») і М. Багдановіча («Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы» – 1915 г.). Верлібр распаўсюджаны ў творчасці Я. Сіпакова, А. Лойкі, А. Разанава, А. Вярцінскага, В. Зуёнкі, П. Макаля, М. Стральцова, С. Дзяргая.

У сістэме танкаўскай паэтыкі выразна праступаюць асноватворныя, падвалінныя, канцэпты: родны край, зямля, Беларусь, Нарач і сосны над Нараччу. У вершы-верлібры «Нарачанскія сосны» пісьменнік нібыта абагаўляе дрэвы, жывых істот, вецер. *Яны калышуцца//з асмаленымі кронамі, //з залітымі жывіцай/ ранами ад куль. Я нават будучы глухім, //між тысяч сосен/адрозніў бы іх пошум, //і, нават будучы сляпым, //абняўшы ці пацалаваўшы, //іх пазнў бы* [4, с. 325].

Бацькоўская зямля для паэта заўсёды і ўсюды – тое намоленае месца, храм для душы, куды ён вяртаецца ў снах, з вялікіх і малых дарог. У вершах выяўляецца «тэндэнцыя на зазямленне», па вобразным выказванні беларускага літаратуразнаўцы і крытыка М. Ароцкі [5, с. 18]. Гэтым свабодны верш-верлібр адрозніваецца ад такіх жа вершаў заходнеўрапейскіх і амерыканскіх паэтаў, творы якіх у многім фантазмагарычныя, неакрэсленыя па думцы, міфалагічныя.

Думаецца, што верш-верлібр патрабуе іншай канцэнтрацыі думкі і пачуцця, іншай ментальнасці, адметнага падыходу да жыцця, чалавека, прыроды і часу. У верлібры іншы паэтычны Сусвет. «Гармонія слова, якая нараджаецца са сплаву думкі і пачуцця – вось што такое верлібр» [3, с. 323].

Максім Танк – паэт-наватар. Нацыянальны код паэзіі выразны: родная старонка Пількаўшчына, Нарачанскі край, любая беларуская зямля, вецер над возерам і лесам, хлеб на сталі, хата, «пакрытая крыламі ластаўкаў», вокны «зашклёныя вачамі блізкіх», «парог, вычасаны з ўспамінаў» усіх тых, хто пераступаў у хату, «дзверы на завесах цвыркуновай песні», «сосны ля дому», поле, «накрытае рунню», зорнае неба ў студні, рацэ і азёрах, дарога, якая просіць цішы, лес з ранішняй імжой, людзі і праца – вось вобразы паэтавай песні. М.Танк – паэт глыбокага філасофскага складу [3, с. 376]. Свет верша-верлібра – складаны. Гэта паэзія пазнання добра і зла, паэзія пазнання свету і чалавека ў свеце, даверу, гуманнасці, маральнай чысціні, спакою і цвёрдай грамадзянскай пазіцыі, магутнасці духу. Глыбокім ідэйна-мастацкім зместам, вострай праблематыкай, маральна-этычнай напоўненасцю характэрызуецца зборнікі «Мой хлеб надзённы» (1962), «Глыток вады» (1964), «Хай будзе святло» (1972), «Дарога, закалыханая жытам» (1976), «За маім сталом» (1984). Верлібр у пералічаных кнігах паэзіі дамінуе, складае асноўную і стрыжнявую эстэтычную іх скіраваннасць. Прагу духоўнасці, сугучнасць святла, характа, дабрыні і маралі выклікаюць верлібры паэта. *Той, хто дрэва садзіў, // Будзе веснім іх цветам, // Той, хто сеяў зярно, // Жытам закалосіцца; // Хто спагадай дзяліўся; // Ажыве ва ўспамінах; // Хто склаў песню народу, // Яе рэхам уваскрэсне* [3, с. 334]. Настаўніцтва і прароцтва складае аснову філасофскай паэзіі класіка.

Здзейсненае паэтам вартае глыбокай увагі літаратурнай крытыкі. А самае галоўнае, паэзія М. Танка носіць прыкметныя рысы сусветнай класікі, гэта літаратура агульначалавечага гатунку [5, с. 16]. Крытыкі часта паўтаралі, што для беларускай мовы верлібр складаны, ён не прыжывецца, не зойме таго становішча, якое ён мае ў заходніх літаратурах. М. Танк браў прыклад са сваіх калег па пяру, якія шукалі новыя жанравыя формы верша (Уолт Уйтмен, зборнік паэзіі «Лісце травы»), ён стаў упоравень з многімі тварцамі іншых народаў. Паэт шырокага творчага дыяпазону, ён сваімі творами ўпісаўся ў кантэкст сусветнай паэтычнай традыцыі, стаўшы прызнаным мэтрам верлібра.

У творчасці паэта М. Танка другой палове ХХ ст. верлібр стаў ледзь не адзінай формай мастацкага спасціжэння рэчаіснасці.

Паэзія – фотаздымак нябачага. «Сто нябачных фотаздымкаў ноччу зняў на памяць гром», – напісаў Я. Яўтышэнка [6, с. 11]. Верш-верлібр – гэта фотаздымак нябачнага, рытмы нашага сэрца, хадзьбы, дыхання, біцця крыві ў жылах. Нездарма верлібры М. Танка так цудоўна перадаюць чалавечую працу, ледзь народжанае пачуццё, дынаміку нашага штодзённага існавання. Паэт сучасны ў развагах, час – яго галоўны сааўтар і герой яго паэзіі, «святога рамяства».

Свет лірычнага верша – складаны. Яго не выкажаш адной фразай. Здавалася, што тое ж самае можна сказаць прозай. Верлібр нагадвае прозу, толькі адрозніваецца графічнай будовай, інтанацыяй, свабодным дыханнем, дынамікай пачуцця.

*Парог, вычасаны з успамінаў,
Застаўся за мною;
Дзверы на завесах цвыркуновай песні,
Асталіся за мной.
Вокны, зашклёныя вачыма блізкіх,
Асталіся за мной.
Хата, пакрытая крыламі ластавак,
Асталася за мной.
Як жа мне не азірнуцца назад,
Нават, калі б я застыў слупам солі [4, т. 4, с. 145].*

Але, несумненна, што прозай пра гэта ўжо сказана і не аднойчы, але не тое і не так, тут зусім іншы драматызм пачуцця, іншая энергетыка слова. Верлібр-верш – экспромт, аналітычны, філасофскі, імправізацыйны, эксперыментальны, інтанацыйны, скіраваны да самога чалавека, да яго самапазнання, самавызначэння і самасцвярджэння

Абагульняючы характар верша-верлібра носіць часам разгорнутую маральную праграму дзеяння, стану душы асобы, адносіны да акаляючага свету, меру паводзін, сістэму светаразумення і светабачання праз самапазнанне-самавыяўленне і самасцвярджэнне. Такім, напрыклад, з’яўляецца верш-верлібр «Прайсці праз вернасць», які даў назву аднаіменнаму зборніку паэта. Гэта поўны філасофіі і мудрасці верлібр. З усіх сімвалаў жыцця і дзеяння асобы паэт, здавалася, выбірае самыя яркія, характэрныя для часу і вечнасці: «агонь, вадуг і медныя трубы». Чаму менавіта іх? Верагодна, таму, што гэта самыя галоўныя стыхіі прыроды. *Я спытаў у чалавека, // які прайшоў праз агонь // і воды, // і медныя трубы: // – Што саме цяжкае на гэтым свеце? І ён адказаў: – Прайсці праз вернасць [там жа].* Гэта «своеасаблівая формула» жыцця, сэнс чалавечага існавання. Літаратура – гэта ў першую чаргу чалавеказнаўства. Сам паэт не аднойчы сцвярджаў, што быць чалавекам ён рад і быць ім хацеў бы заўсёды. Пазнанне чалавека і чалавецтва – галоўны змест паэзіі народнага пісьменніка. Вось чаму ў творах аўтара на першым плане заўважаецца адметная архітэктоніка. У верлібрах М. Танка – асобная структура радка, адметная служба слова, эмацыянальны і пачуццёвы лад.

У М. Танка ёсць шмат вершаў пра каханне – яркіх, змястоўных, душэўных, напрыклад, верлібр пра каханне «Аднойчы бедаку прысніўся пір...» [4, т. 4, с. 575]. Верш пабудаваны на асацыяцыях, на сінтаксічных і жыццёвых паралелях. Паэт паведамляе аб тым, што беднаму ды яшчэ галоднаму чалавеку «прысніўся пір». Але вось бяда – не было чым есці, бо за сталом не аказалася ніводнай лыжкі. Назаўтра, калі бедлага паклаў велізарную лыжку пад падушку, сон не паўтарыўся. Аўтар па асацыяцыі прыгадвае свой мінулы і цяперашні душэўны стан і той «казус», які адбыўся з ім самім. Паэт у вершы звяртаецца да сваёй каханай, у свабоднай імправізацыйнай манеры распавядае, што «адзіная», непаўторная нібыта таксама прыснілася яму, а можа ён сам намаляваў яе ў сваіх снах – «сустрэў у сне цябе». З той пары, кажа паэт, калі ён кладзецца спаць, дык на ноч зачыняе дзверы на ключ, каб

яна не знікла бяследна, не пакінула яго соннага, «каб не ўцякла». Але ці яна сама здагадалася пра небяспеку быць паланёнай, ці яе хто-небудзь папярэдзіў аб тым, але ўжо зараз яна і ў снах баіцца да яго прыходзіць «І ў сне асцерагаешся з'явіцца». Выдатны асацыятыўны верш пра незабыўнае і трапяткое пачуццё – каханне. У ім шмат цнатлівасці і захаплення каханай. Гэтыя радкі поўныя высокай паэзіі, тонкага пачуцця і глыбокай думкі – трапяткія і ледзь улоўныя душэўныя перажыванні, трызненні («яшчэ не думка, яшчэ не пачуццё»), якія выкладзены ў свабоднай вершаванай форме [6, с. 29]. Гэта і ёсць прыкметы і галоўная адзнака свабоднага верлібра. У асноўным такія вершы-верлібры ўздываюць дух, раскрываюць чалавечыя шляхі да асабістага шчасця, праблемы маральна-этычнага складу, тэмы кахання, пяшчоты і цнатлівасці, вернасці і здрады, глыбіні душы, духоўны пачатак у характары асобы.

Паэзія не суадносіцца з рэчаіснасцю, жывой і паўсядзённай рэальнасцю, а вынікае з яе. Верлібр, такім чынам, у паэзіі М. Танка (які ў свае трыццаць з гакам гадоў з'яўляўся хрэстаматыйным аўтарам і яго творы ўваходзілі ў мноства падручнікаў па беларускай літаратуры) стаў творчасці запатрабаваннем часу. Беларуская паэзія аднаўляла сваю жанравую і стыльвую спецыфіку. Абсяг тэм і вобразаў з'яўляўся надзвычай шырокім. На шматлікія рэчы варта было паглядзець з новых пазіцый. Як мы ведаем, каханне – самакаштоўная з'ява, але і тут патрабаваўся зусім іншы, скажам, традыцыйны погляд на высокае пачуццё. Такімі сталі творы «Адкуль у цябе столькі радасці», «Ноч без цябе», «Усе рэкі бяруць свой пачатак...», «Хто размер-каваў так на свеце...», «І радасць – ніякая радасць, а горыч», «Табе далі звычайнае імя», «Калі ў Харонавай бюракратычнай установе», «Не», «Мы звязаны з табой», «Даўней забівалі паслоў», «Шчаслівы дзень», «Даўно – яшчэ ў юнацтве...», «Ну што мне пажадаць».

Ну што мне пажадаць чалавеку,

Які на свет гэты з'явіўся?

Высокага мірнага сонца,

Бясконцых дарог і напеваў,

Нянавісці да ліхадзества,

Любові да свабоды і праўды,

Сяброў у цяжкую гадзіну,

Бо ў добры час – многа іх будзе,

Нялёгкага шчасця і хлеба,

Каб знаў іх сапраўдную вартасць [4, т. 4, с. 640].

Так сталася, што шматлікія вершы паэта – гэта адкрыты дыялог з самім сабою, з чытачом, са сваімі аднавяскоўцамі, з беларускім народам і роднай Беларуссю, гутарка з цэлым светам. Беларускі паэт звярнуўся да свабоднага верша, звярнуўся, каб стаць мэтрам верлібра ў сусветнай паэзіі. Верлібры Максіма Танка, удакладнім сказаннае раней, гэта падслуханае «біццё» сэрца,

кардыяграма чалавечых адчуванняў. Паэт адкрывае свет для сябе і сябе ў свеце, звяртаецца да раскрыцця загадкаваці Чалавека і Сусвету, мікракосмасу, асобы, і макракосмасу, прыроды.

Нацыянальны код паэзіі М. Танка раскрываецца у шматлікіх напрамках. Паэт піша і пра славетную «дынастыю» сялянскага роду, з якой не можа параўнацца «ніводная з каралеўскіх дынастый» (аднаіменны верш) [4, с. 323].

У іншым вершы-верлібры народны паэт удала перафразуе вядомую беларускую прымаўку: «Мая хата з краю», укладваючы ў гэты выраз зусім іншы, абсалютна новы змест, сцвярджаючы, што ў такой хаце «Усе дні – клапатлівыя, усе ночы – бяссонныя», бо сюды першымі грукаюць «вятры, збіўшыся з дарогі», «хмары, снежныя і дажджлівыя», любімыя «птушкі пералётныя», цікавыя «кірмашовыя дні» і спакойныя «працавітыя будні» [там жа]. Такая хата ніколі не ведае спакою, але затое ў ёй заўжды поўна гасцей, тут ніколі не смуткуюць, не гаруюць, тут часцей гучыць музыка і голасна спяваюць. Гэта не паэтычная дэкларацыя. Верш пабудаваны на частых сінтаксічных паралелях. Усім зместам аўтар даказвае, што ў такой хаце жывуць працавітыя і вясёлыя, радасныя і хлебасольныя, надзвычай шчырыя і шчодрія людзі. Верлібр хараша раскрывае найбольш значныя рысы нацыянальнага характару – гасціннасць, шчодрасць душы, шчырасць, чалавечнасць, весялосць, высокую культуру і духоўнасць беларусаў. Верш пабудаваны на выразна выяўленых асацыяцыях, на паступовым разгортванні думкі ў часе і прасторы. Эмацыянальны рэгістр твора ўзмацняецца ў яго сярэдзіне і крыху затухае ў заключэнні, каб даць мажлівасць самому чытачу зрабіць канчатковы вывад аб тым, ці можа быць «хата – з краю» ў людзей, якія шчодро нясуць ў сабе праўду зямнога існавання, рупяцца пра багацце ў сваім доме, дбаюць аб добрай рэпутацыі свайго жылля, сваёй Беларусі.

Глыбіню нацыянальнага самапазнання, народнай мудрасці і чалавечнасці раскрываюць такія вершы, як «Званалітыкі, скажыце...», «Ёсць у сусвеце планета Зямля...», «Поле», «Хто размеркаваў так на свеце...», «Дрэвы паміраюць...», «Усе рэкі бяруць свой пачатак...», «Што можа быць радасней...» [4, с. 327]. Творы заглыблены у само жыццё, у праўду чалавечага існавання на зямлі. Праўда ў мастацтве слова ў вершах М. Танка – гэта праўда класічнай паэтычнай школы, праўда «ідэі верша», глыбокай і прадуманай сур'ёзнай паэзіі. Паэзія верлібра ў М. Танка мае сваю адметную мову, уласную мову, на якой паэт вядзе гутарку со сваім народам. У такіх творах, у адрозненне ад навукі, мастацкая літаратура раскрывае з'яву цэласна, або'ёмна, маштабна, у рэальным перапляценні і ўзаемадзеянні яе разнастайных якасцяў і адметных асаблівасцей, паказвае з'яву з эстэтычных пазіцый. У верлібрах паэта слова перадае рэчаіснасць, паўстае ў выглядзе адпаведных эстэтычных вобразаў.

Асаблівы настрой і сугучнасць святла, хараства, праўды і дабрыні, цеплыні чалавечых ўзаемадзясін выклікаюць верлібры паэта, у якіх уздымае ён эстэтычныя праблемы часу, пытанні мастацкай творчасці, чалавечай памяці, культурных традыцый, гаворыць пра неабходнасць і прагу духоўнас-

ці ў сучасным чалавеку. Вершы-верлібры: «І я знаў тых...», «Закалых-ваючы...», «Звычайна сур’ёзныя людзі...», «Калі завеш мяне...», «Пракладаючы новую дарогу...», «Ля дамашняга калодзежа», «Надпіс на камені» уздымаюць праблему мастака і мастацтва ў літаратуры і самім жыцці.

Пяром М. Танка «водзіць» беларускі народны дух, сэнс якога просты і зразумелы. Якія бываюць сэнсы? Вымысел, цвярозасць, рэалістычнасць, часцей за ўсё супрацьпастаўленне рэальнага і ірэальнага. Паэт шырока карыстаецца асацыятыўным мысленнем, карыстаецца умоўнасцю (ліст–поле, кніга – жніво).

Падвядзем пэўныя высновы. Верлібр М. Танка – гэта верш-развага, верш-думка, верш-ідэя, верш-роздум. Даверлівая размова з чытачом аб самым надзённым і набалелым. Паэзія М. Танка – паэзія адкрыццяў, паэзія пазнання добра і зла, паэзія ведаў, маральнай чысціні, даверу, чалавечнасці, спакою і грамадзянскай мужнасці.

Сапраўднае інтанацыйнае багацце разгортвае перад чытачом паэт у шматлікіх вершах-верлібрах, дзе раскрываецца духоўны набытак беларускага народа. Пяро паэта апісвае скруху і роздум, душэўнае ўзрушэнне, то сягаючы адным крылом у завоблачныя вышыні, то дакратваючыся да дарогі, то нібыта «пагладжваючы» лёгкім подыхам ветрыку веснавую рунь, вершаліны дрэў. Рытміка-інтанацыйны малюнак вершаў часта мяняецца. У верлібрах паэта – элегічны, мінорны настрой, вершы гучаць, як заклінанне, тэстамент паэта.

- *Накрыйце мяне рунню! – Просіць зямля.*
- *Накрыйце мяне зорным набам! – Просіць вада.*
- *Накрыйце мяне імглой! – Просіць лес.*
- *Накрыйце мяне цішынёй! – Просіць дарога.*
- А я перад сном:*
- *Накрыйце роднай песняй («Перад сном») [4, т. 4, с. 359].*

Верлібры Максіма Танка шырока прадстаўляюць свету Беларусь і беларусаў. Ва ўсіх яго вершах-верлібрах паўстаюць вобразы роднага дому, Радзімы, свету, таго асяроддзя, у якім жыў народны паэт.

Максім Танк – паэт глыбока філасофскага складу, паэт-мысліцель, аналітык, духоўны настаўнік. Падкрэслім, што глыбокае спасціжэнне навакольнага свету вызначаецца наяўнасцю такога маштабнага і аб’ёмнага паняцця, як філасафічнасць, у якой, удакладнім, па словах Л. М. Талстога, у роўнай ступені спалучаецца і настаўніцтва, і прароцтва. Настаўніцтва як навука жыцця, і прароцтва як прыродны дар прадбачыць. Настаўніцтва кліча да характа, дабра і праўды, а прарочы дух засцерагае ад збочванняў, хлусні і і падману.

Па прызнанні паэта, ва ўсіх яго вершах паўставалі і паўстаюць вобразы роднага дому, мілай сэрцу роднай Беларусі, знаёмага і шырокага свету, у якім таленавіты паэт жыў і тварыў. Выдатны натхнёны творца. Здзейсненае паэтам вартае сусветнага прызнання. А самае галоўнае, верлібры Максіма Танка носяць агульначалавечую маральную і духоўную каштоўнасць.

ЛІТАРАТУРА

1. *Калеснік, У. А.* Лёсам пазнае : выбр. літ. патрэты і нарысы / У. А. Калеснік. – Мінск : Маст. літ., 1982. – 560 с.
2. *Лявонава, Е. А.* Плыні і постаці : з гісторыі сусветнай літаратуры другой паловы XIX–XX ст.ст. / Е. А. Лявонава. – Мінск : Крыніца, 1998. – 336 с.
3. *Навумовіч, У. А.* Беларуская літаратура : вучэб. дапам. / У. А. Навумовіч. – 2-е выд., дап. – Мінск : Выш. шк., 2013. – 476 с.
4. *Танк, М.* Збор твораў : у 6 т. / М. Танк. – Мінск : Маст. літ., 1978–1980. – 6 т.
5. *Каваленка, В. А.* Голас чалавечнасці: пра некаторыя гуманістычныя матывы ў беларускай літаратуры / В. А. Каваленка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 162 с.
6. *Клышка, А.* Права на верш / А. Клышка. – Мінск : Беларусь, 1967. – 175 с.

Поступила в редакцию 27.07.2021

УДК 821.161.3

Трацяк Зоя Іванаўна

кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры сусветнай літаратуры
і замежных моў
Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт
г. Полацк, Беларусь

Zoya Tratsiak

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of World Literature and Foreign Languages
Polotsk State University
Polotsk, Belarus
zoya.tratsiak@rambler.ru

‘CONTINUOUS WAR’ MOTIF IN BELARUSIAN PROSE ABOUT WORLD WAR I: SOME TRENDS OF DEVELOPMENT

МАТЫЎ «ВАЙНА-КАНТЫНУМ» У БЕЛАРУСКАЙ ПРОЗЕ ПРА ПЕРШУЮ СУСВЕТНУЮ ВАЙНУ: НЕКАТОРЫЯ ТЭНДЭНЦЫІ РАЗВІЦЦЯ

The article is devoted to the multifaceted study of the ‘continuous war’ motif dominant in the Belarusian literature of the twentieth century. Two stages of its development are highlighted. The first one is associated with the works by Z. Biadulia, С. Hartny, М. Harecki, М. Zarecki, Ja. Kolas, К. Čorny; the second one is connected with L. Dajnieka, Н. Dalidovič, V. Karamazaў, М. Loban, I. Šamiakin, А. Jakimovič and their historical novels. Both stages are characterized by a thorough analysis of the continuous stream of catastrophic events which tested common Belarusians.

Key words: World War I; Belarusian literature; ‘continuous war’ motif; literary inclusiveness.

Артыкул прысвечаны шматграннаму вывучэнню матыву «вайна-контынуум», які дамінуе ў беларускай літаратуры XX стагоддзя. Вылучаны два этапы яго развіцця. Першы звязаны з творамі З. Бядулі, Ц. Гартнага, М. Гарэцкага, М. Зарэцкага, Я. Коласа, К. Чор-

нага, другі – з гістарычнымі раманамі Л. Дайнекі, Г. Далідовіча, В. Карамазова, М. Лобана, І. Шамякіна, А. Якімовіча. Абодва этапы характарызуюцца глыбокім аналізам бесперапыннай плыні катастрофічных падзей, якія выпрабоўвалі простых беларусаў.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *Першая сусветная вайна; беларуская літаратура; матыў «вайна-кантынуум»; літаратурная інклюзіўнасць.*

Up to now, Belarusian literature about World War I remains to be a relatively new field of research for foreign scholars. As a testimony to this, the editor of The Cambridge Companion to the Literature of the First World War V. Sherry stated that ‘there are topic areas for which I wish there were room to provide coverage: the writing of the war ... from the Russian experience, which is ... relatively undeveloped in the awareness of Continental and Anglo-American readers’ [1, p. 10]. It is appropriate to clarify, that the adjective ‘Russian’ here, in this context, refers to all the nations that were once united under the name of the Russian Empire. Another problem connected with Russian, or Soviet, literature about World War I was clearly stated by B. Hellman: ‘It is common knowledge that the First World War did not give birth to any great literature in Russia. ‘War literature’ was treated harshly by contemporary critics and later observers have not felt compelled to dispute their judgments’ [2, p. 3]. Thus, the scholar describes one of the trends typical of the Soviet literary studies of the 1920–30s, where the prose, poetry and drama about World War I, were treated as alien to the society. Nurtured on communist ideas, it blamed the war itself as imperialist, tsarist, unnecessary and unjust. These stereotypes managed to survive up to the end of the twentieth century and outlived the Soviet Union itself. Belarusian expert in literary studies A. Adamovič explained the reasons presented above practically in the same way [3]. Nowadays Belarusian scholars treat works about 1914–1918 as an integral part of the national literary process allowing to broaden literary horizons and pay special attention to some ‘forgotten’ works (Z. Biadula’s novel *Drawing Near* («Набліжэнне») [4], A. Harodnya’s short-story ‘In the Water-Meadows’ («У поплавах») [5], the novel ‘Die Wacht am Rhein’ («Варта на Рэйне») [6; 7]), to reread Belarusian classics (C. Hartny, Ja. Kupala, Ja. Kolas, M. Zarecki). Some topical issues were already covered in A. McMillin’s article ‘World War I in the Belarusian and English Poetry: Comparison’ (2014) [8] assisting in popularising Z. Biadula’s, A. Harun’s, Ja. Kupala’s works abroad.

It can be stated, that the Belarusian war prose of the twentieth century is marked by inclusiveness. It presupposes a systematic appeal to the theme of wars and similar socio-political cataclysms allowing the protagonists almost all the manifestations of personal, national, common Soviet and universal existence. The hypertrophy of the military component in the Belarusian fiction of the last century results from the specifics of the perception of the historical process. One generation passed through several global disasters in a row, and this harsh but unique human experience could not but become the subject of numerous works.

A literary representation of that kind of inclusiveness is connected with the ‘continuous war’ motif. It emerged in the works of Z. Biadula, C. Hartny, M. Harecki, M. Zarecki, Ja. Kolas, K. Čorny. These authors were the first to

observe and point out that a number of historical events merged into one indivisible current (World War I, the revolutionary year 1917, the Civil War, foreign intervention, the formation of the Soviet statehood). Thus, the theme of ‘man at war’ / ‘person in the course of history’ crystallised. It required the use of various literary techniques: from the developments of classical and socialist realism to modernist innovations. However, the authors’ views sometimes did not coincide with the ones officially accepted in the USSR, but the systematic use of symbols, allusions or thorough documentation of events without personal comments allowed circumventing that censorship.

Since the 1960s, the ‘continuous war’ motif has become the prerogative of Belarusian historical prose. L. Dajnieka, H. Dalidovič, V. Karamazaŭ, M. Loban, I. Šamiakin, A. Jakimovič depicted continuity and interdependence of different trials in an average person’s experience, paid attention to the formation of a new awareness of the national evolution. For example, one of B. Sačanka’s characters described it in the following way: ‘you have no time to make sense of it, to realize it properly, but something different, even more incomprehensible, horrible, is already piling up, overwhelming you. And you... do not think about anything else, there is no time for you to think – except how to be saved, to survive, to hit the shore, to feel the ground under your feet again’ (‘асэнсаваць, усвядоміць як след не паспяваеш адно, а ўжо навальваецца, захліствае ўсяго цябе другое, яшчэ больш незразумелае, жахлівае. І ты ... Ні пра што іншае не думаеш, няма калі табе думаць – выратавацца б, ацалець, да берагу б якога цвёрдага прыбіцца, зноў грунт пад нагамі адчуць’ [9, с. 367]).

Novels and short stories depicting World War I, Kaiser’s occupation, refugees’ or prisoners of war’s life, and the formation of Belarusian Soviet statehood were conceptually significant for strengthening Belarusian national consciousness. However, describing the formation of Belarus as a new state, the abovementioned prose writers gradually moved away from socialist realist clichés that rigidly regulated the depiction of socio-political phenomena. Instead, with special attention to the vicissitudes of national history, they focused on a combination of different perspectives in their characters’ worldviews, such as the Soviet type of mentality with some Russian imperial components, common Belarusian and personal values.

The development of the ‘continuous war’ motif has not been the exclusive prerogative of Belarusian prose only. National playwrights and poets also tried to interpret it artistically (Ja. Kupala’s drama and poetry, M. Harecki’s dramatic works).

For several generations of Belarusian authors, the very fact of working with the ‘continuous war’ motif meant a special reaction to the discreteness of the previous native literary tradition, which had been repeatedly hampered in its natural development. Thus, poets, prose writers and playwrights faced the difficult task of restoring, reinterpreting and renovating some literary trends in the context of new points of view.

Themes of moral quest and axiological crisis played a special role in the prose discussed (e.g. ‘At the Imperialistic War’ («На імперыялістычнай вайне») by М. Harecki, ‘Balachoviec’ («Балаховец») by Я. Kolas, ‘Fatherland’ («Бацькаўшчына») by К. Ўорны). The authors pointed out the urgent necessity to revise traditional values in connection with the events of 1914–1918, and underlined some ongoing transformations in such philosophical categories as the sense of life, good and evil, justice and injustice.

It should be noted that the ‘continuous war’ motif is closely related to the epic way of thinking as was typical of some authors. М. Harecki (‘Kamaroŭskaja Chronicle’, «Камароўская хроніка») or М. Loban (the trilogy about the Šemiets) could offer a logical resolution to their stories, because life constantly offered new trials. Z. Biadula, М. Harecki, Я. Kolas, К. Ўорны tried to realise the ‘continuous war’ motif in their short stories. The dynamics and diversity of the historical process forced them to be careful in selecting episodes that illustrated the most striking manifestations of that ‘continuous war’. The authors attempted to combine in right proportions its ‘internal’ (the whole range of emotions and thoughts caused by extreme situations, constant psychological tension, awareness of the inevitability and ruthlessness of the trial) and ‘external’ (historical) components. In Belarusian literature, the ‘continuous war’ was reflected in the broad context of cornerstone images and themes: exile, return to the origins, quest for personal and national identity, loss and childhood.

The writers showed how an ordinary Belarusian did not see the end of the bloodshed, how major historical events of the period prolonged the moment of ‘exit’ / escape from the war [10, с. 292]. М. Paśladovič points out some features that confirm how deeply the concept of ‘continuous war’ affected human life. He proves his hypothesis by some scenes of everyday life: ‘the war, which had been raging over the land for five years, left its mark on people’s clothes. Its marks were now visible everywhere. Whether in soldiers’ belts or in long, down to the ankles, overcoats. The usual, everyday clothes of the war became a festive outfit for the poor village’ (‘вайна, якая на працягу пяці год грымела над краем, палажыла сваю пячаць на адзенне людзей. Усюды былі цяпер відаць яе адзнакі. Ці то ў салдацкіх паясах, у доўгіх да пят шынялях ... Звычайнае, будзённае адзенне вайны зрабілася для беднай вёскі святочным убраннем’) [11, с. 60–61]. The author highlighted the ‘militarisation’ of consciousness as that generation of Belarusians had become accustomed to the ‘continuous war’ to such an extent that they perceived it as something, if not entirely natural, then inseparably connected with their lifestyle. ‘Militarisation’ of life affected human attitude to nature as well. After World War I, the flora and fauna were desecrated. An ex-combatant accustomed to manslaughter tried to adapt his experience to the areas which were not to be subjected to destructiveness. The same problems were discussed in ‘Drawing Near’ by Z. Biadula and ‘At the Imperialistic War’ by М. Harecki.

The desire for a life without wars and revolutions inextricably followed S. Baranavych’s characters, yet they foresaw that the new peaceful order would not be established so soon. They had to listen to literally every word to predict the

further course of events. Even an incredible rumour was perceived as an indisputable fact, every ill-considered statement caused panic. In such circumstances, the illiterate heroines of the story 'Borders' («Межы») took a piece of paper with a list of the future collective farmers for the announcement about the next mobilization. Soon 'war rumours spread throughout Brody. And no one knew where they had come from' ('па ўсім Бродзе насіліся чуткі пра вайну. І ніхто не ведаў, адкуль што ўзялося') [12, с. 172]. Males, who had taken part in the 1914–1918 massacre, considered ideas about the future acts of armed aggression a regular topic for discussion. Each of them tried to emerge as an outstanding futurist or strategist.

K. Čorny short story 'Seventeen Years' («Семнаццаць год») is distinguished by synergizing both approaches to the concept of 'continuous war'. Integrating exceedingly focused childhood memories with a more detailed story about the vicissitudes of adult life allowed the author to create a multifaceted analysis of the existence of Belarusians through socio-political cataclysms as well as to highlight certain universal problems exacerbated by World War I.

The very title of K. Čorny's story 'Seventeen Years' reflects his attempt to find at least some boundaries of his characters' existence in the course of severe events. Highlighting this relatively short period of time the writer maximally 'enriches' Piotr Tadarovič's life with all sorts of hardships. Existential problems caused a real axiological crisis, when the main character 'wasn't able to find either the beginnings, or endings, or reasons for anything: war, death, famine' ('ён не мог знайсці ні пачатку, ні канцоў, ні прычын – нічому: ні вайне, ні смерці, ні голаду') [13, с. 261].

Speaking about the essence of war in the twentieth century, K. Čorny made another synergy: he united private and universal aspects of human existence. Altogether, his ideas can be treated as a specific definition of the 'continuous war' motif: 'War is also part of the iron series of misfortunes that have settled in from the time immemorial, and every now and then, they descend upon humanity – like famine, diseases and deaths, and everyone tries to find salvation ... as well as they can' ('вайна таксама ўваходзіць у той жалезны шэраг няшчасцяў, што адвеку ўсталяваны і час ад часу сыходзяць на чалавецтва, як сыходзяць голад, хвароба, смерць, і кожны чалавек ратуецца ... як можа') [Там жа, с. 250].

Belarusian 'war' literature underwent a qualitatively new stage of development in the 1920–30s. It was associated with an objective historical need to represent World War I in fiction, the birth of the USSR, some attempts to solve several urgent national and international problems. Belarusian writers noticed that those catastrophic events intermingled in peoples' consciousness to the extent that they were treated as something eternal and fatal. That observation was so topical that the authors started to seek for adequate literary means to depict that peculiar way of life perception. Broadly, they were united by the 'continuous war' motif.

We have discussed the 'continuous war' motif based on several groups of prose works. They are the books exclusively devoted to the events of 1914–1918 (e.g. 'At the Imperialistic War', 'The Russian', 'The General' by M. Harecki, 'In the Water-Meadows' by A. Harodnia) and the ones where World War I was introduced into a broader historical context (e.g. 'Kamaroŭskaja Chronicle' by

M. Harecki, 'Fatherland', 'Seventeen Years' by K. Čorny). These works raised a whole complex of socio-political and moral issues, they depicted the process of transformation of individual consciousness ('militarisation') under the long-term influence of emergency factors. The 'continuous war' motif presupposed the use of some literary techniques: one of the most relevant for that purpose was the 'stream of consciousness' which highlighted two aspects: endlessness of social trials and eternal attempts to analyse the course of history. The historical background of the 'continuous war' motif was enriched in the second half of the twentieth century (especially by the events of World War II).

REFERENCES

1. The Cambridge Companion to the Literature of the First World War / ed. by V. Sherry. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 325 p.
2. *Hellman, B.* Poets of Hope and Despair. The Russian Symbolists in War and Revolution (1914–1918) / B. Hellman. – Helsinki, Institute for Russian and East European Studies, 1995. – 421 p.
3. *Адамович, А.* Война и деревня в современной литературе / А. Адамович. – Минск : Наука и техника, 1982. – 199 с.
4. *Бядуля, З.* Набліжэнне : аповесць / З. Бядуля. – Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі, Сектар маст. літ., 1936. – 230 с.
5. *Гародня, А.* У поплавах : апавяданьне / А. Гародня // Маладняк. – 1927. – № 7–8. – С. 23–35.
6. *Гародня, А.* Варта на Рэйне / А. Гародня. – Менск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1930. – 122 с.
7. *Гародня, А.* Варта на Рэйне / А. Гародня. – Мінск : Галіяфы, 2021. – 204 с.
8. *McMillin, A.* World War I in the Belarusian and English Poetry : Comparison / A. McMillin // Першая сусветная вайна ў народнай памяці і мастацкім адлюстраванні : мат. Міжнар. навук. канф. (Мінск, 7–8 кастрычніка 2014 г.) / прадм. і ўклад. С. Гараніна ; навук. рэд. А. Лакотка ; Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2014. – С. 32–37.
9. *Сачанка, Б.* Выбраныя творы : у 3 т / Б. Сачанка. – Мінск : Маст. літ., 1993. – Т. 1 : Вялікі Лес, кн. 1 і 2. – 590 с.
10. *Тяжельникова, В.* «Военный синдром» в поведении коммунистов 1920-х гг. / В. Тяжельникова // Военно-историческая антропология. Предмет, задачи, перспективы развития. – М. : Рос. полит. энцикл.» (РОССПЭН), 2002. – С. 291–305.
11. *Паслядовіч, М.* Паўстанне / М. Паслядовіч // Паўстанне ; Святло над Ліпскам : раманы. – Мінск : Маст. літ., 1988. – С. 4–240.
12. *Баранавых, С.* Межы / С. Баранавых / Новая дарога : апавяданні, аповесці, раманы, лісты. – Мінск : Маст. літ., 1989. – С. 105–214.
13. *Чорны, К.* Семнаццаць год / К. Чорны // Вераснёвыя ночы : апавяданне, раманы. – Мінск : Маст. літ., 2003. – С. 249–270.

Поступила в редакцию 13.07.2021

Яо Юань

аспирант кафедры зарубежной литературы,
старший преподаватель кафедры теории
и практики китайского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Yao Yuan

Postgraduate Student of the Department
of World Literature, Senior Lecturer
at the Department of Theory and Practice
of the Chinese Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
yao.yuan@mail.ru

НЕОСУЩЕСТВИМАЯ «АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА»
(на материале романа Чарльза Ю «Внутри Чайнатауна»)

THE UNREALIZABLE “AMERICAN DREAM”
(on Charles Yu’s Novel *Interior Chinatown*)

В статье анализируется тема «американской мечты» в творчестве американского писателя Чарльза Ю (на материале романа «Внутри Чайнатауна»). Рассматривается стереотипное восприятие американцев китайского происхождения глазами белых американцев в романе «Внутри Чайнатауна», также выделяются проблемы, с которыми сталкиваются американцы азиатского происхождения (национальная идентичность, дискриминация). Показывается, как сложен процесс осуществления американской мечты для американцев азиатского происхождения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *американская мечта, национальная идентичность, стереотипы китайцев, Чарльз Ю, «Внутри Чайнатауна».*

The article analyses the theme of the “American dream” in the works of the American writer Charles Yu (in his novel *Interior Chinatown*), examines the stereotypical perception of Chinese Americans in the eyes of white Americans in the novel *Interior Chinatown*, and highlights the problems that Asian Americans suffer from (national identity, discrimination). It proves how difficult the process of achieving the American dream is for Asian Americans.

К e y w o r d s: *American Dream, National Identity, Stereotypes of Chinese Americans, Charles Yu, Interior Chinatown.*

«Американская мечта», по определению американского писателя и историка Джеймса Адамса, это «мечта о земле, на которой жизнь должна быть лучше, богаче и насыщеннее для всех людей, с возможностью для каждого двигаться вперед по его способностям к достижениям... независимо от социального класса или обстоятельств рождения»¹ [1, p. 404]. Концепция «американской мечты» серьезно влияет на американское общество, в большой мере определяя сознание американцев, включая американцев китайского происхождения, и привлекает больше иммигрантов, в том числе из Китая, которые мечтают улучшить условия жизни и достичь личных успехов в «стране возможностей».

¹ “...that dream of a land in which life should be better and richer and fuller for every man, with opportunity for each according to his ability or achievement...regardless of the fortuitous circumstances of birth or position.” – Здесь и далее перевод наш. – Я. Ю.

Эта тема является одной из главных в творчестве писателей китайского происхождения с первого дня зарождения китайско-американской литературы. С XIX по XX век «американскую мечту» неустанно исследовали в своем творчестве такие писатели, как Суй Син Фар, Парди Лоу, Джейд Сноу Вонг, Максин Хонг Кингстон, Эми Тан, Гиш Джен и др. Стоит упомянуть, что эти авторы либо имеют евразийские корни (например, Суй Син Фар), либо принадлежат ко второму поколению китайских иммигрантов (Максин Хонг Кингстон, Эми Тан, Гиш Джен и др.). Этих авторов, по мнению специалиста по американской литературе Ю. В. Стулова, можно назвать «носителями транскультурности» – «явления, которое показательно для современного этапа мирового развития, направленного на открытость общества и взаимодействие на основе признания прав личности, человеческих сообществ независимо от расовой, гендерной, классовой или иной принадлежности» [2]. Хотя содержание «американской мечты» со временем изменилось, и писатели китайского происхождения разных поколений по-своему писали на эту тему, основным вопросом для всех являлся вопрос идентичности и самоидентификации. В XXI веке на фоне глобализации и роста ксенофобии новое поколение китайско-американских писателей продолжает поднимать все те же темы «американской мечты», национальной идентичности, стереотипов восприятия китайцев и т.д., которые волнуют китайских иммигрантов. Примером этого является роман Чарльза Ю «Внутри Чайнатауна» (*Interior Chinatown*, 2020).

Чарльз Ю родился в 1976 году в Лос-Анджелесе. Он принадлежит ко второму поколению тайваньских мигрантов, это типичный ABC (то есть рожденный в Америке китаец – American Born Chinese). С детства Чарльз Ю начал писать стихи, но его родители, как и многие китайские иммигранты, не хотели, чтобы сын стал писателем. В средней школе на него оказал влияние журнал «Poetry». Однако Чарльз Ю не сразу начал свою литературную карьеру. Он учился на юридическом факультете Колумбийского университета. Отметим, что в колледже писатель принимал активное участие в семинарах по поэзии, изучал поэтическое творчество, много читал и написал большое количество стихотворений. После окончания юридического факультета Чарльз Ю работал адвокатом в юридической фирме в Нью-Йорке. По словам писателя, он «почти предпочел среду, в которой чувствовал себя инопланетянином». Здесь Чарльз Ю начал литературную карьеру, однако ему «пришлось держать это в секрете и писать по ночам»¹ [3]. Он опубликовал три произведения: сборники рассказов «Супергерой третьего класса» (*Third Class Superhero*, 2006), «Как выжить в научно-фантастической вселенной» (*How to Live Safely in a Science Fictional Universe*, 2010) и «Извините, пожалуйста, спасибо» (*Sorry, Please, Thank You*, 2012), после чего оставил работу в юридической фирме и стал работать редактором сериала. В качестве соавтора написал сценарии сериала «Мир Дикого Запада» для телеканала HBO. Благодаря

¹ “I almost preferred an environment where I felt like an alien. I had to keep this part of me secret, do it late at night.”

созданию первого сборника рассказов «Супергерой третьего класса» Чарльз Ю был назван одним из «5 лучших писателей в возрасте до 35 лет», по версии Национального книжного фонда. Следует заметить, что все эти произведения не связаны с жизнью китайских иммигрантов, написаны в жанре научной фантастики. Только в своем четвертом романе «Внутри Чайнатауна» Чарльз Ю обратился к традиционной теме китайских иммигрантов – американской мечте, вопросу национальной идентичности и стереотипу «китайцев» с американским паспортом. Роман «Внутри Чайнатауна» удостоен Национальной книжной премии за художественную прозу 2020 года.

В отличие от произведений других писателей китайского происхождения, таких как Джейд Сноу Вонг, Парди Лоу, Максин Хонг Кингстон, Эми Тан и других, в романе Чарльза Ю «Внутри Чайнатауна» отсутствует резкий конфликт между двумя поколениями в семье. Он действительно иначе пишет об американской мечте и проблемах, с которыми встречаются китайские иммигранты.

По структуре и графическому оформлению «Внутри Чайнатауна» выглядит как сценарий телесериала. Действие происходит в китайском ресторане под названием «Золотой дворец» в сердце Чайнатауна. Главный герой Уиллис У принадлежит ко второму поколению китайских иммигрантов. Он живет в маленькой однокомнатной квартире в Чайнатауне и является актером детективного телесериала «Черный и Белый». С детства он мечтает сыграть роль Мастера кунг-фу и стать «старшим братом» (в Чайнатауне считается, что это наивысшее достижение в карьере актера азиатского происхождения, каждый китайский ребенок хочет достичь этого). Уиллис У усердно учится и занимается тренировками кунг-фу каждый день, но, к сожалению, получает только маленькие роли, которые имеют свою иерархию: восточного мужчины (Background Oriental Male), умершего мужчины-азиата (Dead Asian Man), обычного мужчины-азиата № 3 / доставщика товаров (Generic Asian Man Number Three / Delivery Guy), обычного мужчины-азиата № 2 / официанта (Generic Asian Man Number Two / Waiter), мужчины-азиата № 1 (Generic Asian Man Number 1). В телесериале «Черный и Белый» он никак не может осуществить свою мечту и сыграть Мастера кунг-фу, у него даже совсем немного реплик.

По сценарию однажды в Чайнатауне происходит несчастье: умирает старик-азиат и пропадает без вести «старший брат». Обстоятельства произошедшего расследуют двое полицейских – белая американка и афроамериканец. Уиллис У помогает им и играет роль «специальной приглашенной звезды». Он даже демонстрирует полицейским и инспектору азиатского происхождения комплекс движений кунг-фу, однако не успевает стать «Мастером кунг-фу». Начав играть эту роль в надежде осуществить заветную мечту, он вдруг узнает, что по сюжету он, оказывается уже умер от ранения. Осуществить мечту вне сериала трудно.

Чарльз Ю описывает историю родителей Уиллиса У, которые переехали в США с острова Тайвань: Мин Чэнь У, отец Уиллиса и Мастер кунг-фу, был жертвой репрессий со стороны гоминьдановской власти. До приезда в США он мечтал об «американском воздухе, барбекю и бейсболе». Мин Чэнь У хотел туда «прибыть утром в яркий понедельник» и мечтал, что «дружелюбные

незнакомцы помашут ему и всем остальным, приглашая на берег»¹ [4, p. 141]. Но так не случилось: в Америке никто не считал У и его друзей американцами, здесь они были просто «азиатами». У хорошо учился в университете, но из-за болезни матери бросил учебу. Пытался найти работу по специальности, но это не получилось. Причина была очень смешной – у него не было акцента, как у других китайских иммигрантов, и это разрушало стереотип [Ibid, p. 147]. Однако он быстро нашел работу в ресторане в Чайнатауне, где встретился с Дороти, будущей матерью Уиллиса. Дороти мечтала о личном успехе, когда смотрела на Тайване американские фильмы. Потом она приехала в США, работала помощником медсестры и жила вместе со своей сестрой, из-за конфликта с которой была вынуждена переехать в другой штат, пока, наконец, не переселилась в Чайнатаун. У и Дороти пытались снимать квартиру в другом районе, однако не удалось «из-за цвета кожи», хотя это и было незаконно, но «никому до этого нет дела» [Ibid, p. 149]. Они сняли «самую большую комнату, которую только могли найти, на самом лучшем этаже (восьмом)» [Ibid, p. 149] и работали ночью в китайском ресторане. Их жизнь была полна трудностей и неприятностей, но они терпели и мечтали, что когда-нибудь смогут переехать из Чайнатауна. Как обычная семья азиатов (Generic Asian family) они «сделали все возможное, чтобы стать американцами» [Ibid, p. 156], изменив образ жизни и исправив акцент; женщина была вынуждена работать проституткой, а мужчина начал совершенствовать приемы кунг-фу, однако в их жизни ничего не менялось. Причина была в цвете кожи.

На протяжении многих лет для китайских иммигрантов самым важным аспектом «американской мечты» являлся вопрос национальной идентичности: «Кто они, американцы или китайцы, или китайцы-американцы, или все это не важно, и они просто азиаты?» Чарльз Ю сказал в интервью газете *New York Times*: «Даже в детстве я всегда мучился этими вопросами: «Кто я? Как я сюда попал? Что я здесь делаю?» [5]. В романе «Внутри Чайнатауна» персонажи также сталкиваются с данной проблемой: например, в сериале «Черный и Белый» Уиллис У получает роль «азиата», и черный полицейский его предупреждает: «Если тебе здесь не нравится, то возвращайся в Китай!» [4, p. 96]. Отец Уиллиса хорошо учился в университете и прекрасно говорил по-английски, но все равно считался «чужим»; его друг Аллен (тоже тайваньский студент) был избит после «нападения на Перл-Харбор» [Ibid, p. 144]. Они старались вести себя так, как ведут белые американцы: даже дома разговаривали на английском языке, на праздники ели стейки, но это не помогло. Именно поэтому Уиллис кричал в суде: «Мы живем здесь уже 200 лет, но почему мы все еще не американцы?»² [Ibid, p. 242–243].

¹ “In his dream, he arrives on a bright Monday morning...friendly strangers waving him and the others onto shore.”

² “After two centuries here, why are we still not Americans?”

Что касается стереотипов, связанных с китайцами, то они имеют долгую историю: считается, что китайцы едят кошек и собак, мышей и тараканов, они хитрые и жадные, трусливые и молчаливые, каждый из них – специалист по кунг-фу и т.п. Во время введения «Акта об исключении китайцев» (1882–1943) и других законов белые американцы пользовались этими стереотипами в попытках дискриминации китайских иммигрантов [6, р. 60]. После отмены «Акта», особенно после публикации «Закона об иммиграции и гражданстве» (1965 г.), возник новый стереотип о китайцах: их называют «модельной группой меньшинства» (*model minority*), это означает, что они «образованы, имеют сильные семейные связи, трудолюбивы, талантливы и совершают меньше преступлений, чем другие этнические группы» [7].

В литературных произведениях часто возникают стереотипы о китайцах. Типичный пример – образ Фу Манчу (в романах британского писателя Сакса Ромера), который является «синонимом злого, непостижимого, китайского злодея», который укрепляет стереотипы о китайцах в глазах белых американцев [8]. Писательница Суй Син Фар в своих автобиографических мемуарах четко написала, что с детства она постоянно встречалась со стереотипами и проявлениями дискриминации: белые дети называли китайцев «желтолицыми чинками со свиным хвостом, которые едят мышей»¹ [9]; ее босс даже не считал китайцев «людьми»: «Я не могу примириться с мыслью, что китайцы – такие же люди, как и мы... у них нет выражения лиц»². Она боролась с этими стереотипами [Ibid].

В романе «Внутри Чайнатауна» Чарльз Ю с сарказмом описывает стереотипы о китайцах глазами белых и черных американцев, которые уверены, что все «китайцы» говорят по-английски с акцентом или вообще не знают английского языка, работают в китайском ресторане, где мужчины моют посуду и показывают приемы кунг-фу перед гостями, а женщины занимаются проституцией; в сериалах они играют только второстепенные роли, такие, как официант, доставщик еды, и всегда умирают в ходе сюжета... Это обычное представление о китайцах не только в Голливуде.

Многие писатели и критики дали роману высокую оценку. Например, писатель Адам Стернберг (газета *The New York Times*) сравнивает этот роман с юмористическими и искренними рассказами Джорджа Сондерса и метапрозой Марка Лейнера [5], а известный писатель вьетнамского происхождения, лауреат Пулитцеровской премии Вьет Нгуен Тан считает, что данный роман «сатирически показывает воображение расистов и глубоко погружает нас в человечность тех, кто страдает от негуманности и борется с ней»³ [10]. Вывод достаточно прост: иммигранты из Азии не могут осуществить свою «американскую мечту» не только в литературных произведениях, но и в реальной жизни. По мнению Чарльза Ю в интервью *BBC*, мотивом для создания

¹ “Chinky, Chinky, Chinaman, yellow-face, pig-tail, rat-eater.”

² “I cannot reconcile myself to the thought that the Chinese are humans like ourselves... their faces seem to be so utterly devoid of expression that I cannot help but doubt.”

³ “...which satirizes the racist imagination and brings us deep into the humanity of those who suffer from – and struggle against – dehumanization.”

романа послужил приход Трампа к власти: «Иногда действительно тяжело и непросто все еще чувствовать себя иностранцем (в США); мы отсюда родом, но у нас президент, который делает все, что только можно, чтобы разжечь ксенофобию, и делает широкие обобщения о том, что такое иностранное, а что американское»¹ [11]. На самом деле Чарльз Ю пишет об истории азиатских иммигрантов, о том, как трудно им стать американцами.

По мере эскалации «торговой войны» и «новой холодной войны» между США и Китаем, вспышки пандемии коронавируса американцы азиатского происхождения, особенно китайцы, страдают от дискриминации, расизма и даже насилия; их обвиняют в т.н. «китайском шпионаже» [12], «китайском вирусе»; их ругают, на них нападают, им кричат: «Убирайтесь домой, китайцы!» [13], хотя они имеют паспорт США и являются американскими гражданами. Очевидно, что вхождение в американское общество и борьба против стереотипов остаются главными задачами для иммигрантов из Азии, особенно из Китая. Пока же «американская мечта» для Уиллиса У не осуществима.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Adams, J. T. The Epic of America / J. T. Adams.* – Boston : Little, Brown, and Company, 1931. – 443 p.
2. *Стулов, Ю. В. Новые тенденции в американской литературе, новые имена / Ю. В. Стулов // Вестн. Башкир. гос. пед. ун-та им. М. Акмуллы.* – 2020. – № 4. – С. 150–155.
3. *Birnbaum, R. Charles Yu / R. Birnbaum // The Morning News [Electronic resource].* – 2021. – Mode of access : <https://themorningnews.org/article/charles-yu>. – Date of access : 19.02.2021.
4. *Yu, Ch. Interior Chinatown / Ch. Yu.* – N. Y. : Pantheon Books, 2020. – 259 p.
5. *Sternbergh, A. With His Fourth Book, Charles Yu Finally Feels Like a Writer / A. Sternbergh // The New York Times [Electronic resource].* – 2021. – Mode of access : <https://www.nytimes.com/2020/01/22/books/charles-yu-interior-chinatown.html>. – Date of access : 28.01.2021.
6. *Lee, H. X. Chinese Americans : The History and Culture of a People / H. X. Lee.* – California : ABC-CLIO, LLC, 2016. – 664 p.
7. *Lipin, M. Chinese Americans : Don't Call Us 'Model Minority' / M. Lipin // VOA [Electronic resource].* – 2021. – Mode of access : <https://www.voanews.com/east-asia-pacific/chinese-americans-dont-call-us-model-minority>. – Date of access : 01.02.2021.
8. *Fu Manchu. Museum of Chinese in America / Manchu Fu [Electronic resource].* – 2021. – Mode of access : <https://www.mocanyc.org/collections/stories/fu-manchu/>. – Date of access: 01.02.2021.

¹ “It’s sometimes really dispiriting and challenging to still feel like a foreigner [in the US]. We’re from here but here is the president basically doing all the stuff he’s doing to stoke xenophobia and making some very sweeping generalisations about what’s foreign and what’s American.”

9. *Far, S. S.* Leaves of the Mental Portfolio of an Eurasian / Sui Sin Far [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access : http://essays.quotidiana.org/far/leaves_mental_portfolio/. – Date of access : 21.11.2020.
10. *Yu, Charles.* Interior Chinatown / Ch. Yu // Official website of National Book Award winner Charles Yu [Electronic resource]. – 2021. – Mode of access : <https://www.charlesyuauthor.com/book/interior-chinatown/>. – Date of access : 18.02.2021.
11. *Tan, Y.* Interior Chinatown : The novel taking on Hollywood’s Asian tropes / Y. Tan // BBC News [Electronic resource]. – 2021. – Mode of access : <https://www.bbc.com/news/world-asia-55182826>. – Date of access : 19.02.2021.
12. *Barry, E.* A Scientist Is Arrested, and Academics Push Back / E. Barry // The New York Times [Electronic resource]. – 2021. – Mode of access : <https://www.nytimes.com/2020/01/22/books/charles-yu-interior-chinatown.html>. – Date of access : 04.02.2021.
13. *Purna, A.* “I Will Not Stand Silent.” 10 Asian Americans Reflect on Racism During the Pandemic and the Need for Equality / A. Purna // zKambhampaty Time [Electronic resource]. – 2021. – Mode of access : <https://time.com/5858649/racism-coronavirus/>. – Date of access : 08.02.2021.

Поступила в редакцию 10.06.2021

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 4 (113), 2021

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *В. М. Василевская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 26.08.2021. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 7.44. Уч.-изд. л. 8,13. Тираж 100 экз. Заказ 36.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172